

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

Высшее учение молчит
В науке надо повторять ошибки, чтобы их хорошо помнили ошибки, чтобы не повторять их.

**БОЯРСКАЯ ДУМА
ДРЕВНЕЙ РУСИ**
В. КАЮЧЕВСКОГО

**КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.**
Проф. В. Ключевского.

Часть I.
Издание третье

Человек может быть добрым, только если он будет просто научен.
Человек может быть добрым, только если он будет просто научен.
Человек может быть добрым, только если он будет просто научен.

Науку часто отождествляют со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, то есть умение пользоваться знанием как следует.

Кто смотрит из света во враждебную толпу, не видит никого из своих братьев, но служит мучителем для всех них.

Жалоба, что нас не понимают, чаще всего происходит от того, что мы не понимаем людей.

2
2015
Часть VI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (82) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — российский историк, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Во Ван Лак

Типичные работы авторов живописи Вьетнама
в период 1925–1945 гг..... 573

ФИЛОЛОГИЯ

Амирова З. О.

Synonyms of «to look» in English, Uzbek and
Russian 579

Гафурова Х. Ш.

Дневник Дочери Такасуэ «Сарасина никки»
в контексте дневниковой литературы Японии.. 580

Доспанова Д. У.

Специфика системы и функционирования
антропонимов в узбекском и каракалпакском
языках..... 582

Захраи С. Х., Хеммат-заде Ш.

Детерминант в современной русской
синтаксической науке..... 585

Куванова Ш. О., Хасанова Ю. М.

Linguistische wesentliche merkmale der bildung
von neologismen..... 587

Курбанова Н. А.

Трудности при переводе текстов
с неологизмами 589

Левина Э. М.

Экспрессивный потенциал топонимической
лексики (на материале белгородской поэзии) . 590

Макаренко Ф. Д.

Синквейн на уроках и во внеклассной работе.. 592

Макаренко Ф. Д.

Различные виды сложных предложений
как средство отражения художественной
реальности в рассказе Михаила Александровича
Шолохова «Судьба человека» 594

Мамадалиева С. А.

The skills of teaching pronunciation 597

Мыщик Ю. С.

Особенности употребления переводческих
трансформаций в произведении
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»
(на китайском языке) 598

Романцова Н. В.

Мир детства и образ ребенка в ранних новеллах
Р. Д. Брэдбери 601

Романцова Н. В.

Художественное время как элемент авторской
модели мира в романе Г. Дж. Уэллса
«Машина времени»..... 604

Суимбетова О. Г.

«Живое» и «железное» в лирике С. А. Есенина 606

Суровцева Е. В.

А. И. Солженицын, А. Д. Сахаров и Р. Медведев:
дискуссия вокруг «Письма вождям Советского
Союза» и её восприятие в эмигрантской печати
(М. Агурский) 608

Суровцева Е. В.

«Враг партии» В. М. Киршон и его письма
И. В. Сталину 613

Туропова Л. С.

Возникновение лексической супплетивности. 619

Хосейни А., Вализадэх Х.

Инфинитивные предложения со значением
объективной предопределенности в русском
языке и средства их передачи в персидском
языке 621

Ху Чженьбо, Чжао Цзин-янь

Catenation Property of Information — the secrets
of intelligence and language..... 625

Чжао Цзин-янь, Ху Чженьбо
A Review of Factors on the Second Language
Vocabulary Acquisition..... 630

Чиглинцева Т. А., Шестаков В. В.
Стилистические средства выразительности в речи
темных магов..... 633

Янгибаева С.
Отражение в книге «Фирдавс ул-икбол»
социально-политической обстановки в годы
правления Мухаммада Рахимхана I..... 636

ФИЛОСОФИЯ

Исаков А. А., Неупокоева В. Ю.
Философские и социально-политические идеи
русских еретиков конца XV века в «Сказании
о Дракуле-воеводе» 639

Павленко И. А.
Конфликт в динамике противоречия мира
и войны 642

Панасенко С. В.
Социальное событие как целостность..... 647

Рахматуллин Р. Ю.
Дух как категория религиозной онтологии 651

Сиразетдинова М. Ф.
Симулякр как средство манипуляции
сознанием..... 653

Стоян С. П.
Символизм в контексте изобразительного
искусства в концепциях Э. Кассирера
и О. Шпенглера 655

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Типичные работы авторов живописи Вьетнама в период 1925–1945 гг.

Во Ван Лак, аспирант

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова

Художники сосредоточены на красоте формы, ее содержании. Особенно популярны жанровые портреты, натюрморты, пейзажи сельского Вьетнама. Сочетание западных методов отражения природы представляет вьетнамское искусство в новых оттенках. Это отражено в работах Ле Ван Миэн, Тханг Тран Фэнг, Нам Сын, Ле Фо, Май Хынг Хы, Нгуен Фан Чан, То Нгок Ван, Ле Тхи Лыу, Хан Ван Кан, Лу Ван Дин, Нгуен Зя Чи, Нгуен Туонг Лан, Нгуен Тьен Чун, и т. д.

Ключевые слова: типичные произведения, живопись, художники, Вьетнам

Конец XIX века — 1925 г. — период становления вьетнамского искусства. За это время французское влияние распространилось по всей территории Индокитая. «Происходит соприкосновения двух культур и традиций. Французская культура распространилась по Вьетнаму, в результате последняя переняла творческий подход к разработке современного искусства» [5, с. 303]. Кроме того, растет количество вьетнамских художников, обучающихся во Франции, которые затем вернутся, чтобы передавать стиль и методы западного искусства с опорой на вьетнамскую культуру.

Смешение французской и вьетнамской художественной техники «формирует новый метод, концепции и стиль, которые являются причиной создания новых тенденций. 1925–1945 гг. — период формирования и развития современного искусства, новое искусство служит продвижению традиционного искусства» [5, с. 319]. Художники создали систему, которая работает во многих жанрах — портрете, натюрморте, композиции и т. д. Создаваемые изображения отражают дух западной и восточной культуры.

Художник Ле Ван Миэн (1873–1943) родился во вьетнамской провинции Нге Ан. Учился живописи в Школе искусств в Париже с 1891 по 1895 гг., у профессора Жан-Леона Жерома (J. L. Gérôme) (1824–1904) Ле Ван Миэн получил знания о европейском и французском искусстве. Вернувшись во Вьетнам, он создал ряд классических произведений; стоит отметить работы «Портрет Ту Мэм» (1896) и «Литературный комментарий» [илл. 2.48], которые содержат дух феодальной идеологии и конфуцианства. Фактура и техника находятся под влиянием французского искусства: четкая иконическая структура, объемность, динамический свет. Его работа явилась важной вехой в развитии вьетнамского искусства.

Тханг Тран Фэнг (1895–1963) является художником-самоучкой. В 1913 г. году был рабочим. Позже он обучался живописи в Колледже изобразительных искусств Индокитая (1926–1931). В произведениях «Пагода Чан Киэн Хуок на закате», «Рынок Бьюи» (1914), «Цветник» (1915), «Хай Ба Трынг» (1923), «Фам Нгу Лао» (1924) и др. отражено влияние европейских методов на народное искусство Вьетнама. «Художник использует метод обобщения, символизм, живую фактуру, яркие цвета, прослеживается влияние народного декоративного искусства» [6, с. 21].

Нам Сын (Нгуен Ван Тхо) (1890–1973) обучался живописи в Парижской художественной школе с 1924 по 1925 г. Вернувшись во Вьетнам, преподавал в Колледже изобразительных искусств Индокитая. Нам Сын использовал технику масляной живописи в реалистическом европейском стиле. Среди таких работ «Портрет учителя» (1926) [Рис. 1], «Девушка с Севера», «Портрет старого фермера» (1926), «Дорога на рынок» (1927), «Пейзаж у пагоды Трам» (1933), «Пейзаж Хыэ» (1936) и др. Нам Сын был первым вьетнамским художником, посетившим множество международных выставок: Париж с 1930 по 1936 гг., Рим, а также Япония в 1943 г. Он получил множество наград на выставках, в частности, в Риме в 1931 г., серебряная медаль «Salon de Paris» в 1932 г.

В работе «Девушка с Севера» художник создал яркий психологический портрет. Женщина изображена в национальном костюме Северного Вьетнама. Преобладают темные цвета — художник находится под влиянием французского творчества. Картины Нам Сына сочетают прорисовку тела в духе европейского искусства и восточную простоту в эмоциях и глубине.

То Нгок Ван (1906–1954) — выпускник факультета живописи Колледжа изобразительных искусств Ин-

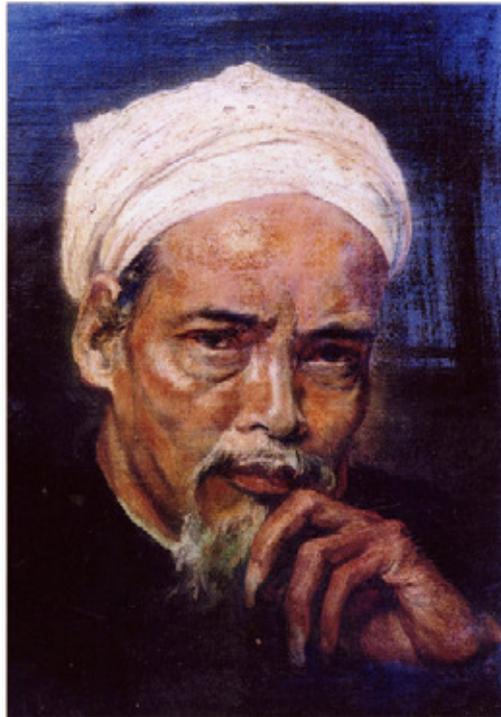

Рис. 1. Нам Сын. «Портрет учителя Си Дык» (1926) Холст, масло

докитая (1926–1931). Он принимал участие в международных выставках, в частности САДЕАИ (SADEAI) в 1935 и 1936 гг. с работами «Лодка на реке Хьонг», «Пейзаж Ты Дык», «Пейзаж Ангкор и Ванкор» и др. Был первым ректором Художественного колледжа Вьетбака с 1950 по 1954 гг. То Нгок Ван живо выражает свои впечатления через женские образы, обладающие современной красотой. Создал много картин на тему молодых женщин в романтическом стиле: «Девушка сидит у лилий» (1943), «Полдень» (1943), «Девушка с лотосом» (1944), «Девушка сидит», «Девушка опирается на стул». В этих работах заключается особая эстетическая ценность, глубокое содержание в создании образа молодой женщины.

Работа «Девушка сидит у лилий» (1943) написана в импрессионистском стиле, азиатская женщина описана в стиле западной культуры. Он «изображает молодую женщину, которая одета в белое платье, ее голова очаровательно наклонена, изображение наполнено нежной грустью». Белое платье символизирует тонкость, изящество, типичный характер городской девушки. Белые лилии сливаются с молодой женщиной, что создает ритм, гармонию чистого белого цвета. Лилия — символ молодых женщин — отражает концепцию современной жизни, народный ум. Масляная живопись, элегантные цвета создают игру света в работе, что придает романтики, создает роскошное изящество. У девушки розовые скулы, красные губы — это подчеркивает ее благородную красоту и элегантность. Плавные линии использованы наряду с простыми черными штрихами, благодаря чему создается форма с мягкими очертаниями.

В работе «Девушка с лотосом» (1943) художник изображает романтическую красоту девушки и цветка. Смешение линий создает чувственную красоту. Изображая молодую женщину, автор размышлял о том, что «красота является сильной эмоцией. Он находит красоту не в реальности, а дополняет ее с помощью своего глубинного художественного видения». Все девушки в его работах обладают утонченной красотой, они задумчивы, автор успешно выражает их настроение. Он пишет молодых женщин с большим уважением, без вождления, образ не слишком расплывчатый, женственный, прекрасный, подобно женщинам на картинах современных художников.

Ле Фо (1907–2001) родился в Ханое, умер во Франции, окончил первый поток факультета живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая (1925–1930), большое влияние на него оказал стиль Виктора Тардьё. Прибегал к различным материалам и стилям. В 1928 г. участвовал в выставке в Ханое, в 1930 — в Сайгоне, в 1932 — в Риме, в 1936 состоялась персональная выставка во Вьетнаме, в 1937 г. выставка в Париже.

Главным объектом его творческого процесса стал образ женщины, который удавался ему особенно ярко. На первом этапе женщина в картинах Ле Фо часто хрупкая, застенчивая, круглолицая. Образы элегантные, нежные, изящные, грациозные. Используя шелк и чистые цвета, он создает романтические сцены. По истечению времени сюжет его произведений меняется. Работа «Молодые женщины сидят» (1934) и «Птицы» (1937) были написаны под влиянием китайского и французского искусства. Но этот период очень скоро заканчивается, и он переключается на создание работ в новом стиле. Однако

Рис. 2. Ле Фо. «Две молодые женщины». 1938. Холст, масло

на протяжении всего творческого пути он изображал красоту женщин и цветов.

У героинь картин «Девочка» (1938), «Молодая женщина» (1938), «Уборка» (1942), «Две молодые женщины» (1938) [Рис. 2] «нет определенного возраста, у них добрые лица, маленькие глаза, маленький рот, длинные шеи. Они облачены в старинные платья. С полотен веет классической литературой». Росчерки кисти тонкие, двумерное пространство, женщина, как в торжественной религиозной живописи, ангелоподобна, будто персонаж в произведениях Боттичелли (Botticelli): лицо овальное, волосы черные, изгиб шеи напоминает работы Модильяни (Modigliani), образ пронизан меланхолией и таинственностью. Ле Фо сочетает двумерную структуру народного и современного восточного искусства. На следующем этапе своего развития он изображает худых девочек, создавая собирательный образ дочери. Он использует методы стилизации, преувеличения. Ле Фо оказал большое влияние на тенденции развития вьетнамской живописи.

Май Чунг Хы (1906–1980) окончил первый поток факультета живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая (1925–1930). Создавал работы с помощью различных материалов. В его романтическом стиле содержится национальный дух. Май Чунг Хы участвовал во многих выставках и добился успеха: 1932 г. выставка в Риме, 1938 — в Париже, 1941 г. — в Алжире, пер-

сональные выставки во Франции в 1964, 1967 и 1980 гг. и т. д.

Создавал образы девушек в ностальгическом настроении. Использует приемы европейского искусства, вызывая у зрителя глубокое эстетическое чувство. На портретах «Женщина» (1936), «Девочка» (1934) художник описал внутренний характер героинь. Через изображения Май Чунг Хы показан типичный женский характер, отражение жизни молодой женщины.

Художник любил образы женщин, детей и повседневной жизни народа Вьетнама. Его работы, выполненные по шелку, мерцают, что передает магическое искусство импрессионизма, но он не зависел от эстетики этого стиля. В реалистическом стиле Май Чунг Хы показал эстетическую ценность материалов — писал картины маслом в тонких нюансах. Приглушенные цвета вызывают чувство раздумья. Автор не прибегает к приему контраста только для того, чтобы придать работе гармонию, именно это создает ощущение легкости. Художник Чан Ван Кан отметил, что никто другой не смог бы так талантливо написать молодую женщину с красивыми глазами, показывая ее грусть и спокойствие, как художник Май Чунг Хы в работе «Девушка в трауре» (1935). «Действительно, Май Чунг Хы использовал мельчайшие линии, чтобы передать влажные от слез глаза, грусть, мечтательность на лице прекрасной молодой женщины, ее мягкость».

Рис. 3. Ле Тхи Луу. «Мать и дитя». 1940–1945. Холст, масло

На следующем этапе творчества Май Чунг Хы создает образ молодой женщины — символ его творческой жизни. Этому этапу присущи плоскость изображения и символические цвета. В работе «Украшение» (1939–1945) автор демонстрирует свой новый стиль, который отражает вьетнамское народное искусство.

В этот период также работал художник Нгуен Тьонг Лан (1906–1948), окончивший первый поток факультета живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая (1925–1930). Он был очень талантлив, но, к сожалению, умер молодым. Его творчество отличалось гибкостью фактуры и смелыми цветами: «Его девушки не идеальны, но несколько провокационны и откровенны. Это смело — писать подобные изображения в современных условиях».

Художник Фам Данг Чи (1920–1987) также окончил факультет живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая (1940). Наиболее известное произведение «Серебряный источник» (1945), в котором художник изобразил спящую девушку. Изысканный стиль, цветовой контраст, яркие черные линии создают величественную сцену. Молодая женщина лежит на кровати, она задумчива и печальна. Сочетание традиций, символов вызывает глубокие эстетические чувства. «Он использует визуальный метод контраста. Автор довольно успешно использовал приемы народного искусства Севера, а также Хюэ». Во время учебы в Колледже изобразительных искусств Индокитая, он изучал народное искусство Донг Хо и Чонг Хан, а также особое традиционное искусство Хюэ. Родился и вырос в городе Хюэ, наслаждался цветами народной архитектуры. Основная таблица цветов Хюэ содержит глубокие мысли, которые

давно и успешно используются в работах художников на шелке.

Чан Ван Кан (1910–1994) — один из самых талантливых художников своего времени. Он творил на различных материалах и в различных стилях: масло, лак, шелк, графика, реализм, импрессионизм. Чан Ван Кан окончил факультет живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая (1931–1936). Принимал участие во многих художественных выставках: среди них, ФАТРА (FATRA) — выставка ассоциации Аннам — и «Уникальный салон» в 1943 и 1944 гг. После восстановления мира в стране принимал участие во многих международных выставках и получил ряд престижных наград. Чан Ван Кан сделал большой вклад в искусство, многие произведения обладают высокой художественной ценностью. Является академиком Художественной академии Германской Демократической Республики, обладает Государственной премией Хо Ши Мина за вклад в литературу и искусство.

1925–1945 гг. очень плодотворный период: «Моя сестра» (1936), «Отец и сын» (1936), «Выход в поле» (1936), «Цветочный рынок» (1937), «Обливание» (1943), «Сестра Тхай» (1943) и др. Особенно интересна молодая женщина, изображенная в работе «Обливание» (1940): «художник показал простую деревенскую красоту, уют, цельный психологический образ». Он очень мягко и тонко описывает красоту движущегося объекта. Линии, жирные и тонкие, создают единство.

Также ему ярко удавалось запечатлевать образы детей. В работе «Сестра Тхай» (1943), выполненной в реалистическом стиле, художник изображает лицо девочки, обладающей внутренней красотой, ее невинные глаза широко

Рис. 4. Ле Ван Де. «Девушка». 1940. Шелк

раскрыты. Использование объема, света, нежных цветов создает произведение глубокой красоты.

Ле Тхи Луу (1911–1988) окончил факультет живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая (1927–1932). Особенно ярко ей удавалось передать красоту матери и ребенка. Творила под влиянием искусства Востока и Запада, удачно сочетала материалы, визуальный язык, фактуры. Недолгий период находилась под влиянием Модильяни, копировала его стиль, чтобы найти свой собственный уникальный стиль.

В ее художественном стиле едва заметен импрессионизм, но избежать влияния Запада ей не удастся, однако она с точностью изображает атмосферу и дух Вьетнама. Она создавала образы детей с пухлым лицом и невинными глазами, точно передавала материнское настроение, тревоги, мысли, воспоминания о прошлом. «Художник отдает предпочтение ярким цветам, но контур при этом бледный. Несмотря на то, что она сочетает много разных стилей, в ее творчестве прослеживается дух Восточной Азии».

В работе «Мать и дитя» (1940–1945) [Рис. 3] художник изображает мать и ребенка в тесном соприкосновении, описывая их нежность друг к другу. Ребенок с большими, круглыми, невинными глазами находится за спиной матери. Яркие цвета и свет, используемые под влиянием

импрессионизма, создают сильные эмоции. Изображение тонких деревьев напоминает о хрупкости природы. Автор очень тонко сравнивает человека и природу. Изображая мать и ребенка, художник устранил все лишние подробности. Тонкие мягкие линии создают эффект парения.

Работа «Мать и ребенок» (1940–1945) передает невинность ребенка, находящегося на руках матери. Мать весела, удовольствие изображено на лицах обоих. Свет сфокусирован на лице ребенка и матери, чтобы создать эффект обмена между двумя образами-символами. Образы матери и ребенка, обладающие глубоким содержанием, в картинах Ле Тхи Луу создали систему эстетических ценностей.

Ле Ван Де (1906–1966) окончил факультет живописи Колледжа изобразительных искусств Индокитая, является основателем Художественной ассоциации Аннам в 1940 г. Ле Ван Де участвовал в выставках в Риме в 1932 г., в Милане в 1934, в выставке Художественной ассоциации ФАРТА (FARTA) в 1943 и 1944 гг. Выставлялся на международных выставках с произведениями высокой художественной ценности «Море и жена», «Бог Мадлен под крестом» (1936) и др.

Особое внимание следует обратить на работу «Девушка» (1940) [Рис. 4]. Автор создал яркий образ девушки в мягких тонах. Пространство условно, символично. Мо-

лодая женщина прорисована мягкими линиями, но эмоционально, она обладает гармоничной красотой, тайной, воплощая в себе идеал [6, с. 36].

В период 1925–1945 гг. живопись обогатилась успешными работами выпускников Колледжа изобразительных

искусств Индокитая Гэоргэц Хань, Нгуэнг Ван Ту, Лыонг Цуанг Зи и др. Основными объектами изображения для художников стали молодые женщины и дети, которые явились для них восхвалением красоты человеческой жизни, способом передачи культурных ценностей.

Литература:

1. Во Ван Лак, Изображения — символы в произведениях народной графики Донг Хо во Вьетнаме // Перспективы науки, Тамбов, 2013. №3 [42] 2013. с. 59–55.
2. Во Ван Лак, Изображения — символы в произведениях народной графики Ханг Чонг во Вьетнаме // Глобальный научный потенциал, С, 2013. №6 [27] 2013. с. 38–43.
3. Во Ван Лак, Скульптура в гробницах в нагорьях Вьетнама// Молодой ученый (№18 (77), ноябрь 12014 г. с. 763–765.
4. Во Ван Лак, Влияние французского искусства на традиционную живопись Вьетнама в период 1925–1945 гг.// Молодой ученый (№1 (81), январь — 12015 г.
5. Нгуен, В. Ч. Искусство. Комментарии/В. Ч. Нгуен. — Ханой: Изобразительное искусство, 2000.
6. Нгуен, З. К. Сущность восточной философии/З. К. Нгуен. — Хошимин: Издательство Хошимина, 1999.
7. Нгуен, Х. Искусство Вьетнама XX века/Х. Нгуен. — Ханой: Знание, 2011.

ФИЛОЛОГИЯ

Synonyms of «to look» in English, Uzbek and Russian

Амирова Зохида Ориповна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

When talking about synonyms of the word 'to look' in English, Uzbek and Russian we should first look at how differ definitions of this verb in these languages, because in English and Russian the meaning of the verb is wider and in Uzbek — narrower.

If the basic meaning 'to direct your eyes in order to see' coincide in all three languages «qaramoq (biror kimga yoki biror nimaga), «направлять взгляд, чтобы увидеть кого-либо, что-нибудь, глядеть», then derivative meanings do not. They coincide only in two languages or do not coincide at all. And again structure of dictionaries differs — in Uzbek dictionary meanings are very generalised — there are mentioned 4 to 5, but in English dictionaries are from 6 to 12 meanings.

For example, in English one of derivative meanings of this verb in English is «to hope for, want or actively plan a course of action, or to hope someone will act in the way mentioned» which it does not have at all in Uzbek or Russian. 'To look' meaning 'to show in appearance, to seem or appear to be from facts or information' coincides with Russian «смотреть» meaning «иметь какой-нибудь вид», but in Russian it is used more in colloquial language. Compare English *to look well* and Russian *смотреть молодцом*. In Russian «to look» meaning «иметь попечение, заботиться» — *смотреть за детьми* — does not have equivalent meaning in English «to look» and Uzbek «qaramoq».

There is a difference of structure of languages. Important is the fact that English is analytical language, Uzbek and Russian is syntactical.

In Russian, as in syntactical language, meaning of the word is often altered by using prefixes and suffixes:

Смотреть — посмотреть, высмотреть, присмотреть, просмотреть, досмотреть, подсмотреть, etc.

In English, as in analytical language, — by using post-positions:

To look — to look after, to look at, to look down on, to look for, to look into, to look out, to look up to, etc.

Should we consider these combinations as independent word combination or just derivative? In some dictionaries

they are included in definition of 'to look' and in some they are examined separately.

In Russian dictionary as one of the meaning is mentioned parenthesis (вводное слово) — *Ты, смотрю, совсем ослабел.*

In our opinion, the differences of the meanings are reflected also in synonyms of this verb in different languages. However, synonym lines basically consist of the verbs expressing different ways of looking in the first meaning of this verb. But if we take synonyms of the verb 'to look' in English and translate them into Uzbek and Russian we will see that not all those translated words will be from the synonym line of this verb in that language (partially due to difference of meanings).

Mainly synonyms are expressing the ways of looking — very attentively — *to eye, to scrutinise, boqmoq, вглядываться*; firmly — *to stare, to gaze, tikilmoq, смотреть в упор, не отрывать глаз*; furtively — *to peep to peep, to'ralamoq (to'ralab qaramoq), взглядывать, поглядывать*; with anger — *сверлить глазами*; with love — *to ogle* etc.

Synonyms are expressed not only in one word but also in word-combinations. In English dictionary there are *to have a look, to pay attention, to skim through, to take note of view* and informal *to cast your eye* and even slang *to take a dekho*. In Uzbek, there are *butun vujudi bilan tikilmoq, ko'zini ola-kula qilib qaramoq, ko'zini uzmasdan qaramoq*. In Russian there are too a lot of word-combinations with the word 'eyes', «глаза», especially in colloquial language and slang. *Не спускать глаз, не отводить глаз, смотреть во все глаза, сверлить глазами, таращить глаза, брать глаза в руки, разувать глаза.*

The synonym line of 'to look' in Uzbek synonym language mainly consist of colloquial, common language and dialectal words. Several of them or their forms could be considered as obsolete.

Russian synonym dictionaries also provide colloquial and common language word in line with literary as synonyms. I would regard some of them obsolete too, as *воззриться, низать глазами, вызариться, запускать глаза*. But

one of them though, unlike in the Latvian dictionary, is already specified as obsolete — *взирать*. Regional words are not mentioned. Basically synonyms express the way of looking — attentively (всматриваться), with curiosity (тарашиться), firmly (не сводить глаз), angrily (сверлить глазами), time after time (посматривать). Some dictionaries provide synonyms also for derivative meanings, for example if meaning 'to face or be turned in a specified direction' it has synonyms *глядеть, выходить*.

English synonym dictionary provides only some informal words and one slang. There are also many different ways of looking, but these are different from those in Russian syn-

onym dictionary. For example, to look with continued attention — *to contemplate*, to watch carefully — *to eye*, to stare with open mouth — *to gape*, to look steadily and intently — *to gaze*, to look quickly — *to glance*, to look with eyes partially closed — *to squint*, to look lovingly — *to ogle*, to stare with wide-open eyes — *to goggle*, etc. in synonym line are included synonyms of 'to look' meaning 'to search' and 'to examine' — *consider, examine, inspect, read, scan, scrutinize, study*. Also are mentioned synonyms of 'to look' meaning 'to appear to be' — *seem, appear*, 'to be turned in particular direction' — *face, overlook*.

References:

1. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка. М., 1977.
2. Александрова, З. Е. 1998 «Словарь синонимов русского языка». Русский язык.
3. Потапова И. А. Краткий словарь синонимов английского языка. Пособие для учителя. Л, 1957.
4. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University press. 1995.
5. Rahmatullayev Sh., Hozirgi adabiy o'zbek tili. T., 2006.
6. Spooner, Alan. The Oxford Colour Thesaurus. Oxford University Press. 1995.

Дневник Дочери Такасуэ «Сарасина никки» в контексте дневниковой литературы Японии

Гафурова Хакима Шавкатовна, кандидат филологических наук
Университет мировой экономики и дипломатии (г. Ташкент, Узбекистан)

Дочь аристократа и сановника Сугавара-но Такасуэ вошла в историю японской литературы как автор дневника «Сарасина никки» 「更級日記」. Собственное имя её неизвестно и поэтому во всех исторических источниках она значится просто как Дочь Такасуэ.

Дневник «Сарасина никки» («Одинокая луна в Сарасина») был написан в конце XI века и относится к произведениям дневниковой литературы Японии эпохи Хейан (IX–XII вв.).

Эпоха Хейан занимает важное место в развитии литературы Японии и считается периодом формирования и становления национальных японских литературных жанров, включая поэзию, прозу, повести, дневники, поэтические записки. Необходимо отметить, что в данный исторический период дневниковая литература была одним из ведущих литературных жанров, а писательницы и читательницы дневников в основном были женщины — аристократки, что является редким явлением в истории мировой культуры.

Шедеврами женской дневниковой литературы, и поныне не утратившими общемировой ценности, являются произведения придворных поэтесс и писательниц как Мурасаки Сикибу («Повесть о Гэндзи»), Сэй Сёнагон («Записки у изголовья»), Митицуна-но хаха («Дневник эфемерной жизни») и Дочь Такасуэ «Сарасина никки».

Кроме «Сарасина никки», до наших дней дошло шесть произведений хэйанской эпохи, написанных женщинами и в названиях которых содержится слово «никки» (подённые записки, дневник). Все эти произведения значительно отличаются между собой и по объёму, и тематически, и формой изложения. Часто идут споры о том, являются ли эти произведения дневниками или же, все-таки, это произведения мемуарного характера? В данной статье, мы не будем останавливаться на подробном рассмотрении данного вопроса, а отдавая дань традиции будем называть эти произведения дневниками.

Мы можем точно сказать, что Сугавара-но Такасуэ написала дневник будучи в преклонном возрасте: «Дневник благородной госпожи, дочери Сугавара-но Такасуэ, написавшей его на склоне лет, когда даже луна в Сарасина кажется одинокой...» [1, с. 486] именно с этих строк начинается свое повествование автор дневника, которая без малого тысячу лет тому назад описала себя следующим образом:

われはこのごろわるきぞかし、さかりにならば、かたちもかぎりなくよく、髪もいみじく長くなりなむ。
[1, с. 299]

«... Надо сказать, что в то время собою я была нехороша, но думала, что повзрослею и расцвету небывалой

красотой, и у меня непременно будут длинные-длинные волосы»... [1, с. 500]

Автор, начинает повествование с описания своего детства, когда ей было всего 10 лет (1020 г.) и заканчиваются воспоминания 1060 годом, то есть тогда, когда автору исполнилось 53 года. Важно отметить, что дневник «Сарасина-никки» из всех произведений средневековой дневниковой литературы охватывает самый большой промежуток времени — 40 лет, тогда как «土佐日記» («Тоса-никки») описывает всего 55 дней путешествия; в «蜻蛉日記» («Кагеро-никки») Митицуна-но хаха описывает 21 год своей семейной жизни; всего 10 месяцев воспоминаний охватывает дневник «Идзуми Сикибу-никки» «和泉式部日記», а Мурасаки Сикибу в своем дневнике «式部日記» «Сикибу-никки», начиная с 1009 года, на протяжении трех лет, описывает жизнь во дворце в период рождения сына императора.

Если рассматривать дневник «Сарасина-никки» с точки зрения охвата времени, а это сорок лет из жизни автора, то можно было бы предположить, что и объем дневника должен соответствовать объему изложенного времени. Однако, парадокс заключается в том, что «Сарасина-никки» один из самых коротких по объему дневников своего времени и в сравнении с дневником Митицуна-но хаха составляет одну четвертую часть от «Кагеро-никки». Данный факт заставляет задуматься над тем, как автор сумела уместить столь длинный период времени в такой маленький объем? Возможно, ответ на этот вопрос кроется в художественном мастерстве автора.

Одной из особенностей данного произведения является то, что несмотря на то, что автор описывает сорок лет своей жизни, при чтении дневника создается впечатление, что перед нами простое воспроизведение отдельных моментов из жизни автора, при чем тех моментов, которые затронули ее душу и были интересны ей (как, например, увлеченность романами Сикибу прослеживается почти на всем повествовании). Зарубежные исследователи дневника, считают, что Дочь Такасуэ вела так называемую *文学人生のノート* (литературную тетрадь или личные записки), в которой отмечала все важные для нее события своей жизни. [3, с. 11]

Центральными темами дневника являются: мечты и вера (как в религию, так и в будущее), снов, познание действительности, познание буддийских церемоний и разочарование в жизни. На протяжении всего повествования ощущается неудовлетворенность жизнью, постоянно происходит внутреннее противостояние действительности надеждам, которые можно сравнить с опавшими осенними листьями. На протяжении всего повествования автор не углубляется в свое душевное состояние, не показывает изменения своего внутреннего мира параллельно с событиями жизни, а только говорит об одиночестве. Реальная жизнь и мир фантазий вот что является основной темой повествования. Отступление от описания повседневных событий жизни, сосредоточение на литературе и религии, возможно, это и является главным литературным матери-

алом произведения. Многие записи дневника, по мнению, японских ученых сделаны после прочтения романов, которые сыграли существенную роль в моральном становлении автора дневника в период ее взросления. [4]

Большое значение в дневнике придается снам. Всего в дневнике насчитывается одиннадцать снов, каждый из которых имеет свое мистическое значение в жизни автора. Если смотреть с позиции сегодняшнего дня, то все ее рассказы о снах кажутся странными, но в то время это было абсолютно естественным и даже считалось необходимым обращать внимание на сны. Тема снов требует отдельного глубокого исследования, поэтому в данной статье мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе.

Нам остается только предполагать когда Дочь Такасуэ вышла замуж и какая у нее была семейная жизнь. Кажется бы, именно об этом и должна была писать женщина в своем дневнике, но рассматриваемый нами дневник отличается от других тем, что данная сторона жизни практически не затрагивается автором. Можно предположить, что после замужества жизнь ее была ничем не приметна, возможно даже посредственна. Она не выражает радость по поводу рождения своих детей, не говорит о своих отношениях с мужем. Главная героиня своими воспоминаниями только и говорит о том, что внутреннее одиночество сопровождает ее на протяжении всей жизни и в старости она это хорошо осознает. Смерть мужа была для нее своеобразным толчком к осознанию того, что жизнь прошла не так как она ее представляла себе в детских мечтах, корит себя за то, что сны оставляла без внимания и что мало молилась богам.

年月はずぎ変はりゆけど、夢のやうなりしほどを思ひ出づれば、心地もまどひ、目もかきくらすやうなれば、そのほどのことは、またさだかにもおぼえず。人々はみなほかに住みあかれて、ふるさとに一人、いみじう心ぼそく悲しくて、ながめ明かしわびて、久しうおとづれぬ人に、

しげりゆく蓬が露にそほちつつ人にとはれぬ音のみぞ泣く。 [2, с. 360]

«Прошли месяцы и годы, но стоит мне вернуться к тем дням, похожими на сон, как сердце приходит в смещение в глазах темнеет, и все как было, отчетливо вспомнить я не могу и теперь. Все разъехались, а в старой усадьбе осталась я одна, и в ночь, когда тоска и тревога не давали мне заснуть, я написала...»

Зарастает двор,

С полынь-травы

Некому росу отряхнуть.

Люди не приходят сюда,

Плачу в голос я, не стыдясь. [1, с. 550]

С высоты своих лет она пересматривает некоторые моменты своей жизни и как бы извиняясь перед собой раскисывается в своих поступках:

昔より、よしなき物語、歌のことをのみ心にしめで、夜昼思ひて、おこなひをせましかば、いとかかる夢の世をばもやあらまし。はつせにて前のたび、「稻荷より

賜ふしるの杉よ」とて投げ出でられし、出でしままに、稲荷に詣でたらましかば、かからずやあらまし。 [2, с. 357]

«Если бы с ранних лет я не влеклась бы душою лишь к бесполезным сочинениям и стихам, если бы с утра до вечера помнила о молитве, совершала обряды, возможно, мне не пришлось бы увидеть эти сны тщеты земной. Во время моего бдения в храме Хасе было мне сказано: «Веточка сути из храма Инари», — эту веточку дали мне не зря. Надо было тут же, не откладывая, совершить паломничество в Инари — тогда, может быть, все сложилось бы иначе!..» [2, с. 547]

Литература:

1. В. Н. Горегляд. Японские средневековые дневники. «Северо-Запад пресс» Санкт-Петербург, 2001.
2. Фуэкиока Тадахару, Полное собрание сочинений японской классической литературы. Токио, 1994.
3. Ан Женсуку. Исследование Сарасина никки. Канринсебо. Токио, 2000.
4. Имаи Такужи. 平安時代日記文学の研究 (Исследование дневниковой литературы эпохи Хейан). Токио, 1957.

Специфика системы и функционирования антропонимов в узбекском и каракалпакском языках

Доспанова Дилара Уракбаевна, доцент, кандидат филологических наук
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Ключевые слова: антропонимы, антропонимикон, сигналы антропонимов, концепт «семья», социальное поле, личное имя, прецедентное имя, узбекский язык, каракалпакский язык.

Антропонимия в целом и исследования отдельных этнических антропонимикон в частности имеют давние традиции в лингвистике, однако в первые десятилетия XXI в рамках лингвокультурологии и когнитивной (познавательной) лингвистики в этом раздел ономастики выявлены новые аспекты. Г. Р. Галиуллина подчеркивает, что «в последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам взаимосвязи собственных имён и культуры. Это связано с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, предполагающей анализ языковых единиц с целью познания его носителя <...> Антропонимическая система любого языка является фундаментальным материалом для познания, раскрытия самосознания народа, для понимания психологии и характеров людей, относящихся к определенной национальности или региону» [4, с. 4–5].

В организации системы и в функционировании антропонимов узбекского и каракалпакского языков важнейшую роль играет концепт «семья». Этот концепт «является одним из наиболее значимых в концептосфере любой лингвокультуры. Он имеет сложную семантико-фреймовую структуру: ядро концепта отражает его общечеловеческую универсальность как одну из форм

Само название дневника «Запутавшая в сновидениях» говорит о том, что Дочь Такасуэ провела свою жизнь в мечтах и грезах, запутавшись в них сожалеет об этом.

К сожалению, в рамках одной статьи рассмотреть дневник с точки зрения идейно-тематической направленности и художественных особенностей не представляется возможным, в виду того, что данные моменты требуют отдельного исследования. Так как это произведение дневниковой литературы представляет большой научный интерес для востоковедов-японистов, то нами планируется дальнейшее исследование дневника с точки зрения художественных особенностей дневника.

социальной общности людей; объемная интерпретационная часть соотносится с индивидуальными особенностями восприятия и национальной картиной мира» [3, с. 5]. Особую социальную значимость институт семьи и, соответственно, данный концепт имеют среди тюркоязычных народов в связи с большей, чем у европейских народов, ролью семьи для всех поколений, сохранением в той или иной мере тенденции к многодетности, ролью религии (для большинства тюркоязычных народов — ислама) во всей организации семейной (и частично общественной) жизни.

Актуальным, на наш взгляд, является исследование функциональной стороны антропонимов в аспекте социальных полей (СП). Теория социальных полей, с нашей точки зрения, наиболее полно разработана В. И. Болотовым. «Социальное поле строится на перекрещении отношений между членами социума, между множеством объектов, необходимых для жизни социума и между множеством слов и словосочетаний, денотирующих предыдущие множество. С социологической точки зрения СП представляет собой социальную группу; с лингвистической точки зрения — типичный круг вещей, характеризующих жизнь данной социальной группы» [2, с. 336].

Понятие социального поля включает в себя множество однородных ситуаций общения. При этом учитывается характер подъязыка, характер социума, предметный мир этого социума, с одной стороны, и способ общения (интимный, дружеский, фамильярный, официальный — с другой)

Таким образом, понятие «социальное поле» определенным образом коррелирует с понятием «социум», которое следует рассматривать как «многомерное пространство, в котором индивиды — носители языка классифицируются в зависимости от их возраста, места рождения и воспитания, социальной и профессиональной принадлежности и пола. Однако при этом каждый говорящий так же важен в социолингвистике, как важна отдельная клетка в биологии» [10, р. 10].

Социальное поле семьи включает не только членов семьи, ближайших родственников, но также и близких друзей, если общение происходит на уровне семьи. «Даже немногочисленная городская семья представляет собой сложную социальную структуру с точки зрения именованности индивидов по линиям «именование младшего поколения старшим», «старшего поколения младшим», «именование внутри одного поколения»; могут сильно варьироваться приемы именованности внутри старшего и младшего поколения.

В пределах разных СП антропонимы часто используются в сочетании с другими средствами номинации лиц, уточняющими возраст, социальный статус, какие-либо отличительные признаки лица, что повышает уровень номинативной ценности имени лица» [8, с. 12].

Из всех компонентов антропонимических формул (имя + отчество + фамилия) в узбекском и каракалпакском языках максимальной номинативной ценностью обладает личное имя, которое объединяет все социальные поля. Как известно, отчества и фамилии узбеков и других тюркоязычных народов внедрялись с 20-х-30-х годов XX века. Они по-прежнему остаются важными компонентами официальной антропонимической формулы узбеков и каракалпаков, однако в рамках СП семьи и даже СП администрации играют гораздо менее важную роль, чем у русских, вследствие чего «узбекское личное имя имеет большую назывную силу, более соответствует назначению индивидуализации, так как именник узбеков и в мужской, и женской части несравненно богаче, чем в английском и русском языках, а концентрация имен гораздо ниже [8, с. 46]. Действительно, многоименность — существенная отличительная черта узбекского и каракалпакского антропонимиконов, свидетельством чего является словарь Э.А. Бегматова «Ўзбек исмлири маъноси (изохли лугат)», в котором зафиксировано 14600 личных имен [1].

Для организации антропонимиконов тюркоязычных народов характерны некоторые своеобразные приемы, не свойственные другим системам именованности лиц. Свообразным явлением узбекского именника являются антропонимические серии внутри семьи, что является

и средством индивидуализации семьи в целом, и средством обобщения членов семьи.

«Антропонимическая серия — это, с одной стороны, группа имен, характеризующаяся общностью аффиксации, с другой стороны — такой ряд имен, у которого совпадают сегменты имени; наконец, антропонимической серией можно признать и такие сочетания имен, которые традиционно даются при наречении близнецов» [9, с. 144].

В узбекском языке у девочек чаще всего используются элементы **гул-** и **дил-** (**Гулбахор, Гулчехра, Гулнора, Гулсара, Гулрано; Дильбар, Дилором, Дилдора** и т.д.), у мальчиков **-бек** (**Улугбек, Ширинбек, Нурбек**), — **мат** (**Шермат, Нурмат, Эрмат, Негмат**).

Повторяющийся в имени отрезок может быть как значимым (**гул-** «цветок», — **бек** — титул), так и незначимым (**Феруза, Хафиза; Саннавар, Мунаввар; Назира, Нодира, Мохира** и мн. др.), но тогда он приобретает особую антропонимическую значимость — обобщение членов одной семьи [Ройзензон 1987, с. 145].

Очень часто в мужских именах используется элемент религиозного происхождения **абду-** (**абди-**): **Абдугани, Абдунасыр, Абдуназар, Абдулатиф** и т.д.

Антропонимические серии наблюдаются и каракалпакской системе именованности лиц, например: **Абдирашид, Абдисадык, Абдисайыт, Абдисамат, Абдисаттар, Абди-халык, Абдубакир**

Примечательно, что другие тюркские языки выработали и иные приёмы «цементирования» семьи, так, Галиуллина отмечает, что одной из примечательных особенностей антропонимии татарского языка является подбор созвучных, рифмующихся имён по различным линиям родства, причем традиция рифмования имён корнями уходит в древность. [4, с. 12–13].

А. Гафуров, сопоставляя ласкательные формы имен русских, англичан и восточных народов, пишет: «У таджиков, узбеков, у части казахов ласкательная форма имени «дозволена» в любом возрасте. Более того, когда хотят обратиться к малознакомому человеку, чаще всего называют его по имени, но в ласкательной форме. Для этого к имени присоединяют слово **джан** (в соответствующей фонетической форме), например, среднеазиатское» [5, с. 40]. Однако функционально эта форма является скорее уважительной, в оппозиции русским деминутивам **Ванечка, Егорушка, Артурчик, Серёжка** и под., как и формы преимущественно женских имен **Шохидахон, Раънохон, Саёрахон** и под. Кстати, эти формы могут использоваться как официальные, паспортные, наряду с формами **Эркиной, Шухратой** (в которых элемент **-ой** из **ой** «луна» смягчает «мужественное» имя) и формами на **-жон** (**Ахмаджон, Вохиджон Рахимжон, Тохиржон** и под.), характерными для мужских имен.

В целом узбекские и каракалпакские имена четко распределены по гендерному фактору, хотя морфологическая форма имен (при отсутствии категории рода) допускает именование некоторыми именами и мужчин, и женщин (ср. имена узбеков **Равшан, Шухрат, Эркин**), но тогда

к паспортному имени в общении может добавляться своеобразный сигнал антропонимов **-ой** (из **ой** — «луна»), либо имя женщины употребляется по «русскому» типу — **Равшана**. В данном случае интересным представляется сопоставительное изучение мужских и женских антропонимов узбеков и каракалпаков. На наш взгляд, в каракалпакском языке еще более силен гендерный фактор именования, о чем свидетельствуют, в частности, имена с явным указанием пола, например: **Кызларгул, Кызлархан** (кыз — «девочка, девушка») [6, с. 40].

«В английском, узбекском и русском языках сложились разные структуры СП семьи и СП администрации: в английском языке СП администрации «вдвигается» в СП семьи, чем предопределяется наличие ряда официальных формул общения; в узбекском языке, напротив, СП семьи «вдвигается» в административное СП, в результате чего преобладает «семейный» тип общения в учреждениях, организациях и т. д. В русском языке СП семьи и административное СП максимально разграничены по сравнению с узбекским и английским языками» [8, с. 66].

Под сигналами антропонимов подразумеваются слова или морфемы, устойчиво сопровождающие личные имена и способствующие введению их в то или иное социальное поле. В узбекском языке это, прежде всего термины родства (**ака, ука, ота, хола, синглим, кенаи** и др.); именно их употребление во многом обеспечивает «семейный» тип отношений в административном СП.

То же характерно и для каракалпакского языка, например: **ажага, апа, ата, ага ажапа, женге, кише, жезде, бийкеш, балдыз** и др.

Таким образом, концепт «семья» в сознании носителей этих языков выходит за рамки собственно семейных отношений и распространяется на административное социальное поле.

Итак, личное имя узбеков и каракалпаков в функциональном аспекте более значимо, чем другие составляющие антропонимической модели (фамилия, отчество), в то же время обращение к старшим только по имени, без тех или иных сигналов антропонимов, практически невозможно как в СП семьи, так и в СП администрации.

Изучение терминов родства в Узбекистане представляет большой интерес в плане выявления как общих закономерностей, характерных для узбекского и каракалпакского языков, так и черт своеобразия, присущих каждому

языку. Так, в каракалпакском языке бытует обращение женщины по отношению к мужчинам, старше и младше мужа: **кайнага** и **кайным**.

Этот же принцип исследования можно распространить на изучение сословных титулов, оставивших заметный след в лексике обоих языков, и других семантических рядов личных существительных.

Выявление прецедентных имен возможно не только по статистическим данным, но и по художественным текстам. Так, в русскоязычных и переводных каракалпакских текстах наиболее частотными именами являются **Абат, Айдос, Айтбай, Азат, Аллаберген, Атамурат, Байрам, Бердыбай, Генжемурат, Досназар, Досмузза, Ермек, Есемурат, Жолдас, Жумамурат, Зарипбай, Ибрагим, Косымбет, Кутлымурат, Мырзамбет, Назар, Нурымбет, Оразбай, Парахат, Полат, Сапар, Турдыбай, Турумбет, Утеген, Шамурат** и др.; **Айгуль, Аджамал, Анар, Бадагуль, Бийбигуль, Гулаим, Гуласен, Гульбике, Джумагуль, Жиингуль, Замира, Зибагуль, Канигуль, Кизларгуль, Оразгуль, Перихан, Раушан, Санем, Тазагуль, Улман, Шарипа** и др. [7, с. 142–143]. Этот список вовсе не совпадает с наиболее частотными именами узбеков; следует также учитывать различное фонетическое оформление совпадающих узбекских и каракалпакских имен. Несмотря на этническую и религиозную близость обоих народов, их именники все же существенно различаются и в мужской, и в женской частях, однако это, по сути предмет дальнейшего серьезного изучения.

В целом, в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии актуальными являются следующие аспекты антропонимии:

- сравнительное изучение антропонимиков близких по культуре тюркских народов (как синхронное, так и диахроническое);
- изучение гендерного распределения имен (мужских и женских антропонимиков); исследование особенностей мужских и женских именников в аспекте происхождения имен и их функционирования;
- выявление прецедентных имен;
- изучение наименований лиц в художественном тексте;
- изучение изменений, происшедших в системе именования в последние десятилетия;
- изучение новой формы номинаций лиц (никнеймов).

Литература:

1. Бегматов, Э. А. Ўзбек исмлири маъноси (изохли луғат). 14600 исмлар изохи. 2-нашри. — Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси (луғат), 2007. — 608 с.
2. Болотов, В. И. Имя собственное. Имя нарицательное. Эмоциональность текста. Лингвистические и методические заметки. — Ташкент: ФАН, 2001.
3. Бондаренко, Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010. — 22 с.
4. Галиуллина, Г. Р. Татарская антропонимия в лингво-культурологическом аспекте: Автореф. дисс... докт. филол. наук. — Казань, 2007. — 55 с.

5. Гафуров, А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. — М.: Восточная литература, Наука, 1981. — 221 с.
6. Доспанов, О. Д., Доспанова Д. О. Исминиздин сыры неде? — Нокис: Карапалкакстан, 2009. — 80 с.
7. Доспанова, Д. У. Иноязычная орнаментика текста (на материале каракалпакизов русскоязычной прозы): Дисс... канд. филол. наук. — Ташкент, 2004. — 190 с.
8. Жураева, И. А. Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках и специфика их функционирования. — Ташкент: НУУз, 2012. — 80 с.
9. Ройзензон, Л. И., Бобоходжаев А. Антропонимические серии у узбеков Нураты (Самаркандская область) // Ономастика Средней Азии. — М.: Наука, 1987. — с. 144–151.
10. Hudson, D. Sociolinguistics. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.

Детерминант в современной русской синтаксической науке

Захраи Сейед Хасан, профессор;
Хеммат-заде Шахрам, аспирант
Тегеранский государственный университет (Иран)

Статья посвящена изучению детерминанта в русском языке. В этой статье, выражая разные мнения лингвистов, мы стараемся рассмотреть детерминанты в русском языке со стороны их происхождения и места в системе синтаксиса.

Ключевые слова: детерминант, обстоятельство, распространяющие члены предложения.

Положение о том, что в составе распространенного предложения могут быть словоформы и сочетания словоформ, относящиеся ко всему предложению в целом (или к его предикативной основе) было развито Н. Ю. Шведовой в учении о детерминантах. [10, с. 181–193].

В середине прошлого столетия в изучении синтаксического строя языка наметилась тенденция к более углубленному рассмотрению основных закономерностей распространения/осложнения предложения, в особенности, к функционированию в нём свободно присоединяемых конструкций, получивших название детерминантов.

В 50-ые годы В. В. Виноградов высказал мысль о том, что в распространенном предложении некоторые второстепенные члены могут не связываться непосредственно ни с «группой подлежащего», ни с «группой сказуемого».

«Такие второстепенные члены предложения обстоятельства времени, пространства, причины, цели, уступки и условия, могут непосредственно относиться ко всей остальной части предложения в целом» [2, с. 145]. Эти второстепенные члены предложения могут относиться ко всему предложению в целом. Второстепенные члены, относящиеся ко всему предложению в целом «не являются компонентом какого-либо вошедшего в предложение словосочетания» [3, с. 522].

Детерминант в русском языке впервые был открыт и проанализирован Н. Ю. Шведовой и рассматривался ей, но надо отметить, что на особое положение в структуре предложения некоторых падежных и предложно-падежных форм, на их «независимость» по отношению к другим словам (отсутствие у них формальной и смыс-

ловой связи с другими словами и отношение ко всему предложению в целом)», на их «самостоятельность» в выражении определенных синтаксических отношений обращалось внимание давно [8, с. 88]. Многие формы слов и предложные группы, как бы порвавшие связи «слабого управления» или примыкания и, как правило, выносящиеся в начало предложения, лишь путем искусственных приемов могут быть отнесены к отдельному его члену [5, с. 150]. Так, например, в предложениях: **В джунглях** началась ночь; **Писателю** надо больше чувствовать, но понимать необязательно; **В порядке опыта** магазин работает без продавцов... — группы **в джунглях**, **писателю** и **в порядке опыта** не входят ни в какие словосочетания и оформляют предложение в целом.

При изучении детерминанта главными вопросами являются основные его положения и также его классификация.

Об основных положениях детерминанта, или детерминирующего члена можно указать на тот факт, что он является распространяющим членом предложения (распространителем), относящимся ко всему составу предложения и не связанным ни с каким отдельным его членом [4, с. 624]. Детерминантами называются некоторые виды обстоятельств и дополнений, которые могут относиться ко всему предложению, определять его в целом, а не один из главных членов предложения. В своей Н. Ю. Шведова пишет о детерминантах, что они могут опираться на форму одного из компонентов словосочетания, но не являются таким компонентом, у них свои, внешние никак не оформленные связи с предложением, свои возможности комби-

нирования и объединения друг с другом [10, с. 181–193]. Он является отчленяемым членом и не входит в структурную схему предложения [11, с. 188]. Также Т. Н. Степанова подчеркивает, что «...обстоятельственные слова, за исключением обстоятельства качественного и количественного определения действия/обстоятельства образа действия/относятся как правило, ко всему предложению в целом; дополнения же обычно только к глаголу» [9, с. 73]. Одним из самых показательных признаков детерминанта является отсутствие грамматической связи между ним и глаголом [11, с. 186–204]. Например: «*В воде (а не куда? — в воду) опрокинулись освещенные оранжевым солнцем далекие вершины*»; «*В Москву (а не где? — в Москве) ожидается приезд команд США и Финляндии*». Из примеров видно, что непосредственной связи между глаголом и предложно-падежной группой нет. Для обстоятельства же характерно наличие грамматической связи с глаголом.

Детерминант не связан системной, т. е. обязательной, правильной для данной системы языка на уровне семантики слова связью с тем словом, к которому в составе данного предложения формально может быть отнесен [11, с. 188]. Ср.: *В первом действии плательщица бледнеет и краснеет. Во втором — закрыв лицо руками, бежит по этажам в поисках недостающей трети. В третьем платит.* Для предложно-падежных групп в первом действии, во втором действии специфична связь с глаголами: *выступить, играть, петь, танцевать* и т. п. В приведенных примерах предложно-падежные группы системно не связаны с глаголом и распространяют предложение в целом, являясь их детерминирующими обстоятельствами. Обстоятельству свойственно наличие системной связи. Например: *В райцентре живет мой хороший знакомый. Связь жить в райцентре — грамматически правильна и системна.*

В современном синтаксисе русского языка уже не подвергается сомнению выделение детерминантов как особой синтаксической категории уровня предложения. Данные члены предложения, связанные с конструктивным центром подлежащее-сказуемое или главным членом односоставного предложения, «не обусловлены его грамматической формой или лексическим значением» [1, с. 143]; не непосредственно относятся к нему, а определяют «структурно-смысловую основу в целом (структурно-смысловую основу предложения составляют главные члены и их обязательные распространители)» [8, с. 90]; соединяются с ним связью «свободного присоединительного характера» [6, с. 31]. По поводу вопроса о классификации детерминантов, надо отметить, что на основе участия детерминирующих членов предложения в формировании семантической структуры предложения, Н. Ю. Шведова выделяет следующие классы детерминантов: субъектно-объектные и обстоятельственные [5, с. 150–159].

Детерминанты, формирующие элементарные основные семантические компоненты — субъект, объект, а также компоненты, совмещающие в себе эти значения

друг с другом или с разными видами определительных (обстоятельственных) значений (субъектно-объектные) [5, с. 150]. Такие детерминанты выражаются местоимениями и существительными в косвенных падежах с предлогами и без предлогов (а также наречиями, главным образом, местоименными с пространственными значениями). Например: *У нас везде есть место подвигу, да?; У вас телефон сегодня как часы; Нет, ему не жалко было Веньку Фомина, но и торжества он тоже никакого не испытывал, тем паче злого*; и

Детерминанты, формирующие неэлементарные семантические компоненты, то есть разнообразные обстоятельственные определители (квалификаторы) (обстоятельственные). Отмечается также совмещение в одном обстоятельном детерминанте нескольких обстоятельственных значений (места и времени, условия и времени, времени и сопутствия, времени и причины, условия и причины) [5, с. 162]. Например: *По всему лесу раздаются голоса; За окном стемнело; Вечером добрались до озера; До войны он был плотник; По окончании университета он уехал в Сибирь; От испуга ребенок не мог говорить; При всех его достоинствах он мне не нравится.*

Детерминанты первой группы вместе с главными членами предложения формируют его элементарную семантическую структуру; детерминанты второй группы соотносят сообщаемое с сопровождающими или обуславливающими его обстоятельствами, окружают и расширяют эту структуру. С информативной точки зрения роль обстоятельственных детерминантов может быть весьма существенна, но элементарных компонентов семантической структуры предложения они не формируют» [8, с. 149–151].

Детерминирующее обстоятельство определяет предложение в целом и обозначает место, время, причину, цель и т. д. [10, с. 181].

Обстоятельственные детерминанты выражают следующие значения: 1. пространственное, 2. временное и количественно-временное, 3. причинно-следственное (повода, основания, стимула и результата), 4. цели, 5. условия и уступки, 6. включения и исключения, 7. выделительно-ограничительное и заместительности, 8. сопутствия, соответствия, 9. способа, качественной и количественной характеристики, 10. сравнения (сопоставления).

Шведова по значению обстоятельственных детерминантов подразделяет на:

— Локальные (*У нас сейчас белые ночи; Повсюду флаги*);

— Темпоральные и темпорально-квантитативные (*Первого мая будет парад; Из года в год строятся новые школы*);

— Причинно-следственные (*от стыда не мог глаз поднять; это обычный класс, поэтому я о нем пишу*);

— Целевые (*для верности еще раз повернул ключ в замке; под наблюдением врача можно продолжать эксперимент*);

— Образа действия (*путем подкупа дельцы избежали контроля*);

— Со значением соответствия/несоответствия (*согласно программе объем товарооборота возрастает*);

— Со значением включения/исключения (*в числе первых мы поставили свою подпись под договором*);

— Со значением ограничения, уточнения, сопутствующего обстоятельства (*в первом цехе он получил почетное звание ударника*) [10, с. 185–195].

По мнению Н.Б. Кошкаревой грамматические признаки детерминанта следующие:

1. синтаксическая связь между детерминантом и предложением выражается свободным присоединением. Связь — обычно управление или примыкание;

2. Синтаксическая позиция:

а. В абсолютном начале предложения *В кабинете отца висел на стене старый охотничий кинжал*;

б. Непосредственно при главном члене: *Милый хозяин встретил меня в турецком будуарчике*;

Позиция детерминанта в начале предложения регулярна, и это есть неактуализированная позиция. Если детерминант находится в конце предложения, то это связано с актуализацией детерминанта и детерминант становится ремой;

3. Способность сочетаться с разными структурными схемами предложения: *В городе ожидается приезд гостей*; *В городе масса народу*;

4. Регулярность положения детерминанта во всех формах предложения, во все его парадигме [3, с. 94].

Литература:

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990. с. 143.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. Москва-Ленинград, 1947.
3. Грамматика-60, Т. II, ч. I, с. 522.
4. Грамматика-70, с. 630.
5. Грамматика-80, Т. II, 163, с. 459.
6. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2003. с. 31.
7. Кошкаревой, Н.Б. Синтаксис современного русского языка. М., 2014.
8. Рословец, Я.И. О детерминантах как самостоятельных распространителях предложения. М., 1973. с. 88.
9. Степанова, Т.Н. О разграничении обстоятельства и дополнения в английском предложении. М., 1963. с. 73.
10. Шведова, Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. М., 1964. с. 181–193.
11. Шведова, Н.Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? М., 1968. с. 188.

Linguistische wesentliche merkmale der bildung von neologismen

Куванова Шахноза Омоновна, старший преподаватель;

Хасанова Юлдуз Мухторовна, студент

Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Als Neologismen werden gewöhnlich Neubildungen und Wortschoepfungen bezeichnet. Neologismen sind Lexeme, deren Entstehungszeit bekannt ist und die zu eben dieser Zeit von meisten Menschen einer Sprachgemeinschaft aufgenommen, aber noch als neu empfunden werden.

Da es sich um eine sprachwissenschaftliche Kategorie handelt, die auf das gesellschaftliche System Sprache bezogen ist, solche Einmalbildungen, okkasionelle Einheiten nicht zu den Neologismen gezaehlt werden. D. Xuefu betrachtet als Neologismen «nur solche Innovationen, die aus der Sphaere des Individuellen hinaustreten, d. h. von Gruppen oder ganzen Sprachgemeinschaften aufgenommen worden sind». Von den uebrigen Wortschatzeinheiten unterscheidet sich der Neologismus dadurch, dass entweder die Form oder der Inhalt oder auch beides von

meisten Angehoerigen einer Kommunikationsgesellschaft ueber eine bestimmte Zeit hinweg als neu empfunden werden.

Entsprechend dieser Auffassung unterscheiden die Autoren der Arbeit «Theoretische und praktische Probleme der Neologismuslexikographie» folgende Gruppen der Neologismen:

Neologisme (Neuwoerter, Neubildungen).

Neuformative (Neupraegungen, Neubezeichnungen).

Neusememe (Neubedeutungen).

Noch weiter fasst D. Xuefu den Begriff des Neologismus: «Nach meiner Gliederung die Woerter, die nach 1945 aus fremden Sprachen neu entlehnt oder mit entlehnten Bestandteilen neu gebildet worden sind», Neuentstehungen genannt. Weiter klassifiziert er Neologismen aus heimischen

Wortmaterial in neue Ableitungen, Abkuerzungen und Ku-
erzwoerter, Neupraegungen und Neusemantismen.

Thea Schippan beschaermt den Begriff der Neologismen
auf Neubildungen, Neuwoerter aus heimischen und fremden
Morphemen und Woertern.

Die Ursachen der Bildung von Neologismen liegt im ge-
sellschaftlichen Bedarf an neuen Benennungen, die als erst-
benennungen fuer neue Objekte gebraucht werden, als
Zweitbenennungen, die als pragmatisch guenstigere Ein-
heiten gewaehlt werden.

Die Bildung von Neologismen erfolgt nach Wortbildungs-
modellen:

— Es koennen Synonyme entstehen. Das fuehrt ent-
weder zur Veraenderung des vorhandenen Wortes oder zur
Bedeutungsdifferenzierung.

— Neologismen entstehen oft reihenweise. Dies kann zu
Veraenderungen im Wortbildungssystem fuehren.

Im Duden-Bedeutungsworterbuch werden folgende rei-
henbildende Elemente verzeichnet, die dann als Konstitu-
enten von Neologismen auftreten:

— Neologismen entstehen mit den Prozessen der Ar-
chaisierung. Mit der Bildung neuer Woerter gelangen an-
dere an die Peripherie des Lexikons und veralten schliesslich:
Gaststaette, Restaurant schraenken den Gebrauchsbereich
ein (nur kleine Gasthaeser auf dem Lande).

— Neologismen koennen den Wortschatz mancher ono-
masiologischer Bereiche stark erweitern. Neue Motivations-
modelle werden genutzt. Dies kann am Beispiel der Farb-
benennungen gezeigt werden, obwohl viele der Neubildungen
nicht zu Lexikoneinheiten werden, sondern nach einer
Saison wieder aus dem Sprachgebrauch verschwinden. Als
Modifarben fuer Oberbekleidung werden gebraucht: Erd-
nuss, Kokos, Meer u. a. Als Komponente der Farb-
benennung tritt das Substantiv auf (delphingrau, opalblau, schilf-
gruen).

1. Neuwoerter:

— Acid (engl. Saeure)

Einst ein anderer Name fuer LSD, dann im Zuge der
Differenzierung schwarzer Popmusik (Hip Hop) einer von
vielen minimalistischen Unterscheidungsbegriffen fuer di-
verse Stilrichtungen und -weiterentwicklungen, etwa Acid
House, Acid Jazz oder Acid Revival.

— Bit (Abk. von engl. binary digit) = «binaere Ziffer»

References:

1. A. Iskos, A. Lenkowa. Deutsche Lexikologie. L., 1970. §131–137.
2. M. D. Stepanowa, I. I. Tschernyschowa. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M., 1975, S. 155–161.
3. Theo Schippan. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1984. S. 120–156.
4. Raschidowa D., Krauss I. I., Jurkowa T. A. Lehrmaterial und praktische Uebungen zur deutschen Lexikologie. Taschkent 1989. S. 129–132.
5. Lewkowskaja K. A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 1968. § 45–46.
6. Duden. Deutsches Universal Woerterbuch A-Z. Mannheim. Leipzig. Wien. Zuerich, 1989, S. 100–356.
7. Duden. Das Bedeutungsworterbuch (Wortbildung und Wortschatz), Bd. 10, 1985, S. 76–226.
8. Langenscheidt. Groeswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin und Muenchen, 2010, S. 78–260.

Die Grundheit, die elementaren Speichereinheiten in der
elektronischen Datenverarbeitung bezeichnet. Mittlerweise
schon zweckentfremdet zur Bedeutung kleinste Einheit. Von
was auch immer.

2. Neubedeutungen:

— Administration

Stand dieses Wortes frueher ausschliesslich fuer staub-
graues Verwalten, so haben es unsere Korrespondenten in
Washington vermocht, durch die penetrante Bequemlichkeit,
mit der sie ueber die «Reagan» — oder «Bush — Adminis-
tration» berichtet, die amerikanische Bedeutung des Wortes
dem recht seltenen deutschen Begriff ueberzustuelpen. Von
der «Kennedy — Administration» zu sprechen, waere ihnen
seinerzeit noch sehr merkwuerdig erschienen.

— Alarm

Kann offenbar nicht mehr nur in der deutschen Bedeu-
tung des italienischen

Lehnwortes fuer «Warnung» verstanden werden, son-
dern neuerdings auch in der englischen

Teilbedeutung von «wecken» — naehmlich in der Wer-
bung fuer eine Uhr mit Weckruf.

— angesagt.

Beliebte neuere, aus der Jugendsprache in die breitere
Umgangssprache gedrungene Absichtserklaerung oder Wil-
lens bekundung: Heute ist Kino angesagt.

3. Neupraegungen:

— Beauty (engl. Schoenheit)

Die noch schoenere Schoenheit ist die Beauty, ebenso die
noch schoenere Frau, die, um das zu werden, einen Beau-
ty-Day in einem Beauty-Salon einlegen kann, wo sie dann
mit Beauty-Fluids aller Art traktiert wird. Vorsicht ist al-
lerdings bei High-tech-Kosmetik geboten, die dauerhafte
Schoenheit verheisst, und so wiederholen wir an dieser Stelle
gern die Warnung des «Alster-Magazins»(1/95): «Beauty
Trend Permanent Make-up: Boom oder Bumerang?» Das
kann haesslich werden.

— City (engl. city) = «Stadt»

Schon seit laengerem eingebuergertes Wort fuer das (Ge-
schaefts-) Zentrum einer Grossstadt. Ein City-Concept da-
gegen ist die pure Grossspuergigkeit, wenn es, wie in einem
Hamburger Fall, eine stadtnahe Wohnanlage bezeichnen,
also eigentlich nur die gruene Wiese aufwerten soll. («Szene
Hamburg», 3/94).

Трудности при переводе текстов с неологизмами

Курбанова Наргиза Абдисоатовна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Как это известно, перевод — своего рода моральное, культурное и духовное богатство и деятельность человека. Его истоки ведут нас назад к древней истории. Это всегда играло существенную роль в культурной истории стран и мировой культуры в целом.

В наши дни деятельность перевода получила беспрецедентную область благодаря увеличенным международным контактам. Этот факт позволяет некоторым иностранным авторам, пишущим о роли перевода называть наше столетие «веком перевода». Верный факт, что перевод привлек внимание авторов и ученых, начиная с прежних времен, и развил основные соображения, которые были сформированы в нормативном понятии перевода.

В современной филологии новая теоретическая область науки начала развиваться как специальная дисциплина о переводе, названном как «теория перевода» или «наука о переводе». Наряду с названиями, упомянутыми выше, были введены определенные термины на английском языке для более точного определения этой области филологической науки, «*translatology*». Возникновение этих терминов и понятий свидетельствует о факте, что данная сфера проблем приобрела статус науки.

Естественно, в переводе роль языка всегда играла важную роль, являясь самым важным средством человеческого общения.

Искусство перевода такое же многовековое, как и литература. Как отмечает Рецкер Й.И. «... перевод это процесс интерпретации значения текста и следовательно произведение эквивалента текста, который передает то же сообщение в другом языке». Английский поэт и переводчик Джон Драйден писал: «Когда слова получают изящными, это огромное ущемление для автора, что они теряют свои значения при переводе. Так как, то, что красиво в одном языке может оказаться весьма не привлекательным в другом, и даже бессмысленным. И задача переводчика заключается в том, чтобы подобрать такие фразы, которые не меняют значение и значимость слова».

С точки зрения Нида Е.А.: «перевод состоит из задачи самого близкого по значению эквивалента с уважением к значению и с уважением к стилю».

Восприятие художественного текста — категория историческая, и оно меняется от поколения к поколению. Многие из слов, которые для читателя 19 века были неологизмами, стали для нашего современника обычными словами. А некоторые обычные слова того века превратились в архаизмы. Однако в эпоху создания произведения любой неологизм вводился автором с определенными функциональными целями, прежде всего, ради усиления выразительности и точности речи.

Основная трудность при переводе неологизмов — это уяснение значения нового слова. Собственно перевод неологизма, значение которого уже известно переводчику, задача сравнительно более простая, и решается она путем использования способов, приведенных ниже, в зависимости от того к какому типу слов принадлежит данный неологизм.

Тем не менее, словари по объективным причинам не могут в полной мере отражать в своем словнике все вновь появляющиеся слова, хотя бы потому, что лексикографы остерегаются включать в словари так называемые «оказиональные» неологизмы, т.е. индивидуальные новообразования, вводимые отдельными авторами для данного случая. Такие слова часто оказываются не жизненно устойчивыми и так же быстро исчезают, как появляются.

Исходя из определения термина «неологизм» можно предположить, что переводчик, впервые встречая собственно неологизм, естественно не имеет представления о понятии, обозначенном им. Поэтому значение неологизма приходится выяснять чаще всего из контекста. При письменном переводе контекст, как правило, довольно информативен.

В процессе перевода слова обычно выделяют два этапа:

- 1) уяснение значения слова в контексте;
- 2) передача этого значения средствами ПЯ.

В случае перевода неологизма, как уже говорилось выше, первый этап играет решающую роль, а последний есть лишь чисто технический вопрос, хотя и его важно решить методами наиболее приемлемыми для ПЯ.

В пределах общего понятия контекста различается узкий контекст (микро контекст) и широкий контекст (макро контекст). Лексический контекст — это совокупность конкретных лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых встречается данная единица. Учет синтаксического контекста позволит переводчику определить принадлежность неологизма к одной из частей речи, однако при уяснении значения неологизма решающим является учет именно лексического контекста.

Новые слова, как правило, возникают на базе уже существующих в языке слов и морфем. Анализ этих слов и морфем может оказать переводчику серьезную помощь в уяснении значения неологизма. Для этого необходимо хорошо знать способы словообразования в английском языке, такие как: придание уже существующему слову еще одного значения. Например, слово *call* в английском языке означает «называть», «вызывать, призывать; созывать», «вызов», «телефонный звонок» и др.

Описательный перевод осуществляется различными способами. Рассмотрим два случая. Биржевой термин *orepout cgu*, используя калькирование, можно было бы

передать как «открытый выкрик» не смущаясь буквализма, поскольку всем известно, что на бирже необходимо очень быстро реагировать на спрос и предложение и при назначении цены, для того, чтобы определить конкурентов, не кричать просто не возможно. Однако такой способ передачи (а уж тем более транскрибирование или транслитерирование) является неприемлемым, так как не раскрывает значения этого слова. В данном случае наиболее подходящем приемом был бы описательный перевод. Например, при переводе иностранного слова «апелляция» можно использовать такие слова, как *шикоят аризаси, судга норозлик, расмий талабнома*. Такое выражение, как *civil society*, которое сравнительно недавно вошло в наш лексикон, на узбекский переводится, как *фуқаролик жамияти*. При переводе тек-

стов (статей) на общественно-политические темы может встретиться выражение «*step by step*», которое в узбекском языке передаётся наиболее подходящим «*боққичма-боққич*».

Рассмотренный на данном примере способ описательного перевода мы называем объяснительным, поскольку в эквиваленте как бы объясняются существенные элементы значения переводимого слова. Объяснительный перевод стоит ближе к толкованию слова, но он все же остается переводом и пригоден для использования в реальном тексте.

Однако даже при оптимальном подборе объяснительного эквиваленте ему присущи такие недостатки, как многословность и некоторая факультативность эквивалента в языке перевода.

Литература:

1. Konurbaev, M., Shveitser A. D. «Theory and practice of translation» Moscow 2000, p. 162.
2. acciare, C. «The place of idioms in a literal and metaphorical world» Hillsdale 1993, p. 38.
3. Рецкер, Я. И. «Учебное пособие по переводу с английского языка на русский» Москва 1981 г., стр. 5.
4. Dryden, J. «Poetry and its translation» London 1683, p. 44.
5. Nida, E. A. «Toward a science of translating» Leiden 1964, p. 19.
6. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980. — с 167.
7. Хожиев, А., Узбек тили лексикологияси, Т.:Фан., 1981. — 300б.

Экспрессивный потенциал топонимической лексики (на материале белгородской поэзии)

Левина Элла Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Топонимы составляют значительную часть ономастической лексики. Их число очень велико на любой освоенной человеком территории; топонимия Земли насчитывает миллионы единиц. Наука о географических наименованиях развивается в тесном взаимодействии с историей, географией, этнографией, картографией, поэтому исследование топонимики способствует восстановлению фактов истории народа, границ расселения, области раннего распространения языков, географии культурного и экономического центров.

Проблемам поэтической топонимики, а именно вопросу о стилистических возможностях топонимической лексики в лингвистической литературе внимание уделяется, на наш взгляд, недостаточно. Описанию топонимической системы в текстах М. Цветаевой, К. Г. Паустовского, А. Т. Твардовского посвящены статьи М. В. Горбаневского, проблемы поэтической топонимики находят отражение в работах Г. Ф. Ковалева, М. Э. Рут, О. И. Фонаковой, В. К. Харченко и некоторых других исследователей (1; 4).

Как известно, топонимическая лексика является более «содержательной» по своей семантике, так как обладает богатыми традициями: издавна существовала тенденция привязать наименование места к какому-нибудь лицу или событию; в семантике она, таким образом, сконцентрированы лингвистические (речевые) и экстралингвистические (смысловой компонент, содержащий важную информацию) сведения (2). Смысловой компонент оказывается существенным, поскольку отчасти проливает свет на историю развития областей, на их культурно-исторические и естественно-географические особенности и т. п. Таким образом, географическое наименование обладает богатым ассоциативным фоном, что и позволяет говорить о выразительных возможностях тополексем.

В настоящее время существенным оказывается то, что та или иная тополексема ассоциируется в нашем сознании с определенной исторической эпохой, лицом, сыгравшим свою роль в истории (3). Это значит, что топонимы в художественной речи, помимо своего основного номинативного значения, обогащены добавочными смыс-

лами, обусловленными, с одной стороны, ассоциативным фоном, с другой, авторским эмоционально-оценочным восприятием. Топонимы в поэтических текстах различных авторов выполняют и другие разнообразие функции.

Характер использования их в художественной литературе исторически обусловлен. Каждый из писателей употребляет топонимы в соответствии со своим творческим методом, конкретными идейно-художественными задачами в том или ином произведении. На употреблении топонимов лежит печать определенной эпохи, литературного направления, отражается влияние мировоззрения, классово-политической позиции писателя, таким образом, одно и то же имя может служить разным целям.

Следует отметить, что «плотность культурных знаков» в художественных текстах различная, что определяется жанром исследуемого текста, лингвистической эрудицией писателя, определенной целеустановкой. Однако богатство в большинстве случаев достигается не за счет количества, а за счет разнообразия приемов использования. Безусловно, автор стремится не только к художественности, но и топонимической точности, поскольку это «стремление к правде, обеспечение информационной надежности текста» (4).

Топонимы составляют значительный по количеству пласт лексики, представляют собой своеобразную подсистему имен собственных и являются более «содержательными», чем имена живых существ, особенно людей, поскольку издавна существовала традиция «привязать» название места к какому-либо лицу или событию. Поэтому за каждым из географических названий стоит эпоха, традиция, жизнь нации, историческое лицо. Еще более выразительными и информативными становятся топонимы в поэтических текстах.

В творчестве поэтов Белгородчины особое место отводится нашему краю. В общем смысловом объеме исследованного материала, опубликованного за последние десятилетия, отражены обычные общечеловеческие мысли, идеи; то общее, что пережило общество за последние десятилетия, отражается в виде трех хронологических обозначений, связанных с военными действиями, боями в Афганистане и современными горячими точками.

Первый план отражен в стихотворениях самих участников Великой Отечественной войны (Кузубов Л., Кривцов А., Мамонтов К. и др.), а также в произведениях авторов второго поколения. Второй план — события в Афганистане — отражен в публикациях таких поэтов, как Н. Грищенко, В. Черкесов, В. Федоров-Клементьев и др. В поэзии Центрального Черноземья нашли отражение современные события.

Понятие Родины и родной природы у большей части поэтов Черноземья связано с Россией, причем здесь темпоральные характеристики у всех авторов приблизительно одинаковые.

Особое место в ряду географических названий занимают номинации **Русь, Россия, Родина, Отчизна**, которые в любом литературном произведении несут особую

смысловую нагрузку, обладают богатым ассоциативным фоном:

У каждого из нас своя **Россия**,

Свои деревни, села, города.

Одна судьба нас связывает с ними

И **Родина — Россия** навсегда. (Н. Молчанов).

В стихотворениях авторов Центрального Черноземья чаще встречается топонимическая лексика Белгородской области, поскольку поэты, как правило, посвящают свои тексты теме Родного края:

Или музыка слов, уникальных, насыщенных смыслов:

Ровеньки, Волоконовка, Грайворон, Губкин, Хотмыжск,

А легенда о **Ворскле! А Нежеголь** в ритме струистом!

Плюс кувшинки, стрекозы, чирки, элодея, камыш. (В. Харченко).

Подавляющее большинство географических названий в поэтических текстах выполняет номинативную функцию, поскольку использованные топонимы отражают связь с реальной действительностью, создают правдивую картину действительности:

Употребление географических названий обусловлено содержанием изображаемых событий или спецификой объектов: конкретизация движения в пространстве (куда? откуда?). В подобных контекстах топонимы выступают в своей основной функции — выделяют географический объект и соотносят с ним изображаемые в поэтическом тексте события.

Кроме основной функции, топонимы в тексте стихотворения могут приобретать характерологическое значение, раскрывая различные стороны называемого ими объекта, что весьма важно в познавательном отношении, так как содержание и форма географического объекта могут исторически изменяться и в различные периоды могут быть различными:

Географические названия Белгородчины служили не только средством пространственной ориентации, характеристики объекта, но и могли получать эмоционально-эстетическую оценку, в которой передавалась и неповторимая прелесть белгородских мест и выражалось отношение автора к изображаемому:

А речка **Нежеголь**, такая нежная,

Бежит по камушкам издалика (К. Зуев).

Издrevле славится Русская Земля великолепием белокаменных и златоглавых храмов. Зодчие воплотили в них дух нашего народа и всю его историю. Красота соборов — красота России. Известно, что наименование населенных пунктов по названиям церквей или религиозных праздников достигло известной продуктивности лишь в XIX веке.

Звонят к заутрене в **Покровском**

равно — рабу и палачу,

и вновь, бессонницей исхлестан,

себя молчанию учу... (В. Федоров-Клементьев).

Ойконимы, то есть названия населенных пунктов, использованные в поэтических текстах, достаточно разноо-

бразны по семантике образующих основ. Так, целый ряд контекстов содержит ойконимы, отражающие естественно-географические особенности Белгородской области, разнообразие ее природных условий, животного и растительного мира; топонимы, источником образования которых стали личные имена; некоторые использованные номинации отражают древние славянские топодеды и представляют собой производные названия от гидронимов неясной семантики (с. **Таволжанка** — р. **Таволжанка**, с. **Короча** — р. **Короча** и др.):

... А все-таки прошлого жалко,

В себе оно много таит.

В бору, как в большом полушалке,

Село **Таволжанка** стоит (В. Молчанов).

Описание исторических фактов, интересных сведений, относящихся к далекому прошлому, сражений, важных для нашей земли, также находят отражение в поэзии. В стихотворении К. Н. Зуева «Валу́йки» река **Валу́й** выступает в роли защитника своих берегов от вражеских набегов, олицетворяя храброго, смелого и отважного воина:

Вспоминаю я, как шли хазары,

Как татары шли ордой,

Как **Валу́й** держал удары

И смывал их всех волной (К. Зуев).

Известно, что поэты всегда стремились найти оригинальные описательные конструкции, приемы изображения, образы, тропы и стилистические фигуры. Любопытно использование гидронимов в фигуре олицетворения:

Отполирован гранит у реки,

Везелке унылой не снилось такое... (В. Харченко).

Приемы использования топонимических номинаций весьма разнообразны: наблюдаем содержательные и семантически значимые наименования, причем авторы дают характеристику топонимам по семантике образующих

основ, включая свои рассуждения в художественный текст. Строки В. Чурсина содержат семантическую характеристику ойконима-фитонима (**Подольхи**) и названия, отражающего естественно-географические особенности нашей области (**Подъяруги**):

Названья будто мастер все выстругивал,

Именовал, вдохнувши от сохи:

Деревня под *яругой* — **Подъяруги**,

Деревня под *ольхою* — **Подольхи** (В. Чурсин).

Другой автор связывает географическое название с событием из собственной жизни:

...Как мне жаль, что нас с тобой, весенняя,

Разделила станция **Раздельная** (В. Молчанов).

Иногда поэты отрицают связь номинации с семантикой образующих основ:

Идеи высосав из пальца,

Повсюду ищем мы врагов.

А хутор **Заячий** — без *зайцев*,

А **Луговое** — без *лугов* (В. Молчанов).

Авторы, произведения которых явились опорными для исследования, — россияне, связанные преимущественно с южно-русскими областями, прошедшие практически одну и ту же лингвистическую школу. В силу этого достаточно часто их произведения тематически близки, приемы художественного письма в известной степени схожи. Топонимическая лексика связана преимущественно с названиями Белгородской области. Лишь в некоторых случаях встречаем европейские названия. В целом местные топонимы помогают более конкретно создать зарисовку географической среды и отчасти проливают свет на историю развития селений, на их естественно-географические и культурно-исторические особенности, причем степень авторской привязанности оказывается очевидной и поэтически весомой.

Литература:

1. Ковалев, Г. Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж: ВГУ, 2004.
2. Никольская, Т. Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: Доклады IV Международной конференции. Ч. 1. — М., 1998.
3. Рут, М. Э. Образная номинация в русской ономастике. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.
4. Харченко, В. К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль: [Монография]/В. К. Харченко. — М.: Современный писатель, 1998.

Синквейн на уроках и во внеклассной работе

Макаренко Фаина Дмитриевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Овгортская школа-интернат среднего общего образования» (Ямало-Ненецкий автономный округ)

В 2006 году на курсах повышения квалификации узнала об одном из приемов технологии развития критического мышления через чтение и письмо — синквейне. Прежде всего обратила внимание на его определение.

«Синквейн — стихотворение из пяти строчек, каждая из которых имеет строгое содержание и определенную форму: 1-я — существительное, задающее тему стихотворения; 2-я — два прилагательных к данному существи-

тельному; 3-я — три глагола к данному существительному; 4-я — смысловая фраза; 5-я — одно заключительное слово, определяющее эмоциональное отношение ко всему сказанному». Сразу предположила, что ученикам такой прием создания текста понравится. Во-первых, потому что короткий, во-вторых, появляется возможность стать поэтом, ведь получаются «почти стихи». Да и существительные, прилагательные, глаголы все знают. Сначала

познакомила школьников с этим интересным приемом во время проведения общешкольного праздника — Дня науки. По итогам работы секции «Литературное творчество» в этот день был создан буклет, где ученики расположили свои первые синквейны. Дети заинтересовались подобной работой, и мы продолжили совместную деятельность по созданию синквейна на классных часах, при подготовке к творческим конкурсам. Вот некоторые примеры.

<p>Овгорт. Родной, таежный. Манит, притягивает, не отпускает. Мой дом — моя крепость. Моя родина.</p>	<p>Сыня. Чистая, журчащая. Течет, зовет, пробивается. Вода есть все живое на земле. Источник жизни.</p>
<p>Ямал. Щедрый, богатый. Согревает, развивается, объединяет. Дом мой — Ямал, спокойный и сильный. Сердце России.</p>	<p><i>Лонгортова Лена</i></p>
<p>Россия. Большая, могучая. Растит, учит, гордится. Россия — священная наша держава. Большая Родина.</p>	<p>Лес. Богатый, разнообразный. Дает, питает, выращивает. Самое красивое место в природе. Кладовая. <i>Анагуричи Галя</i></p>
<p>Овгорт. Любимый, дорогой. Трудится, учит, развивается. Где родился, там и пригодился. Малая родина.</p>	<p>Сыня. Чистая, богатая. Течет, поит, кормит. Река — источник чистой воды. Кормилица.</p>
<p>Ямал. Развитый, богатый. Живет, заботится, не забывает. Лучшее место в России. Добытчик.</p>	<p><i>Лонгортов Илья</i></p>
<p>Родной край. Процветающий, красивый. Растет, богатеет, учит. Где родился, там и пригодился. Малая родина.</p>	<p>Ямал. Щедрый, богатый. Растет, расширяется, объединяет. Маленький полуостров на карте земли. Родной край. <i>Недошовенко Юлия</i></p>

Итог внеклассной работы — создание презентации «Край, в котором я живу».

Жизненные впечатления рождают переживания, поэтому любое лирическое произведение — рефлексия. Среди стихотворных форм, основанных на рефлексии и построенных «по правилам», мы знаем не так уж много: японские танку, хокку; сонет.

К таким формам и относится синквейн.

Синквейн помог оживить уроки, внести элемент новизны. Синквейн я использую в качестве интерпретации чужого текста, способа конспектирования, сжатия информации. Приведу примеры создания синквейна на уроках литературы.

Герои «Капитанской дочки» А.С. Пушкина в синквейне:

Петр Гринев.
Добрый, благородный.
Служит, влюбляется, защищает.
На Бога надейся, а сам не плошай.
Герой.

Швабрин.
Бесчестный, безнравственный.
Лжет, мстит, изменяет.
Береги платье снову, а честь смолоду.
Предатель.

Маша Миронова.

Скромная, стойкая.
Привлекает, любит, спасает.
Любимый женский образ Пушкина.
Победительница.

Герои романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в синквейне

Евгений Онегин.
Модный, избалованный.
Развлекается, влюбляется, хандрит.
«И жить торопится, и чувствовать спешит».
Герой романа.
Владимир Ленский.
Наивный, простодушный.
Верит, любит, мечтает.
«Он сердцем милый был невежда».
Красавец.
Татьяна Ларина.
Задумчивая, нежная.
Читает, скучает, мечтает.

Литература:

1. Литература. Учебник для 8, 9 кл. М., Просвещение, 2010
2. Пленкин, Н.А. Уроки развития речи: 5–9-е кл. Книга для учителя: Из опыта работы. — М.: Просвещение, 1995.
3. «Первое сентября. Русский язык», 2006, № 18

Пришла пора, она влюбилась.
«Милый идеал».

Синквейн — интересный методический прием. Позволяет отработать навыки анализа текста, развивает внимание учащихся к слову, побуждает ребят анализировать свои ощущения, помогает учителю организовать диалог. Синквейн — средство создания не только обучающей, но и развивающей речевой среды, способствующей индивидуализации обучения и речевого развития учащихся. При внешней простоте формы, синквейн — быстрый, но мощный инструмент для рефлексии (резюмировать информацию, излагать сложные идеи, чувства и представления в нескольких словах не так-то просто).

Безусловно, интересно использование синквейнов и в качестве средства творческой выразительности. Как показала практика, данный методический прием помог вовлечь в процесс творчества ребят с разным уровнем подготовки по предмету.

Различные виды сложных предложений как средство отражения художественной реальности в рассказе Михаила Александровича Шолохова «Судьба человека»

Макаренко Фаина Дмитриевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Овгортская школа-интернат среднего общего образования» (Ямало-Ненецкий автономный округ)

Когда мы начали подготовку к экзаменам по русскому языку в форме ГИА и обратились к части С2.1 — сочинение-рассуждение на лингвистическую тему, — то школьники обнаружили необходимость ориентироваться во всех разделах науки о русском языке.

Во время изучения сложного предложения я предложила ученикам попробовать свои силы в исследовании роли различных видов сложных предложений в художественном произведении. Наибольший интерес к исследовательской деятельности проявила обучающаяся 9а класса Терентьева Ольга. С нею мы и продолжили работу.

Почему обратились к рассказу Михаила Шолохова «Судьба человека»? Прежде всего потому, что 2010-й был годом 65-летия Великой Победы, а 2011-й — год 70-летия со дня Великой Скорби нашего народа — начала Великой Отечественной войны.

Итак, ознакомившись со справочной литературой, с исследовательскими работами литературоведов и линг-

вистов, используя собственный опыт анализа эпизода художественного произведения, пришли к следующим выводам.

План

1. Введение. Язык — важнейшее средство человеческого общения.
2. Предложение — средство выражения человеческой мысли.
3. Направленность на обозначение ситуаций — важная особенность предложений
  - Способы обозначения нескольких ситуаций.
  - Что собой представляют сложноподчиненные предложения как один из способов обозначения нескольких ситуаций.
  - Сходство и различие сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений как способов обозначения нескольких ситуаций.
4. Роль сложных предложений в рассказе М. Шолохова «Судьба человека».

Предмет исследования:

- Сложносочиненные предложения.
- Сложноподчиненные предложения.
- Бессоюзные сложные предложения.
- Сложные предложения с различными видами связи.
- Их роль в рассказе М. Шолохова «Судьба человека»

как средства отражения художественной реальности.

Цель исследования:

- Определить роль сложных предложений в художественном тексте.
- Проследить, как различные синтаксические конструкции дают возможность передать целую гамму чувств, мыслей, наблюдений человека.

Актуальность:

— Одна из серьезнейших проблем сегодняшней школы — резкое падение интереса учащихся к русскому языку и, как следствие, снижение грамотности, косноязычие, неумение правильно, логично выразить свою мысль.

— И решить проблему нельзя, даже научившись правильно написать слово, в нужном месте поставить запятую. Это лишь форма.

— Важно, прежде всего, то внутреннее, то главное, что выражается через форму. Язык призван осуществлять общение между людьми, чтобы один понимал другого, чтобы каждый смог быть понятым, т. е. через язык выразить часть своего «я»: мысль, состояние, настроение, отношение к чему-либо.

— Помогает связать личность каждого ученика с учебным предметом художественный текст.

Методы и приемы:

- Наблюдение
- Анализ
- Сопоставление

Прогнозируемые результаты:

— Научимся осмысленно управлять и владеть своей речью, чтобы не просто слушать, а слышать и чувствовать язык другого человека.

— Научимся воспринимать текст как собственные переживания.

— Подготовимся к сочинению-рассуждению на лингвистическую тему на итоговой аттестации в форме ГИА.

Язык — важнейшее средство человеческого общения. Именно при помощи языка люди обмениваются мыслями, добиваются взаимного понимания во всех сферах жизни.

Средством выражения мысли является предложение. Вот встретились двое знакомых. Мы видим, как они оживлённо беседуют. Что значит беседуют? Они что — то сообщают друг другу (*Завтра мы уезжаем в Анапу*), о чём — то спрашивают (*А когда вы вернётесь?*) или побуждают к чему — то (*Возвращайтесь скорее!*). Иначе говоря, они произносят предложения. Беседуя, общаясь, они обмениваются не словами, не словосочетаниями, а предложениями.

Человеческая мысль — это определённое отражение действительности. Предложение показывает, является

сообщаемое реальным или нереальным (возможным, желательным, предполагаемым). Кроме того, в предложении отражается время совершения того, о чём в нём говорится (настоящее, прошедшее, будущее).

Важной особенностью предложений является их направленность на обозначение не предметов, а ситуаций. Предметы — это всё то, что занимает место в пространстве, а ситуации — это то, что протекает во времени, имеет своё начало и свой конец.

Для обозначения нескольких ситуаций могут использоваться сочетания из нескольких самостоятельных простых предложений, а также сложносочиненные, сложноподчинённые и бессоюзные сложные предложения.

Опираясь на предыдущее высказывание, делаем вывод, что сложноподчинённые предложения представляют собой такие предложения, которые, передавая одно сообщение, обозначают при этом не одну, а несколько ситуаций. Тогда как в сложносочиненных, как и в бессоюзных сложных предложениях, каждая из частей обозначает отдельную ситуацию и передаёт отдельное сообщение, причём единое пунктуационное (и интонационное) оформление указывает на то, что передаваемые сообщения тесно связаны между собой по смыслу. В то же время сложносочинённые предложения отличаются от бессоюзных сложных тем, что содержащийся в них сочинительный союз однозначно определяет характер смысловой связи между сообщениями. Соединительный союз **и**, например, подчёркивает в описываемых ситуациях черты сходства (как правило, в этом случае ситуации либо совпадают по времени, либо следуют друг за другом, либо находятся в причинно-следственных отношениях). Противительный союз **но**, напротив, указывает на несоответствие описываемых ситуаций друг другу, т. е. на то, что вторая ситуация противоречит ожидаемому следствию, которое должно было бы вытекать из первой (Выходило солнце, но всё небо было затянуто облаками). Разделительный союз **или** указывает на то, что в действительности имеет место лишь одна из нескольких названных ситуаций (Это взошло солнце или просто небо очистилось от облаков?)

Если говорящему или пишущему необходимо детально обозначить в одном сообщении несколько конкретных ситуаций, то оптимальным средством для этого являются сложноподчинённые предложения. Широкое употребление сложноподчинённых предложений характерно прежде всего для текстов разговорного и художественного стилей.

Обратимся к тексту рассказа М. Шолохова «Судьба человека». Начинает рассказ сложное синтаксическое целое (прозаическая строфа). Первое предложение — зачин, формулирующий тему строфы: «Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая». Второе предложение — сложное, с разными типами связи, союзной и бессоюзной: «В конце марта из Приазовья подули тёплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лёд,

бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны». Сложное синтаксическое целое равно абзацу, придаёт тексту динамичность.

Тема рассказа «Судьба человека» — история жизни главного героя, Андрея Соколова. Это рассказ — размышление о том, какова судьба человека на войне. Автор сделал смелый шаг, решившись рассказать всю правду о простой человеческой жизни, о страшной цене, которая была заплачена за победу, хотя ещё была жива память о сталинских репрессиях.

Характер Соколова раскрывается постепенно. До войны он был хорошим семьянином: «Работал я десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на «отлично»...» Речь героя нетороплива. Это подчёркивается многосоюзием — сознательным повторением союзов с целью замедлить речь вынужденными паузами. При этом подчёркивается смысловая значимость каждого выделенного союзом слова. Соединительный союз **и** в сложносочинённом предложении подчёркивает в описываемых ситуациях черты сходства, в этом случае ситуации совпадают по времени. Бессоюзное сложное предложение передаёт логическую связь между высказываниями (причинно-следственные отношения: «дети радовали» почему? что из этого следовало?)

Во время войны герой ведёт себя как настоящий мужчина: «На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы всё вытерпеть, всё вынести, если к этому нужда позвала». Перед нами сложноподчинённое предложение с последовательным подчинением придаточных предложений, в котором синтаксический параллелизм с анафорическим повтором усиливают эмоциональность речи героя. Повесть о фронтовой жизни, Соколов предельно краток. Он не произносит громких слов. Всё как будто просто, ничего особенного: «Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время был ранен, но оба раза по лёгкости...» Здесь автор, использует умолчание и эллипсис в составе сложносочинённого предложения, что придаёт высказыванию взволнованный характер.

Далее вновь сложное предложение с разными видами связи: подчинительной и бессоюзной. Бессоюзие придаёт речи динамичность и стремительность. («Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идёт, впереди стрельба, и уже начало пахнуть жареным...»).

Наиболее ярко характер Андрея Соколова раскрывается в условиях фашистского плена, за колючей проволокой концлагеря: «Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте, и в Баварии на земляных работах горб наживал...». В этом случае намеренное увеличение количества союзов в сложном предложении (многосоюзие) придаёт речи медлительность, усиливает значение слов, разделённых союзами. «А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют.

И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом...». Герой сдержан в рассказе о своих нечеловеческих страданиях в плену: «Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет ещё смотришь... Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти...». Здесь анафорический повтор придаточных предложений в сложноподчинённом предложении создаёт определённый ритмико-интонационный рисунок.

Благодаря автору мы видим рассказчика, его сгорбленную фигуру, большие усталые руки, наполненные тоской глаза, слышим его приглушённый басок, разнообразные интонации голоса, ощущаем волнение героя, когда он говорит об утрате близких: «Была семья, свой дом, всё это лепилось годами, и всё рухнуло в единый миг, остался я один». Шолохов сумел передать силу переживаний рассказчика. Время не смогло заглушить душевной боли Соколова. В лексике, структуре его речи ощущим накал чувств, потрясённость горем, обрушившимся на него: «Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила? Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь!» Сколько горечи в словах: «так покалечила», «так исказнила». Сколько отчаяния в дважды повторённом «нету» и полном безысходности утверждении: «Нету и не дождусь!» Но Соколов не злится на весь мир, не замыкается в своём горе. В его исстрадавшемся сердце находится достаточно тепла и доброты, чтобы усыновить сироту и трогательно заботиться о нём. Заменяя Ванюшке отца, герой сам понемногу возвращается к жизни: «Ночью — то погладишь его сонного, волосёнки в вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится легче, а то ведь оно у меня закаменело от горя». Сложносочинённое предложение с соединительным (**и**), противительным (**а**), повторяющимся (**то...то**) союзами помогает читателю зримо представить конкретный образ, почувствовать эмоциональность данного эпизода.

С напряжённым вниманием слушает автор рассказчика, ему невыносимо тяжело узнавать о нечеловеческих страданиях Соколова: «Не надо, друг, не вспоминай».

Этих разных по жизненному опыту и культуре людей роднит чуткость, отзывчивость, нравственная стойкость, верность Родине.

Авторское отступление в конце рассказа проникнуто грустным лиризмом, в нём и вера в духовные силы Соколова, в будущее Вани, и огромная боль за трагически сложившиеся судьбы людей, и сдержанная любовь к ребёнку. «С тяжёлой грустью смотрел я им вслед... Может быть, всё и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка...вернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся». Бережное отношение к миру чувств ребёнка, взволнованность автора выражены и в повторяющейся конструкции предложений, и в повторении слов: «Тут главное — уметь

вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребёнка...»

В «Судьбе человека» личность автора, его раздумья о жизни, реакция на исповедь Соколова, отношение к Ване придают рассказу композиционную цельность, определённую тональность — сострадание к великому горю Соколова и чувство гордости за высокую человечность его деяний. Перед читателем предстаёт не просто история жизни

солдата, а судьба человека, воплотившего в себе типичные черты национального русского характера.

Таким образом, работая с текстом рассказа, опираясь на литературоведческие и лингвистические исследования, сопоставляя языковые явления, мы пришли к выводу, что различные виды сложных предложений помогают автору создать яркую, убедительную картину, художественный образ.

Литература:

1. Журнал «Русский язык в школе» №6, 2006
2. Литература. Справочник. — М., 2008
3. Каплан, И. Е. Анализ языка художественных произведений. — С.-Петербург, 1992
4. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. — М., 2005
5. Сергушева, С. В. Комплексный анализ текста. — С.-Петербург, 2005
6. Тандит, И. В. Великий и могучий... Художественные тексты и педагогические советы. — М., 2008
7. Шолохов, М. А. «Судьба человека» — М., 1999

The skills of teaching pronunciation

Мамадалиева Сусуна Атамовна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Pronunciation is a skill that should be developed and perfected throughout the whole course of learning the language, that is why we insist that the teacher should use pronunciation drill during the lesson, irrespective of the stage of instruction.

The phonetical description is connected with the purpose of the work: to show how to pronounce the sacred texts without any distortions. The organs of speech were studied carefully; the sounds were described in accord with their articulation, much attention being given to the active organs of speech: the lips, the three parts of the tongue (front, middle, and back), the larynx. Phonetical changes on the of words and affixes were also analysed with precision.

The concept of intonation is not new to foreign language teachers. It has been common knowledge that the passive is better taught as a pronunciation of the active. What is new is that a new phonetical theory makes intonation a fundamental part of language study and language teaching. It represents both as dynamic phenomena.

As to intonation it should be taught mainly though imitation, though some explanations and gestures in particular are helpful. For example, the teacher can show the rise of the voice by moving his hand up and the fall by moving it down. He can also use the following symbols: for stress, for pause, for falling tone, for rising tone, and teach pupils how to use them while listening to a text and reading it. Consequently, teaching pronunciation in school must be carried out through conscious approach to the problem and imitation of the teacher and speakers when tape-recordings and

records are used. Neither the first nor the second should be underestimated.

Teaching a foreign language in schools begins with teaching pupils to hear and to speak it. That is, with the oral introductory course or the oral approach. A person learning a foreign language unconsciously continues to use his muscles in the old ways and substitutes the phonemes and the intonation of his native tongue. In learning pronunciation great use should also be made of imitation. Pupils learn to pronounce a new language by imitating the pronunciation of the teacher. Since young people's ability to imitate is rather good it should be used in teaching pronunciation as well. Indeed, there are sounds in the English language which are difficult to explain, for example, vowels. The teacher is often at a loss how to show his pupils the pronunciation of this or that vowel, because he cannot show them the position of the organs of speech while producing the sound.

The teacher pronounces a number of English words and asks his pupils to recognize the new sound. When a pupil hears the sound he raises his hand and in this way the teacher sees whether the pupil can recognize the new sound among other sounds already learned or not. If most of the pupils raise their hands, the teacher can offer exercises for the pupils to perform.

In studying English pupils usually make mistakes in pronunciation, often repeating the same mistakes again and again. The teacher should bear this in mind and either begin the lesson with pronunciation drill or use pupils' errors as the point of departure for the drill.

Of course the teacher takes those words pupils are familiar with. More often than not the teacher should begin a lesson with pronunciation drill. This does not mean, however, that its place should be strictly fixed. The teacher may turn to pronunciation drill whenever he wants to draw his pupils attention to the phonic aspect of the material they deal with and in this way teach pupils correct English pronunciation.

The teacher's principal concern is to make sure that every pupil can articulate English sounds correctly and pronounce words, phrases and sentences as close to the pattern as possible; hence pupils' learning by heart the material included in a phonetic drill (rhymes, proverbs, poems, songs, dialogues) is not the main aim. The main aim is pupils' correct pronunciation with regard to sounds, stress, rhythm, and melody. If tape — recordings used, the material should be recorded so that pupils can first listen to the speaker, then repeat in imitation of the speaker during the pauses long enough for pupils to reproduce it. When recording the material for classwork, therefore, it is necessary to take into account not only the time for producing sounds or sound sequences, but for organizing the class to pronounce it during the pause. So pauses should not be too short.

No matter how pronunciation is taught pupils will make mistakes in pronunciation of sounds, stress, and tones in the target language. The problem arises as to who should correct the mistakes and how they should be corrected. In the junior stage it is the teacher who corrects pupils' mistakes in pronunciation because pupils' ability to hear is not

developed yet; besides they need good examples to follow which can be given either by the teacher or by the speaker. Moreover, the teacher can explain the mistake to the pupil and show him what should be done to avoid it. The ability to hear the difference in pronunciation of people should be developed from the very first steps. At the intermediate and senior stages pronunciation errors must be corrected both by the teacher and by the pupils themselves, though it becomes possible provided that sound producing aids are widely used since listening to tape-recordings and records develops the pupil's ability to hear erroneous pronunciation when comparing the pattern pronunciation of the speaker with that of his own.

While reproducing passages of some text the students must show their command of substitutes and other means of connecting independent sentences into sequences. It is now well established that in any speech event a certain amount of information is not only issued, but also received. Human communication is two-way (two-sided) activity controlled by two different but interdependent and inter correcting mechanisms. This view upon human speech activity as a dynamic process makes the two-sided approach inevitable.

Young teachers are inclined to expect immediate results and soon they stop teaching pupils correct pronunciation as a hopeless task. No doubt they forget their own imperfections and do not that pronunciation can be taught only by a long, patient, and persistent effort throughout the whole course of study.

References:

1. G. H. Vallins. Spelling. London, 1954 г. 34—38p.
2. D. Jones. An Outline of English Phonetics. 8th ed., Cambridge, 1957 г. 18—20p.
3. N. Rogova. Methods of teaching English Moscow 1988 г. 47—49p.
4. E. Dragunova and G. Krosnoshokova. Angliyskaya orfoepicheskaya sistema. M., 1944 г. 15—16 p.
5. B. A. Vasilyev. English Phonetics, Leningrad, 1962. 19—22 p.

Особенности употребления переводческих трансформаций в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (на китайском языке)

Мызык Юлия Сергеевна, студент
Омский государственный педагогический университет

Поскольку ясно, что перевод не может быть абсолютным аналогом оригинала, главная задача переводчика состоит в том, что бы создать текст максимально приближенный к оригиналу по семантике, структуре и его воздействию на пользователя. Основная проблема в том, что между языками оригинала и перевода не всегда находятся языковые параллели. Переводчик должен найти такие средства передачи смысла оригинала, которые будут обладать той же функцией воздействия на читателя пере-

вода, какую выполнял оригинал по отношению к носителю языка оригинала или самому переводчику. Межъязыковые преобразования в целях достижения эквивалентности текстов оригинала и перевода называют переводческими трансформациями [2, с. 60]

В результате анализа отрывка из произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» («罪与罚》陀思妥耶夫斯基) мы выявили следующие трансформации:

1. Лексические трансформации

— Транскрибирование — воспроизводится звуковая форма иноязычного слова 彼得堡人 Петербуржец;

拉斯科利尼科夫 Раскольников; 齐梅尔曼 Циммерман; 莉扎薇塔 Лизавета; 卢布 Рубль; 阿廖娜·伊万诺芙娜 Алена Ивановна

— Фамилии, имена, отчества героев произведения, а так же названия мест были записаны переводчиком при помощи транскрибирования.

— Опускание — игнорирование в процессе перевода некоторых семантически избыточных слов.

对了, 大概是儿戏! Да, пожалуй что и игрушки!

真的, 不管什么样的蠢事, 不管什么不起眼的细节, 都会破坏整个计划! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить!

В данном произведении прием опускание был использован по отношению к словам не несущим смысловой нагрузки.

— Прием лексических добавлений — прием перевода, который характеризуется использованием в ПЯ единиц, которые отсутствуют или опущены в тексте ИЯ.

Наиболее часто данный прием используется для передачи определенных схем построения предложений, одной из причин его использования является грамматическое несоответствие конструкций в разных языках.

Для русского языка характерны предложения без подлежащего, без которого китайский язык обойтись не может, поэтому самым распространенным добавлением были местоимения, выполняющие роль подлежащего.

他只是偶尔喃喃自语, 这是由于他有自言自语的习惯, 对这一习惯, 现在他已经暗自承认了。Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался.

年轻人进去的那间房间并不大, 墙上糊着黄色的墙纸, 屋里摆着天竺葵, 窗上挂着细纱窗帘, 这时落日的余晖把屋里照得亮堂堂的。Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем.

Лексико-семантические замены:

— Генерализация заключается в замене исходного понятия более широким.

酒店 Распивочные;

这是一个干瘪的小老太婆, 六十来岁, 有一双目光锐利、神情凶恶的小眼睛, 尖尖的小鼻子, 光着头, 没包头巾。Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая.

门铃响声很轻, 好像铃不是铜的, 而是用白铁做的。Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди.

В ходе этой операции переводчик, следуя, но цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объемом и более сложным содержанием, заключенное в слове или словосочетании исходного текста, понятием

с более широким объемом, но менее сложным, менее конкретным содержанием.

— Конкретизация — замена словосочетания с более широким предметно-логическим значением словосочетанием ПЯ с более узким значением.

上次那个戒指给了您两个卢布, 可在首饰商那儿, 花一个半卢布就能买个新的。За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

一个半卢布, 利息先付, 要是您愿意的话。Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

Замена происходит, так как регулярное соответствие с ПЯ отсутствует. Использование словосочетания невозможно в данном контексте, так как будут нарушены правила лексической или грамматической сочетаемости слов, стилистическая или коннотативная эквивалентность. Переводчик так же прибегает к конкретизации, чтобы избежать лексических повторов

2. Грамматические трансформации:

— Грамматические замены — грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замена членов предложения приводит к перестройке его синтаксической структуры.

.....年轻人急忙含糊地说, 并且微微鞠躬行礼, 因为他想起, 应该客气一些。Поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

— Членение предложения — синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры.

倒不是说他是那么胆小和怯懦, 甚至完全相反; 但从某个时期以来, 他一直处于一种很容易激动和紧张的状态。患了多疑症。He то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию.

街上热得可怕, 而且气闷, 拥挤不堪, 到处都是石灰浆、脚手架、砖头, 灰尘, 还有那种夏天的特殊臭气。每个无法租一座别墅的彼得堡人都那么熟悉的那种臭气, — 所有这一切一下子就令人不快地震撼了这个青年人本已很不正常的神经。На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши.

您总是一个人在家? 妹妹不在吗? А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то нет?

— Синтаксическое уподобление — синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ.

拉斯科利尼科夫, 大学生, 一个月以前来过您这儿..... Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц...

3. Лексико-грамматические трансформации

— Экспликация (лат. explicatio — разъяснение) — уточнение понятий и утверждений

患了多疑症 Ипохондрия; 这可是明显的道理 Аксиома; 想入非非 Думая о царе Горохе; 女短上衣 Кацавейка

年轻人急忙含糊地说, 并且微微鞠躬行礼 По-спешил пробормотать молодой человек с полупоклоном

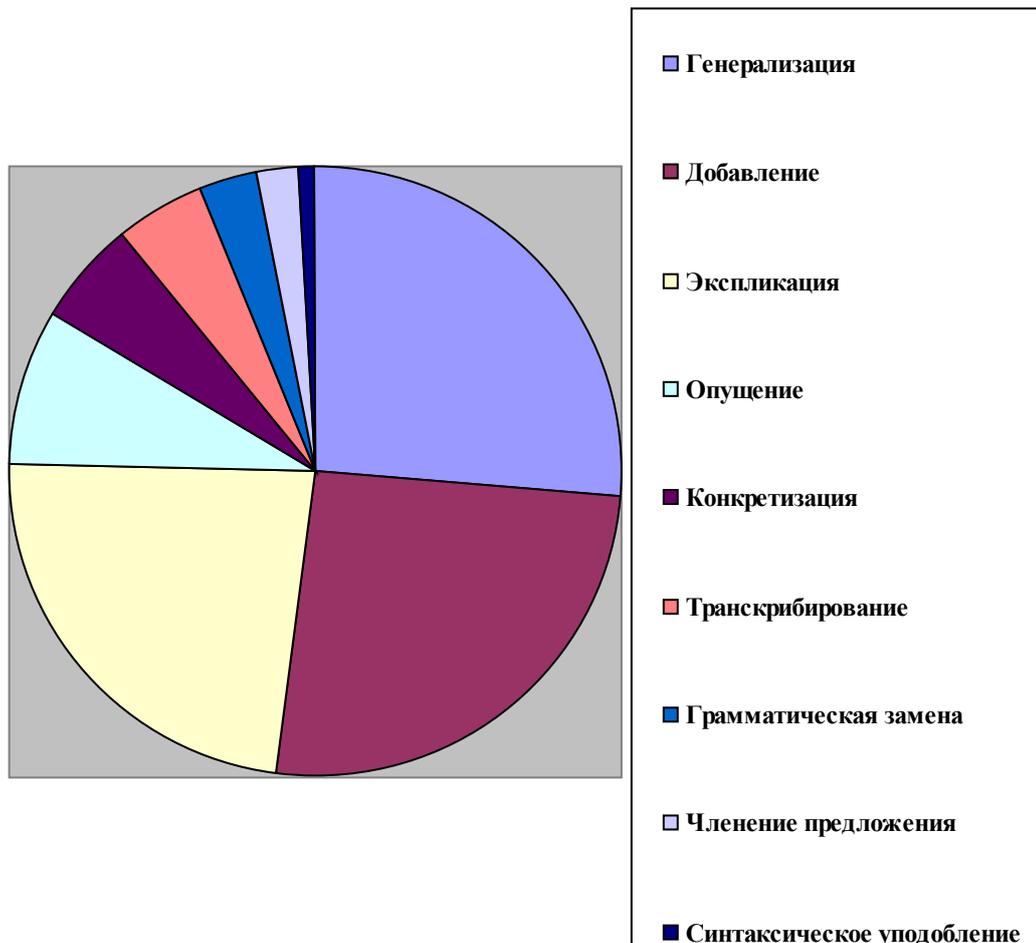
Каждый язык отражает окружающий мир по-своему, и это проявляется, в частности, в том, как каждый язык описывает ситуацию посредством слов и устойчивых словосочетаний. С помощью экспликации переводчик передает значение безэквивалентных слов.

Итак, в рассмотренном нами отрывке транскрибирование встречается 6 раз (без учета повторяющихся единиц), опущение 11 раз, добавление 33 раза, конкре-

тизация 7 раз, генерализация 34 раза. Членение предложения встречается 3 раза, грамматические замены 4 раза, синтаксическое уподобление 1 раз. Экспликация встречается 30 раз.

Таким образом, как видно на диаграмме, самыми распространенными приемами являются: генерализация, добавление и экспликация. Менее употребляемыми членение предложения встречается, грамматические замены, синтаксическое уподобление. Нами не были найдены примеры компенсации, модуляции и антонимического перевода.

Частотность употребления переводческих приемов в произведении

Литература:

1. 陀思妥耶夫斯基 《罪与罚》 http://www.fox2008.cn/Article/List/List_881.html (дата обращения 5.12)
2. А. Л. Семенов Основы общей теории перевода и переводческой деятельности — М., Академия, 2008.—160
3. Ф. М. Достоевский Преступление и наказание http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml (дата обращения 5.12)

Мир детства и образ ребенка в ранних новеллах Р. Д. Брэдбери

Романцова Наталья Витальевна, магистрант
Астраханский государственный университет

В данной статье выявляются особенности изображения мира детства, представляющего одну из центральных тем в творчестве американского фантаста Р. Д. Брэдбери. Для анализа были выбраны ранние новеллы, которые входят в состав сборников «Темный карнавал», «Человек в картинках», «Золотые яблоки Солнца», «Лекарство от меланхолии». Основным предметом изучения становятся категория детства и образ ребенка, которые, составляя основу авторской концепции, приобретают такие характеристики, как сложность и неоднозначность.

Ключевые слова: фантастика, новелла, тема детства, образ ребенка, амбивалентность образа.

Проза американского писателя Р. Д. Брэдбери охватывает широкий диапазон художественных идей, которые раскрывают его эстетические и интеллектуальные интересы. Жанровое и идейно-тематическое разнообразие, позволяющее обусловить постановку комплекса важнейших проблем, довольно часто определяется как специфическая черта творческого наследия писателя. Вс. Ревич, назвавший Р. Брэдбери «мечтателем», отмечает: «Брэдбери — выдающийся мастер слова, признанный стилист, тонкий психолог, проникновенный лирик, но лучше всего его назвать мудрым сказочником» [6, с. 5].

Отличительной чертой авторского мировосприятия является противоречивость, парадоксально сочетающая стойкую веру Р. Брэдбери в мудрость и силу человечества и пессимистичные настроения, связанные со страхом перед глобальной механизацией жизни.

Подобная двойственность относится также к художественной манере повествования: новеллы Р. Д. Брэдбери характеризуются сложной жанровой природой, представляют собой синтез фантастических и реалистических элементов, структурно и стилистически могут походить на миф, притчу, сказку, бытовой рассказ и т. д.

Одной из ведущих тем его ранних новелл является тема детства, которое осмысливается автором как особая психокультурная категория; период, наполненный противоречиями и опасностями. В возрастной психологии детство считается одним из самых сложных феноменов, имеющим биологическую основу и опосредованным социокультурными факторами. Помимо этого под детством можно понимать «ту фазу жизни, когда человек еще не готов к самостоятельному существованию и нуждается в усиленном усвоении опыта, передаваемого старшим поколением» [7, с. 202].

Пытаясь проникнуть во внутренний мир ребенка, определить особенности детского мировосприятия и психологию детского поведения, Р. Брэдбери актуализирует проблемы экзистенциального, нравственного и философского характера. Дети в его новеллах чаще выступают как самостоятельные художественные образы, хотя могут выполнять вспомогательную функцию, способствующую раскрытию характеров других персонажей.

Р. Брэдбери, обладая мастерством тонкого психолога, старается проявить специфические черты детского, подчас наивного, мировосприятия и отношения к обыденным вещам. Например, процесс приготовления обеда представляется Дугласу (новелла «Верхний сосед») как некое таинство, создаваемое с помощью магических манипуляций: «Разве не загляденье смотреть, как бабушка посыпает цыпленка из дырчатых серебряных приборов порошком из мумий, а может, толчеными костями индейцев, и бормочет себе под нос беззубым ртом таинственные заклинания» [3, с. 398]. Бурная фантазия, пылкий ум и ясный взгляд мальчика приводят впоследствии к «совершению благодеяния», спасающего жизни окружающих.

В новелле «Попрыгунчик в шкатулке» (1947) Эдвин, запертый на долгие годы в доме, воспринимает особняк как целый мир, состоящий из Верхних и Нижних земель, «Континента Кухни, Архипелага Гостиной, Полуострова Учебы, Зала Музыки» [3, с. 214].

Ребенок, по мнению Р. Брэдбери, способен замечать детали, тонко чувствовать и видеть мир иначе, чем взрослые; его душа одинаково предрасположена к восприятию прекрасного и ужасного. Так, в новеллах «Озеро» (1944), «Ночь» (1946), «Космонавт» (1951) главными героями оказываются дети, умеющие не по возрасту серьезно размышлять и пытающиеся вникнуть в смысл понятий «жизнь», «смерть», «семья», «любовь», «страх».

Отметим, что образ ребенка в структуре авторской концепции детства амбивалентен и неоднозначен: дети представлены не только как символ чистоты и надежды, но и как воплощение злости, жестокости и черствости, в связи с чем сама категория детства определяется как семантически противоречивая. С этой точки зрения, новеллы из ранних сборников Р. Брэдбери можно условно разделить на две группы.

К первой группе текстов отнесем новеллы «Озеро» (1944), «Огромный-огромный мир где-то там» (1952), «Улыбка» (1952), «Здравствуй и прощай» (1953) и др. В них Р. Брэдбери, следуя традиционному толкованию образа ребенка как воплощения душевной чистоты, открытости, нравственного совершенства, рисует мир детства, полный светлых и волшебных мгновений. Мир детства

и мир взрослости существуют в гармоничных отношениях: дети приносят радость окружающим, воспринимаются взрослыми как истинное счастье, без которого их жизнь не имеет смысла.

Так, в новелле «Огромный-огромный мир где-то там» Кора с нетерпением ожидает приезда своего племянника, обещавшего научить ее грамоте. Она сравнивает Бенджи с блеском яркого солнечного луча, способного подарить ей надежду и почувствовать себя счастливой, в связи с чем Кора перестает воспринимать мир как унылое и серое пространство. Главным героем новеллы-сказки «Мальчик-невидимка» (1945) становится маленький Чарли, который, несмотря на озорство, вносит в жизнь Старухи тепло, на время избавляя ее от одиночества.

Категория детства своеобразно представлена в новелле «Здравствуй и прощай»: вечно юный Уилли путешествует по городам и дает возможность усыновить себя супружеским парам, которые не могут иметь детей. Удивительное свойство не стареть позволяет ему делать кого-то счастливым, но лишь на время, чтобы не вызвать к себе излишний интерес со стороны окружающих.

Характеристики детства в данном произведении имеют в целом положительную коннотативную окраску: это мир веселья и эмоций, игр и развлечений, легкости и вечного лета. Воспринимая детвору как «охапку цветов», одна из героинь произносит: «В них столько пылкости, жадного интереса ко всему! Наверно, этого мне больше всего недостает во взрослых людях — девять из десяти уже ко всему охладели, стали равнодушными, ни свежести, ни энергии, ни жизни в них не осталось» [1, с. 323–324].

Однако сам Уилли, навсегда заключенный в теле ребенка и занимающий промежуточное положение между абсолютно разными мирами взрослых и детей, жалеет: «...еще несколько лет, и я совсем состарюсь. Тогда и жар молодости, и тоска по недостижимому, и несбыточные мечты — все останется позади. Может быть, тогда мне станет полегче и я спокойно доиграю свою роль» [1, с. 325].

В новелле «Улыбка» мальчик, который искренне стремится постигнуть прекрасное, противопоставляется бездушной толпе, пытающейся разорвать картину «Мона Лиза» как символ ненавистного прошлого. Светлый душевный порыв, заставивший сохранить кусок холста со знаменитой «ласковой и доброй Улыбкой», проявляет в его характере невероятную силу, стремление отвернуться от мира невежества и бездуховности.

Обратимся ко второй группе текстов: «Маленький убийца» (1946), «Поиграем в «Отраву»» (1946), «Вельд» (1950), «Детская площадка» (1952), «Все лето в один день» (1959) и др. В данных произведениях воплощено совсем иное представление о детстве как самом страшном периоде в жизни человека, поскольку оно наполнено жестокостью, бессердечностью, насилием и беспощадностью. Дети изображаются как зловещие существа, внушающие ужас и представляющие смертельную опасность как для ровесников, так и для самих взрослых.

Так, в новелле «Маленький убийца» ребенок становится воплощением опасности для своих родителей, находясь еще в утробе матери. Сама мысль о предстоящих родах приводит Алису Лейбер в ужас, заставляет ее думать о самом страшном: «Меня убивают у них на глазах. Эти врачи, эти медсестры не представляют, что таится внутри меня. <...> Я умираю, а сказать им сейчас об этом не могу. Они засмеются и назовут меня сумасшедшей. Они увидят убийцу, возьмут его на руки, им и в голову не придет, что он повинен в моей смерти» [3, с. 347].

Появившийся на свет младенец видится матери зловещим представителем иного мира, наделяется inferнальными чертами. Череди странных событий, повлекших за собой смерть Алисы, заставляет также и Дэвида, ее мужа, иначе взглянуть на своего ребенка: он понимает, что младенец — носитель уже сформированного разума, хитрое, изобретательное и беспощадное существо.

Анализируя произошедшие события, Дэвид, которому тоже вскоре суждено умереть по вине младенца, произносит: «Что тебе известно о детях, доктор? Общий ход развития? Да. Ты знаешь, конечно, сколько детей убивают своих матерей при рождении. Почему? Может, таким образом они выражают свое возмущение тем, что их насильно выталкивают в этот отвратительный мир?» [3, с. 362].

В «Маленьком убийце» Р. Брэдбери переосмысливает традиционное представление о маленьких детях как беззащитных и беспомощных существах, формулируя при этом своеобразную теорию о наличии у них разума и определенной силы.

Подобные идеи легли в основу новелл «Поиграем в «Отраву»» и «Вельд», в которых дети также представляют смертельную опасность для взрослых. В первой новелле мистер Ховард, школьный учитель, имеет абсолютно четкие представления о собственных учениках: «Иногда мне кажется, что дети — это захватчики, явившиеся из другого мира», «...дети — это чудовища, которых дьявол вышвыривает из преисподней, потому что не может совладать с ними», «Вы принадлежите к совершенно другой расе. Отсюда ваши интересы, ваши принципы, ваше непослушание... Вы не люди, вы — дети» [3, с. 310].

Мир детства видится учителю как пространство ужаса, лжи, черной магии, смерти. В основе всех поступков детей, по мнению мистера Ховарда, лежит злой умысел, искаженная логика; он называет их «злодеями», «монстрами», «колдунами». Эмоциональное напряжение достигается за счет актуализации таких концептов, как ненависть и страх, отражающих отношение героев друг к другу.

Даже игра в «Отраву», кажущаяся забавой для детей, приводит в ужас взрослого: «...если мы подходим к покойнику, мы через него перепрыгиваем. Если вы наступите на могилу покойника, то вы отравлены, падаете и умираете» [3, с. 311]. Подобные детали, структурирующие систему детских образов в новелле, сближают мир детей с потусторонним миром, проявляют их демонические черты. При этом столкновение взрослого и ребенка неиз-

бежно приведет к поражению именно взрослого человека: в новелле это заканчивается смертью мистера Ховарда.

Художественное пространство новеллы «Вельд» — мир далекого будущего, в котором существует возможность приобрести дом под говорящим названием «Все для счастья», «дом, который одевал, кормил, холил, укачивал, пел и играл» [4, с. 204]. В центре повествования — родители, избаловавшие своих детей, и дети, для которых необычная детская комната оказалась важнее родителей.

Примечательно, что в новелле лишь один раз употребляется слово «семья», и это определенным образом характеризует отношения между двумя поколениями. Сложная конструкция, представляющая собой «повышенного воздействия цветной объемный фильм и психозапись, проектируемые на стеклянный экран, одорофоны и стереозвук», позволяет Венди и Питеру «оказаться» в любой местности, но в то же время заменяет им родителей [4, с. 206]. При этом для Р. Брэдбери становится важным подчеркнуть мысль о сосуществовании двух процессов: технического прогресса и нравственного опустошения.

От детей буквально веет холодом: «...щеки — мятный леденец, глаза — ярко-голубые шарики, от джемперов так и веет озоном» [4, с. 209]. Однако затаившаяся внутри жестокость заставляет их вновь и вновь «вызывать» в детской комнате пространство Африки, хладнокровно наблюдать за ужасающими картинами дикой природы. Один из героев замечает: «Вы с женой позволили этой комнате, этому дому занять ваше место в их сердцах» [4, с. 213–214]. Новелла заканчивается трагедией: лишенные истинной духовности Питер и Венди решаются на убийство родителей, пытавшихся запретить детскую комнату.

Как справедливо отмечает П. Молитвин, Р.Д. Брэдбери — «исследователь, уделяющий особое внимание

тем потаенным уголкам человеческой души, где дремлют до поры до времени весьма мерзкие инстинкты, где подобно жутким доисторическим рептилиям притаилась жестокость, подлость, предательство» [5, с. 604].

Выявляя в детском характере такую черту, как жестокость, Р. Брэдбери указывает, что распространяться она может не только на взрослых, но и на ровесников (как, например, в новелле «Все лето в один день»).

В «Детской площадке» мистер Чарльз Андерхилл вспоминает о детстве как об ужасном периоде: «Кто сказал, что детство — самая счастливая пора жизни? О нет, это самое страшное и жестокое время, пора варварства, когда нет даже полиции, чтобы защитить тебя...» [4, с. 417]. «Вопящая орава детей» воспринимается им как опасная и мощная стихия, сметающая все на своем пути: «злбный блеск желтых глаз, острые подбородки, хищные зубы, жесткие вихры волос, испачканные майки и грязные руки в царапинах, следах недавних драк» [4, с. 419]. Сама детская площадка кажется ему «сущим адом», средоточием враждебных, потусторонних сил: странный свет, пронзительные крики и резкие запахи лишь усиливают это ощущение.

В ребенке, по мнению Р. Брэдбери, заключена определенная сила, противостоять которой не может подчас и взрослый человек, при этом характер подобной силы (доброе или разрушительное начало) обуславливает особенности взаимодействия детей с пространством ровесников и пространством взрослых.

Таким образом, детство в восприятии Р.Д. Брэдбери — крайне сложный и противоречивый период; особый замкнутый мир, развивающийся по собственным законам и парадоксально сочетающий в себе гармонию и иррациональность, силу и наивность, добро и жестокость.

Литература:

1. Брэдбери, Р.Д. Золотые яблоки Солнца // Миры Рэя Брэдбери. — Тверь: Полярис, 1997. — Т. 2.
2. Брэдбери, Р.Д. Лекарство от меланхолии // Миры Рэя Брэдбери. — Тверь: Полярис, 1997. — Т. 4.
3. Брэдбери, Р.Д. Темный карнавал: Избранные произведения. — М.: Эксмо, 2004.
4. Брэдбери, Р.Д. Человек в картинках // Миры Рэя Брэдбери. — Тверь: Полярис, 1997. — Т. 1.
5. Молитвин, П. Рэй Брэдбери — грани творчества и легенда о жизни // Р.Д. Брэдбери. Тени грядущего зла: Роман, рассказы. — СПб.: Северо-Запад, 1992.
6. Ревич, Вс. Любовь и ненависть Рэя Брэдбери // Память человечества. — М.: Книга, 1981.
7. Сапогова, Е. Е. Психология развития человека. — М.: Аспект пресс, 2001.

Художественное время как элемент авторской модели мира в романе Г. Дж. Уэллса «Машина времени»

Романцова Наталья Витальевна, магистрант
Астраханский государственный университет

В статье исследуется категория художественного времени, воплощаемая в социально-фантастическом романе Г. Дж. Уэллса «Машина времени» и являющаяся одним из элементов авторской картины мира. Изучение представлений главного героя о времени, а также анализ особенностей организации временной модели в романе позволяет выявить такие характеристики временного потока, как многомерность, дискретность, обратимость.

Ключевые слова: фантастика, модель мира, художественное время, будущее, символика.

Художественное время в литературе отличается системным характером, становясь при этом одним из способов организации эстетической действительности того или иного произведения. Изучение особенностей организации временного потока и соотношенности событий позволяет определенным образом охарактеризовать созданную автором модель мира.

Драгомирецкая Н. В. отмечает: «Время в литературе — категория поэтики художественного произведения; одна из форм (наряду с пространством) бытия и мышления; изображается словом в процессе раскрытия характеров, ситуаций, жизненного пути героя, речи и пр». [1, с. 52].

Поскольку именно автор является основной организующей силой пространственно-временных отношений в тексте, модель временного потока и ее организация будет детерминирована системой авторских воззрений.

Отметим, что само понятие «время» становится одним из ключевых элементов в структуре концептуального представления Г. Дж. Уэллса о будущем и о тех изменениях, которые должны произойти с человечеством. Фантастическая основа и жанровая специфика изучаемого нами романа, безусловно, позволили писателю выйти за рамки привычной логики и значительно расширить семантическое наполнение понятия «время».

Художественное время в романе «Машина времени» (1895) воплощено в виде совокупности и последовательности событий и состояний, хотя, благодаря особой организации временного потока, причинно-следственные связи представляются довольно замысловатыми.

Роман начинается с лекции гениального ученого, Путешественника по Времени, в которой он кратко излагает собственную теорию о четырех измерениях: «...каждое реальное тело должно обладать четырьмя измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. <...> И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем пространственными, а четвертое — временным» [5, с. 56]. Продолжая раскрывать смысл данного понятия, герой указывает на возможность перемещения по временному потоку.

Таким образом, категория времени в интерпретации Путешественника получает новые качественные харак-

теристики, становится одним из важнейших условий пространственного существования реальных объектов. Благодаря системе аргументов ученый приходит к выводу о том, что единственную разницу между временем и другими измерениями составляет «движение нашего сознания по Времени» [5, с. 56]. Желая доказать свою теорию и заглянуть в далекое будущее, Путешественник создает машину, способную мгновенно перемещаться в иные временные координаты, и через некоторое время испытывает ее.

Дальнейший сюжет романа основывается на рассказе Путешественника о собственных пространственно-временных перемещениях в ужасающем мире будущего. Вернувшись в настоящее, герой описывает восемь дней, проведенных в этом мире, а также путешествия в еще более отдаленное будущее: «Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор... за три часа прожил восемь дней... Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек!» [5, с. 70].

Мир 802701-го года, куда отправился Путешественник, поражает его нравственным, социальным и интеллектуальным упадком. Здесь ученому предстояло встретиться с потомками человека — двумя биологическими видами: элоями, живущими в атмосфере праздности, и морлоками, «прикованными» к рабочим станкам.

Мгновенное перемещение Путешественника в иные пространственно-временные координаты и своеобразная «временная яма», через которую он перешагнул, позволяют усилить контраст между миром настоящего и миром будущего. При этом подобная сюжетная организация предоставляет Г. Уэллсу возможность переосмыслить бытующие в его время позитивистские представления, согласно которым система социальных отношений и технический прогресс имеют лишь положительные последствия и влекут за собой прогресс морального характера.

Уэллс обращается к изображению мира будущего, в котором система социальных отношений определяется как результат действия особых тенденций развития общества и мира в целом.

Отметим, что связь временного потока с предметно-событийным наполнением становится неотъемлемой харак-

теристикой художественного времени в романе, но сама категория времени в мире будущего воспринимается героем по-разному. В зависимости от характера и масштаба происходящих событий, время в сознании персонажа может сжиматься, растягиваться, ускоряться. При этом Г. Уэллс воспроизводит не всю модель временной протяженности, а лишь художественно и идейно значимые фрагменты, что способствует динамизации сюжета.

На наш взгляд, символика временных координат в «Машине времени» также представляет особый интерес, поскольку, воздействуя на сознательный и подсознательный уровень восприятия художественного текста, она создает наиболее обширные ассоциативные поля и расширяет смысловое ядро в структуре авторской концепции мира.

Основными символами, связанными с категорией времени, становятся «день» и «ночь», при этом в «Машине времени» семантика того или иного времени суток обусловлена традиционным их восприятием. Так, день ассоциируется у элоев с жизненно необходимым временем, дарит им уверенность, силу, беспечность; ночь, напротив, предоставляет свободу действий морлокам, представляющим смертельную опасность как для жителей Верхнего мира, так и для самого Путешественника.

Как уже было отмечено, характер времени для ученого зависит от характера происходящих событий, поэтому ощущение опасности и страх за собственную жизнь будто замедляют время в его сознании.

Опасности, с которыми он сталкивается в мире будущего, вынуждают Путешественника отправиться в иные временные координаты. Следующей остановкой оказывается еще более ужасающий мир, в котором он обнаруживает полное отсутствие человечества и наблюдает за неизбежными изменениями, происходящими с планетой: «Не могу передать вам, какое страшное запустение царит в мире» [5, с. 134].

Увлеченный «тайной судеб Земли», герой, рискуя собственной жизнью, отправляется все дальше и дальше в будущее. Картина медленно умирающей планеты и «безбрежная тьма», надвигающаяся на Путешественника, заставляет его вернуться назад. В конечном итоге ученый попадает обратно в тот же самый день, в который начал своё путешествие, но на несколько часов позже исходного времени: «Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо <...> Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться в машину» [5, с. 136].

Рассказ Путешественника по Времени, составляющий наибольшую часть романа Г. Уэллса, воспринимается его собеседниками с недоверием. Это становится причиной для нового путешествия ученого и поиска доказательств в мире будущего, однако из этого путешествия он уже не возвращается: «Прошло уже три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся» [5, с. 142].

Как можно заметить, время у Уэллса не является категорией необратимой (однонаправленной), отличается многомерностью и сложностью. Рассказ Путешественника о времени, в котором он побывал, можно отразить с помощью оксюморонной формы «будущее, которое уже было». Мы считаем целесообразным согласиться с точкой зрения Зубова А., отмечавшего особую модель построения романа, которая «создает хронотоп временной петли — Путешественник видел будущее, значит, оно уже существует. Однако та форма, которую это будущее принимает, является следствием самого путешествия, т. е. одним из вариантов возможного развития событий» [2, с. 38].

Подобный прием делает организацию художественного времени в романе достаточно сложной и многомерной, но при этом он выполняет важную функцию усиления контраста при сравнении настоящего и будущего.

Примечательно, что в тексте нарушается реальная последовательность событий, поскольку Путешественник обращается к ретроспекции, рассказывая о своих приключениях. Совмещение различных временных пластов, резкая смена пространственно-временных координат позволяет Г. Уэллсу определенным образом расширять идейно-тематический план романа.

Так, по мнению Кагарлицкого Ю. И., «... это был способ увеличить «емкость» романа, придать изображаемому всеобщее значение, обратить факт в символ, не потеряв его вещной природы» [3, с. 151–152]. В авторских представлениях о будущем отражается противоречивость окружающей его действительности, что, безусловно, накладывает отпечаток на характер и колорит репрезентируемой картины мира.

Г. Дж. Уэллс рассматривает время как один из синонимов изменений, которые неизбежно коснутся мира и общества, хотя и вносит в содержание этого понятия дополнительные значения. Будущее, по мнению фантаста, — результат развития определенных тенденций в современном ему обществе и мире в целом с позиции социального, политического, технологического и нравственного аспектов.

Используя метод экстраполяции (т. е. прогнозирование, перенос устойчивых тенденций прошлого и настоящего в будущее), писатель создает вполне конкретный образ будущего, пытается философски осмыслить данную категорию.

Д. С. Лихачев подчеркивал, что «время — это явление самой художественной ткани произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое и философское его понимание писателем» [4, с. 7]. Соглашаясь с этой точкой зрения, мы приходим к выводу о том, что с помощью организации художественного времени и событийной соотнесенности Г. Дж. Уэллс выстраивает собственную концепцию, позволяющую раскрыть его концептуальные представления о времени как особой категории.

Литература:

1. Драгомирецкая, Н. В. Время в литературе // Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. — М.: Учпедгиз, 1974.
2. Зубов, А. «Топографический поворот»: исследования о времени и пространстве в спекулятивной фантастике // Новое литературное обозрение, 2012. — № 113.
3. Кагарлицкий, Ю. И. Вглядываясь в будущее. — М.: Книга, 1989.
4. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы. — М.: Алетейя, 1997.
5. Уэллс, Г. Дж. Машина времени // Собрание соч. в 15 томах. — М.: Правда, 1964. — Т. 1.

«Живое» и «железное» в лирике С. А. Есенина

Суимбетова Олеся Гариповна, магистрант
Астраханский государственный университет

В начале XX века наметился процесс механизации, наука и техника стали развиваться стремительными темпами. Люди искусства разделились во мнении: одни воспевали патриархальный мир и выражали сопротивление новому, другие встали на сторону технического прогресса, который действительно был необходим России. Сложная общественно-политическая ситуация, кардинальные исторические перемены, революции — все это отразилось и в литературе.

С. А. Есенин одним из первых ощутил и творчески осмыслил происходящее, в его лирике отразилась искренняя тревога за судьбу страны, деревни, мира природы, который больше всего мог пострадать от негативных последствий наступления цивилизации.

Стихотворения Есенина, содержащие мысли об экологии и гуманизме, о сочувственном и бережном отношении ко всему живому всегда актуальны, поскольку проблема взаимодействия человека с окружающим миром многогранна и зачастую неразрешима. Глубокий психологизм и гуманистический пафос поэзии С. А. Есенина делают его произведения особенно значимыми.

Тема неразрешимого конфликта новой эпохи — «живого» и «железного» нашла отражение в стихотворениях С. А. Есенина, который «выразил в своем творчестве тоску человека XX века по матери-природе» [1, с. 56]. Есенин вел диалог со своими современниками, выделяя ключевые события эпохи, в его стихотворениях можно наблюдать движение истории со всеми ее противоречивыми событиями.

Антитеза «город — деревня» претерпевала различные изменения и углублялась в своем социальном содержании. «Противопоставление, драматические поиски единства этих двух начал связывались у Есенина не столько с пролетарским городом и патриархальной деревней, сколько с цивилизацией, урбанизацией и естественным миром» [2, с. 92]. Действительно, естественный мир находился под огромной угрозой, что не могло не волновать Есенина, выросшего в деревне, где красота и сила природы вдох-

новила будущего поэта. Особая любовь поэта к природе, к «братьям меньшим» не только отразилась в огромном количестве его произведений, но и стала темой для трогательных историй, воспоминаний его современников.

Есенинская концепция «единства мира» предполагает гармоническое взаимодействие человека и природы. Одухотворяя природные явления и объекты, пейзажи, Есенин создал целостный национальный образ русской природы, отразил в своем творчестве гуманистические тенденции начала XX века. Взаимосвязь человека с миром животных, растительным миром, космосом — это неотъемлемая часть человеческого существования. Гармоническая слиянность с природой, по мнению Есенина, является опорой для человека, источником его сил. Отдельно поэт затрагивает в своей лирике взаимоотношения человека и животного, создает образы, значимые по своей художественной и нравственной ценности.

Взаимоотношения города и деревни приобретают и острое политическое значение, поскольку власть была заинтересована в укреплении союза крестьян и рабочих. Есенин начинает размышлять о городе и деревне после Февральской революции, именно тогда появляются не только надежды на возрождение и укрепление русского крестьянства, но и опасения по этому поводу. Глубоко осмыслить значимость исторических и социальных перемен поэту удалось не сразу.

Для Есенина деревня и русское крестьянство представляют собой древний поэтический мир. В своей статье «Ключи Марии» поэт высказывает ключевые мысли, важные для понимания его поэтических задач, отношения к революции. Он пишет о словесном искусстве, древней культуре, знаки которой можно увидеть во всех предметах обихода: «Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы» [3, IV; с. 181]. Есенин видит в революции большие возможности для развития искусства: «Будущее искусство расцветет в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хоровадно отдыхать под тенистыми

ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай...» [3, IV; с. 190].

В революционное время Есенин всячески пытается оценить исторические события, пристально следит за жизнью деревни, размышляет о судьбе русского крестьянства. В его произведениях совмещаются противоположные вещи: восторженное отношение к революции и мечты о патриархальном быте, мужицком рае. Противоречивость лирики Есенина порождена сложностью исторического периода, в который он жил, восторг сменился разочарованием, надежды не оправдались. Стремление понять и преодолеть эти противоречия привели поэта к внутреннему разладу, разрыву с действительностью, что отразилось в сборнике «Москва кабацкая».

Е. И. Наумов отмечает: «Но в отличие от многих других крестьянских поэтов, среди которых было немало близких ему, Есенин менял свою позицию. Она менялась под воздействием действительности, по мере того как поэт все более пристально всматривался в нее, стремясь постигнуть «коммуной вздыбленную Русь»» [4, с. 200].

Лирика С. А. Есенина, отразившая исторические перемены, имеет особую художественную ценность, так как представляет события в масштабе целой эпохи, когда произошла ломка старых устоев, и формировалось новое общество.

В первое время после революции Есенин пишет о дооктябрьской Руси, русской деревне, подчеркивает свою духовную связь с ней:

Русь моя, деревянная Русь
Я один твой певец и глашатай [3, II; с. 97].

Он все чаще высказывает опасения, в его поэзии появляются мотивы страха перед железным городом, наступающим на деревню:

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость [3, II; с. 95].

Резкое противостояние деревни городу Есенин показывает в произведении «Сорокоуст (1921)», в основу которого легла реальная история. В письме к Е. И. Лившицу Есенин рассказывает: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. (...) Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и ликом Махно» [3, V; с. 88]. Образ коня можно рассматривать как символ прошлого, патриархальной деревни:

И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз [3, II; с. 93].

В «Сорокоусте» поэт говорит о судьбе крестьянской России и надвигающейся городской цивилизации. Урбанизация разрывает естественную связь человека с миром

природы. Деревне угрожает «враг», «страшный вестник», «стальная лихорадка». Все предчувствуют беду, слыша «погибельный рог»:

Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага [3, II; с. 92].

Технический прогресс, потеря значимости деревни, ее бедность, исторические перемены, разочарование в новой действительности — все это рождало противоречия, которые поэт высказал современникам. Утопические мечты о социализме стремительно рушились. Город кажется поэту чужим, враждебным, нарушающим гармонию между человеком и природой. Есенин подчеркивает свое одиночество в этой тревоге и борьбе:

Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной аллилуйя [3, II; с. 94].

Произведения с данной тематикой можно рассматривать как предупреждение о наступлении цивилизации на природу: «Трогает меня в этом только грусть за уходящее милое родное звериное и незыблемая сила мертвого, механического» [3, V; с. 88].

В более позднем стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний» (1922) «железный гость» становится «железным врагом», вражда переходит в некое действие, схватку:

Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе [3, II; с. 109].
Стынет в поле в тоске волоокой
Телеграфными столбами давясь [3, II; с. 109].

Тема противостояния, трагизм происходящего, глубина безысходности и отчаяния усиливаются с помощью зоологического образа:

Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав [3, II; с. 110].

Можно с уверенностью сказать, что в переживаниях лирического героя мы видим переживания и самого Есенина, который снова говорит о своем одиночестве, отверженности, он «отсюда гонимый», ему близок только «зверь любимый», как часть того мира природы, с которым сроднился поэт.

Во многих стихотворениях Есенин, «последний поэт деревни», выражает свою тревогу за будущее деревни, которая дорога ему с детства. Он обеспокоен не только влиянием социальных перемен, судьбой крестьянства, в первую очередь его волнует судьба природы — хранительницы старины, истинным певцом которой он является:

Как в смирительную рубашку
Мы природу берем в бетон [3, II; с. 150].

Со временем Есенин признает необходимость подобных перемен, значимость технического прогресса (во многом благодаря заграничным поездкам), в его творчестве появляются социальные мотивы. Но прощание с вековыми устоями было долгим и мучительным. Тем не менее, его глубокие и трагические переживания о дорогом мире деревни и старом укладе жизни стали темой многих произведений.

Литература:

1. Бельская, Л. Л. Песенное слово: поэтическое мастерство С. Есенина — М., 1990.
2. Выходцев, П. С. Есенин и некоторые вопросы русской художественной культуры // Сергей Есенин. Проблемы творчества. — М., 1978. — с. 68–78.
3. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1966–1968.
4. Наумов, Е. И. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. — Л., 1973.

Таким образом, С. А. Есенин раскрывает ключевые общественно-исторические проблемы эпохи, творчески переосмысливает и оценивает значимые события. В лирике, затрагивающей проблему противостояния «живого» и «железного», поэт утверждает общечеловеческие принципы гуманизма и экологической культуры, актуализирует тему города и деревни, обращается к современникам и к будущим поколениям.

А. И. Солженицын, А. Д. Сахаров и Р. Медведев: дискуссия вокруг «Письма вождям Советского Союза» и её восприятие в эмигрантской печати (М. Агурский)

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В контексте рассматриваемого нами жанра «письма вождю», то есть высокопоставленным лицам, созданным в советскую эпоху, необходимо проанализировать самое, пожалуй, известное обращение А. И. Солженицына «наверх» — письмо-декларацию «Письмо вождям Советского Союза» [5, с. 148–186], написанное в августе 1973 г. в Рождестве-на-Истье (под городом Наро-Фоминском Московской области). «Это письмо родилось, развилось из единственной мысли: как избежать грозящей нам национальной катастрофы?» [5, с. 148]. Форма письма не была лишь жанровым приёмом. Основная мысль текста — идея об искажающем влиянии идеологии на развитие страны, на народ. Солженицын обращает внимание «вождей» на две опасности, грозящие нашей стране: «война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли» [5, с. 150]. Писатель обращается «наверх» из чувства патриотизма в надежде, что этот «верх» «не безнационален» [5, с. 149], иначе этим двум сторонам говорить не о чем. Александр Исаевич говорит о том, как пострадал русский народ в течение XX века; о том, что самые страшные войны — войны идеологические; о том, что успехи во внешней политике не должны опьянять, ибо далеко не всё так блестяще, как может показаться. Автор письма знает, что имеет дело с реалистами, и поэтому предлагает преобразования, осуществление которых считает реальными. «Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождение женщин от каторги заработков, особенно от лома и ло-

паты, исправление школы, детского воспитания, спасение почвы, вод, всей русской природы, восстановление здоровых городов, освоение Северо-Востока — и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний, придуманных интернациональных задач...» [5, с. 183]. Подвергнув марксизм резкой критике, Александр Исаевич всё же не предлагает бороться с ним, он предлагает «спастись от него самим» [5, с. 178], а для этого надо всего лишь лишиться его государственной поддержки. Солженицын выделяет такие бьющие в глаза преступления идеологии, как всеобщая ложь, «централизация всех видов духовной деятельности» [5, с. 171], отсутствие здоровой тишины, падение нравственности. Писатель считает, что только при помощи христианства можно исцелить Россию, причём он не просит никаких льгот для него, он думает, что вполне достаточно христианство не подавлять [5, с. 184]. Солженицын создаёт своё письмо потому, что не может молчать: «Этим письмом я ... беру на себя тяжёлую ответственность перед русской историей. Но не взять на себя поиска выхода, но ничего не предпринять — ответственность ещё бóльшая» [5, с. 188]. Большое значение Солженицын придаёт национальным соображениям.

«Письмо вождям» по своей сути публицистично (именно в контексте солженицынской публицистики рассматривает это письмо Д. Штурман [6]). В нём автор, как было показано ранее, излагает свои идеи относительно преобразования страны. Александр Исаевич всю свою жизнь находился в принципиальной оппозиции к со-

ветской власти и к советской идеологии, что отразилось, впрочем, не только в этом письме, но и во всех других письмах, обращённых «наверх». В этом письме писатель представляет свои взгляды на развитие страны как логически аргументированную систему. Писатель беседует с вождями как равный с равными, он не боится откровенно высказать своё несогласие с ними. В этом выразилась одна из основных черт Александра Исаевича — бескомпромиссность в отстаивании своего мнения, в отстаивании истины.

5 сентября письмо отнесено в ЦК КПСС. ««Письмо вождям» было взято в работу только через месяц, в конце сентября 1973 года. Сначала с ним, по указанию Суслова, ознакомились только Косыгин, Подгорный и Андропов. 4 октября появилась резолюция Брежнева: «Ознакомить членов ПБ (вкруговую)». В конце декабря появилась ещё одна резолюция генсека: «Мы обсуждали вопрос о Солженицыне по частям на нескольких заседаниях ПБ — считаю, что необходимо, чтобы все товарищи прочли его письмо». На документе расписались все до единого члены ПБ, но автору «Письма» никакого ответа никогда не было» [3, с. 683]. В январе 1974 г. текст был отправлен для публикации за границу (первая публикация состоялась в издательстве «УМКА-Press»), где переиздавался много раз.

«Письмо вождям Советского Союза» не прошло незамеченным.

3 апреля 1974 г. А.Д. Сахаров пишет статью под названием «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза»» [4, с. 63–72]. Сахаров с большим уважением говорит о Солженицыне, поддерживает некоторые его идеи, однако не согласен со многими его положениями. По мнению Сахарова Солженицын «недооценивает роль идеологического фактора в современном советском обществе. Отсюда его вера в то, что замена марксизма на здоровую идеологию, в качестве которой ему рисуется, по-видимому, православие, спасёт русский народ. Эта уверенность лежит в основе всей его концепции. Но я убеждён, что в действительности националистическая и изоляционистская направленность мысли Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными. <...> Великорусский национализм, энтузиазм в освоении целины — ведь всё это уже использовалось и используется. Призыв к патриотизму — это уж совсем из арсенала официозной пропаганды» [4, с. 71–72]. Д. Штурман отмечает: «Нет в ««Письме вождям» ничего, что дало бы основания упорно приписывать Солженицыну, как это делается часто и по сей день, русский великодержавный шовинизм» [6, с. 22]. По мнению исследовательницы, «... дважды повторенное замечание о «горячности и поспешности того» «широкого слоя в образованном классе», «который без гнева не может слышать» разговоров о «русском национальном возрождении», заставило многих читателей пренебречь всем тем, что ска-

зано здесь Солженицыным о характере его национального чувства. Критиками, не замолкающими по сей день, этот «широкий слой в образованном классе» был воспринят как синоним еврейства, а самозащита Солженицына от фальсификации его понимания русского национального возрождения — как антисемитский выпад» [6, с. 36].

Сахаров не поддерживает идеи Солженицына о том, что наша страна не созрела для демократического строя, и авторитарный строй, если он базируется на принципах законности и православия, не так уж плох, ведь при этом строе Россия сохранила своё национальное здоровье вплоть до XX века.

«В этом споре Сахаров и Солженицын оказываются глашатаями двух ярко выраженных и противоречащих одна другой мировых тенденций. Одна из них (её разделяет Сахаров) полагает марксизм учением умершим, сохранившимся только в привычно ритуальной фразеологии соответствующих политических сил и населения коммунистических стран. Другая признаёт за этой фразеологией отнюдь не изжитую человечеством злокачественную и агрессивную динамическую мощь» [6, с. 31].

18 ноября 1974 г. Солженицын написал ответ Сахарову — «Сахаров и «Письмо вождям»» [5, с. 215–222]. Ответ Александра Исаевича был отложен до появления сборника «Из-под глыб», где выяснялись те же самые кардинальные вопросы, на статьи которого Александр Исаевич неоднократно ссылается. Солженицын пишет, что ему и вовсе не пришлось бы отвечать на критику, «если бы среди первых же критиков не оказался А.Д. Сахаров, чьё особенное положение в стране и моё к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания» [5, с. 215]. Солженицын с удовлетворением отмечает сходство их позиций по многим вопросам. Основные пункты расхождений таковы: «роль Идеологии в СССР» [5, с. 216] (Сахаров считает, что она почти не имеет значения; Солженицын же говорит, что «если *все не верят* (в Идеологию — Е. С.; курсив Солженицына — Е. С.) и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу её» [5, с. 217], которая выражается в ужасающей лицемерии); «допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии» [5, с. 218]. Солженицын пишет, что ему было «фальшиво приписано вместо сомнений о внезапной введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отвращение к демократии вообще» [5, с. 218], а это, на наш взгляд, явное непонимание позиции Александра Исаевича, даже некоторое «передёргивание» его позиции.

Недоумение Солженицына вызывает обвинение со стороны Сахарова в «великорусском национализме». Александр Исаевич с горечью замечает: «За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже — о «национальном самосознании», даже оно объявляется опасной

гидрой» [5, с. 220]. Солженицын считает, что в данном случае Сахаров стал невольным выразителем мнения целого слоя в «образованном классе».

В «Письме вождям» Солженицын особо выделил жертвы и страдания русского народа. Сахаров же считает, что под колёса тоталитаризма попали и русские, и нерусские — в равной мере. Однако Солженицын настаивает, что всё-таки это не совсем так: Гражданская война, большевистский террор, «раскулачивание» прошли прежде всего по русским и украинцам, не говоря уже о глумлении над русской культурой. Солженицын пишет, что «лишь с конца 30-х годов, когда два наибольших народа были уже убиты и по социалистической переменчивой тактике... пришло время перенести давление на малые народы, — только с этих пор услышали мы о национальном угнетении в СССР, что тоже совершенно верно» [5, с. 221]. Александр Исаевич не входит во второстепенные разногласия с Сахаровым (например, в вопросе о том, можно ли верить в конвергенцию). Солженицын удивляет, что Сахаров «допустил большую небрежность в истолковании... точки зрения (Солженицын — Е. С.)» [5, с. 222], что ни о «идеологическом изоляционизме», ни о чём подобном он и близко не говорил. «Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение».

В нынешнем Сборнике («Из-под глыб» — Е. С.) разъяснено, как мы это возрождение понимаем: пройти путь раскаяния, самоограничения и внутреннего развития, внести свой вклад в добрые отношения между народами, без которых никакая «прагматическая дипломатия» и никакие ООНовские голосования не спасут человечество от гибели» [5, с. 222].

Сахаров этой дискуссии не продолжил. Мы предполагаем, что причина этого — строгая идеологическая цензура, существовавшая в СССР.

В том же 1974 г., чуть позже сахаровского отзыва, Р. Медведев опубликовал в немецком журнале «Шпигель» свой отзыв под названием «Что ждёт нас впереди? (О «Письме» А.И. Солженицына)» [2]. Рой Александрович разбивает свой текст на главки согласно обсуждаемым им пунктам. По ним и проследим его возражения Солженицыну.

«О национальной жизни русского народа». Медведев пишет, солидаризуясь с Сахаровым: «А.Д. Сахаров уже справедливо критиковал национализм и изоляционизм Солженицына» [2, с. 97]. «Как можно судить по одному из примечаний, он считал бы желательным отделение «окраинных наций» от СССР за исключением разве лишь Украины и Белоруссии» [2, с. 97]. Но в то же время Медведев признаёт и некоторую правоту Солженицына: «И всё же собственно национальная жизнь русского народа, как это ни странно, затруднена гораздо больше, чем, скажем, армянского, грузинского или узбекского народов» [2, с. 97]. По мысли Медведева, «...рус-

ский народ фактически лишён своей столицы. Москва, ставшая столицей многонационального Союза, почти утратила черты национального русского города, центра собственно русских земель, каким она была до революции, когда столицей империи являлся более европеизированный, чиновный и промышленный Петербург» [2, с. 97]. Солженицын предлагает перенести центр государства на Северо-Восток, однако, как полагает Рой Александрович, «этот край наименее приспособлен для ведения сельского хозяйства» [2, с. 97], если же попытаться «растеплить и отморозить» его, как предлагает Солженицын, то это — огромные затраты, которые не пойдут на развитие центра, что, по мнению Медведева, неразумно. «Так ли уж много людей согласится добровольно уехать из Москвы и из других благоустроенных центральных городов (тяготы жизни в столице Солженицын явно преувеличивает) на постоянное жительство в североуральскую тайгу или в Якутию? Крупные города притягивают людей из деревни не только более высокими заработками, не только театрами. Немалую роль играет и то, что в городах люди имеют несравненно большие возможности широко общаться с теми, кто близок им по духу и настроением. Эта тяга к людям не в последнюю очередь предопределяет исчезновение крошечных деревень «в три избы», о судьбе которых так сокрушается Солженицын» [2, с. 98].

«О положении православной церкви». Солженицынская «тревога по поводу положения церкви в СССР не беспочвенна. Православная церковь в течение тысячи лет была важным элементом русской национальной жизни» [2, с. 98]. Однако далее Медведев пишет: «[к] ак марксист, я считаю церковь пережитком прежних эпох. Я убеждён, что; нравственное и духовное возрождение и; развитие русского народа (как и других; народов нашей страны) произойдёт не на основе христианства, вообще не на религиозной основе. Мои надежды связаны с развитием политической свободы, свободы слова и информации, т.е. с развитием социалистической демократии. Однако в понятие этой демократии для меня входит и свобода совести. Пока у нас в стране есть верующие, они должны иметь возможность беспрепятственно выполнять все предписанные их религией обряды» [2, с. 98]. Таким образом, налицо одно из важнейших расхождений во взглядах Солженицына и Медведева — первый из них религиозен, второй — атеист. Рост влияния церкви Медведев объясняет «реакцией на антидемократические процессы, происходящие в нашем обществе» [2, с. 98]. Медведев пишет: «Есть люди, много лет считавшие себя атеистами, которые теперь обращаются к религии, стараясь заполнить образовавшийся у них духовный вакуум. Для многих интеллигентов обращение к церкви представляет легальную форму протеста против усиления политического и идеологического давления» [2, с. 98]. С одной стороны, по мысли Медведева, необходимо возратить храмы верующим, разрешить строительство новых храмов и издание религиозной литературы и т.д. «Разумеется, это повысит моральную ответственность школы за воспитание

юных граждан, но можно быть уверенным, что при хорошем школьном воспитании мало кто из детей последует примеру своих родителей (верующих — Е. С.)» [2, с. 99]. «Я уверен, что у православной церкви в нашей стране нет будущего, как уверен, что будущего — далёкого будущего — нет у религии вообще. Но религиозные убеждения могут быть у людей ещё сотни лет, и сотни лет может ещё просуществовать на Руси православная церковь. Если ей суждено умереть — пусть это будет естественная смерть» [2, с. 99].

«Военно-промышленный комплекс и угроза войны». Медведев согласен с Солженицыным в том, «что угроза войны с Запада почти исчезла, хотя никак не могу согласиться с Солженицыным, что западный мир как единая весомая сила перестал противостоять СССР» [2, с. 99]. «Более серьёзна в настоящее время угроза советско-китайской войны. Но и эту угрозу не следует преувеличивать» [2, с. 99], так как «[у] Китая ещё много своих невоенных земель, и вряд ли он рискнёт на попытку решать свои демографические проблемы за счёт Сибири» [2, с. 99]. «Я полностью, однако, согласен с Солженицыным, что надо сделать всё возможное, чтобы избежать этой войны. И я согласен также, что и при нынешних отношениях с Китаем у нас есть достаточный запас сил, чтобы не бояться значительного сокращения военных бюджетов» [2, с. 100].

«Развитие социализма и развитие демократии». «Солженицын предлагает сохранить в России на будущее время «устойчивый и покойный» авторитарный строй...» [2, с. 100]. «По существу, Солженицын отвергает для СССР — даже в перспективе — не только социалистическую демократию, но и всякую демократию вообще» [2, с. 100]. Как замечает Солженицын в своём ответе Сахарову, «...Как и во многих местах, мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отвращение к демократии вообще» [5]. Далее Медведев пишет: «Подавляющее большинство советских граждан, безусловно, стоит за социалистический путь развития, хотя представления о социализме у многих людей различны» [2, с. 100]. А вот как определяет сущность социализма солженицынский оппонент: «Социализм — общественный строй, при котором свободное развитие каждого человека является условием развития всего общества. ... социалистическая демократия означает гарантию прав не только большинства, но и меньшинства, в том числе и права меньшинства ... социалистическая демократия означает гарантию свободы совести, слова и печати, свободы научного и художественного творчества, получения и распространения информации» [2, с. 100]. При этом «...очень важным элементом демократии является свобода эмиграции» [2, с. 101].

«Как и всякая наука, марксизм имеет право на ошибки». Медведев упрекает Солженицына в том, что тот «плохо знает марксизм, ибо приписывает ему положения, ничего общего с марксизмом не имеющие» [2, с. 101]. «Солженицын пытается все недостатки и пороки, существующие

в Советском Союзе, отнести за счёт марксизма-ленинизма, но это, выражаясь осторожно, не соответствует действительности» [2, с. 101]. Например, по словам Медведева, марксизм не предполагает ни однопартийности, ни неразумной централизации, он не несёт ответственности за репрессии, как это предполагает Солженицын. «Но это отнюдь не значит, что марксизм — теория безосновательная...» [2, с. 102]. Вместе с тем Медведев считает марксизм идеологией жизнеспособной: «Неопрровержимым фактом является то, что марксизм оказал гигантское влияние на общественные, социальные и политические движения XX века и что под воздействием его идей изменился весь облик планеты. ... мёртвая идеология не способна была бы воодушевить и побудить к действию столько людей в нашем бурном столетии» [2, с. 102]. По Медведеву, Солженицын неверно определил сущность марксизма: «Солженицын относится к марксизму как к вероучению, полагая, что стоит указать на его неточности, ошибки и неправильные предсказания — и от него отвернутся его последователи. Это наивно и неверно. В годы нашей учёбы — и моей, и Солженицына — марксизм-ленинизм действительно преподносился нам как вероучение. Но марксизм-ленинизм, научный социализм не вероучение, не свод догматов. Это — наука, и, как всякая наука, она должна развиваться, иметь свои достижения и ошибки, что-то отбрасывать и что-то открывать заново» [2, с. 102].

«Технико-экономический прогресс и ресурсы планеты». Медведев упрекает Александра Исаевича в том, что «[в] своём письме Солженицын призывает остановить промышленный и экономический прогресс. Учение «мечтателей Просвещения» о бесконечном прогрессе было, по мнению Солженицына, ложным и губительным» [2, с. 102]. С одной стороны, «Солженицын прав, когда говорит, что не может продолжаться долго экономический прогресс, основанный на растущем использовании невозобновимых ресурсов планеты» [2, с. 102]. С другой — «Отказ от хищнической разработки природных ресурсов вовсе не идентичен отказу от экономического прогресса» [2, с. 102]. К тому же «Наша Земля — ещё не изглоданное червями яблоко, как думает Солженицын. Затронута пока лишь небольшая часть его кожуры...» [2, с. 102].

«Об основном противоречии советского общества». «Таким основным противоречием в настоящее время является, по-видимому, растущее несоответствие между требованиями быстрого научно-технического и экономического прогресса и чрезмерно централизованной, а главное — бюрократизированной системой управления экономической и общественной жизнью страны» [2, с. 103].

Заключает свой текст Медведев так: «Многие из великих писателей России — да и других стран — обладали нелёгким характером и придерживались крайне отсталых для своего времени идеологических и политических концепций. Это не помешало им оставить неповторимый след не только в истории художественного творчества,

но и в общественно-политической истории человечества. Феномен Солженицына не является в этом отношении исключением в мировой литературе» [2, с. 104]. Таким образом, несмотря на то, что Медведев соглашается с некоторыми частными положениями Солженицына, в целом он оценивает «Письмо вождям Советского Союза» крайне негативно и, отдавая должное масштабу личности Александра Исаевича, полагает, что тот придерживается отсталых взглядов.

Интересный отклик на обсуждение «Письма» Солженицына Сахаровым и Медведевым мы находим в статье М. Агурского [1], опубликованной в эмигрантской печати. В рамках данной статьи мы не будем подробно анализировать все положения Агурского, требующие самостоятельного вдумчивого анализа, сосредоточимся только на его соображениях относительно полемики Александра Исаевича, Андрея Дмитриевича и Роя Александровича.

Сначала проанализируем, как Агурский воспринимает критику Сахарова. Михаил Самуилович высказывает свои соображения относительно роли идеологии в СССР, отмечая правоту как Сахарова, так и Солженицына (в большей степени, нежели Сахарова): «Требую от властей отказа от тоталитарной марксистской идеологии, Солженицын совершенно прав, ибо именно обветшалый марксизм превратился ныне в подлинный тормоз всякого истинного прогресса не только в СССР, но и во всём мире. Академик Сахаров также во многом прав, говоря, что реальная советская политика, как внутренняя, так и внешняя, не мотивирована идеологически. Но от этого вовсе не уменьшается опасность марксистской идеологии, как официальной идеологии СССР. Прежде всего она оказывает огромное развращающее воздействие на население, привыкающее с детства к тому, что идеологическая ложь, цинизм и лицемерие становятся законом жизни. <...> И хотя важнейшие решения, действительно, мотивируются не идеологически, наличие армии наёмных марксистов, наличие могущественного пропагандистского аппарата в партийных органах, не может не оказывать пагубного воздействия на многие стороны жизни страны, в особенности, на её духовную жизнь. Академик Сахаров, к сожалению, недооценивает огромной нравственной и социальной вредности этого влияния, ограничиваясь лишь проблемой мотивировки государственных решений» [1, с. 223]. Можно сказать, что Агурский с известной долей критичности воспринимает позицию Сахарова: «Создаётся впечатление, что академик Сахаров несомненно исходя из самых благородных побуждений, всегда отличавших его деятельность, повторяет некоторые существенные заблуждения дореволюционной русской либеральной интеллигенции, полагавшей, что простое провозглашение демократии приведёт Россию в состояние благополучия и свобод. Но вместо этого либеральная демократия, сменившая самодержавие в феврале 1917 г., ввергла страну в кровавый хаос, который она не смогла контролировать»

«[1, с. 224]. В то же время « [т] о же, что предлагает Солженицын, является результатом критического анализа истории России, и хотя его письмо содержит ряд спорных положений, выдвигаемые в нём предложения, прагматичны и конструктивны» [1, с. 224].

Вот в каком контексте упоминается в тексте Агурского имя Медведева: «...официальный советский марксизм ныне является одним из основных видов советского экспорта в развивающиеся страны и западные левые движения. Необъятный советский пропагандистский аппарат, на который не жалеют денег, ведёт сам или через подставные организации массивную обработку молодёжи развивающихся стран, выдавая СССР за пример образцового решения социальных проблем. На самом же деле экспортный советский марксизм служит империалистическим целям внешней политики СССР и представляет собой серьёзную угрозу миру во всём мире. В свете этого трудно согласиться с точкой зрения Роя Медведева, который желал бы видеть СССР под властью некоей очищенной марксистской идеологии» [1, с. 223–224].

«Разумеется, высказываемая здесь критика марксизма, как устаревшей идеологии, ставшей тормозом общественного прогресса, вовсе не означает отказа от принципа социальной справедливости. Дело лишь в том, что марксизм закономерно приводит к обратным результатам. Он оказывается теоретическим оправданием тоталитаризма и ещё большего углубления социальной несправедливости по отношению прежде всего к трудящимся. Рой Медведев вряд ли согласился бы с тем, чтобы защищаемый им марксизм с человеческим лицом стал бы источником несправедливости и репрессий. Но тогда это будет уже не марксизм, а нечто совсем другое, ибо подлинный марксизм в его первоначальном виде в принципе отрицает всякие духовные и мораль» [1, с. 224].

В одном месте статьи Михаил Самуилович сопрягает вместе имена и Сахарова, и Медведева: «По существу же дела в одном очень важном вопросе Медведев оказывается гораздо ближе к Солженицыну, чем Сахаров, ибо он признаёт целесообразность сохранения в СССР политической системы, отличающейся от парламентской, а это связано с существенным ограничением политических свобод» [1, с. 224].

Проблема восприятия солженицынского «Письма вождям Советского Союза» современниками требует дальнейшего кропотливого анализа. Так, заслуживает отдельного обсуждения солженицынского текста русской эмиграцией (в том числе необходимо более подробное и полное рассмотрение взглядов цитированного в нашей статье М. Агурского). Кроме того, на наш взгляд, «Письмо вождям Советского Союза» типологически близко к письму Л. Н. Толстого Николаю II «Царю и его помощникам» (1901), и это предположение требует подробного обоснования. Отдельная тема — сопоставление «Письма» А. И. Солженицына и таких текстов, как «Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю Александру Николаевичу в 1832 году» М. П. Погодина

и «Записка о внутреннем состоянии России» К. Аксакова (1855) на имя Александра II. Эти произведения, по сути, находятся на грани эпистолярного жанра и публицистики,

поэтому необходим их детальный анализ с целью выявления всех особенностей их жанровой природы. Разработка заявленной нами темы будет продолжена.

Литература:

1. Агурский, М. Международное значение «Письма к вождям» // Вестник русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва, 1974. №112—113. с. 217—225.
2. Медведев, Р. Что ждёт нас впереди? (О «Письме» А.И. Солженицына) // Диалог. 1990. №4. с. 96—104.
3. Сараскина, Л.И. Александр Солженицын. Серия «Жизнь замечательных людей: Биография продолжается». М., 2008.
4. Сахаров, А.Д. Тревога и надежда. М., 1990.
5. Солженицын, А.И. Публицистика. В 3 томах. Ярославль, 1995—1997. Том 1. Статьи и речи. Ярославль, 1995.
6. Штурман, Д. Городу и миру. О публицистике А.И. Солженицына. Париж — Нью-Йорк: Третья волна, 1988.

«Враг партии» В. М. Киршон и его письма И. В. Сталину

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Владимир Михайлович Киршон [6 (19).08.1902, Нальчик — 21.04. 28.07.1938, в заключении] — драматург, критик, публицист (факты биографии Киршона даются по [4]).

Детство прошло в Петербурге, Кисловодске. Активно участвовал в Гражданской войне. С 1920 г. — член РКП (б). В 1920—1923 гг. учился в Коммунистическом университете в Москве, испытал влияние Луначарского, преподававшего там. Писать начал в 1920 г. для клубных сцен («Единый фронт» и другое). «Рельсы гудят» (1928) — одно из первых сценических произведений на «производительную тему».

По окончании учёбы в Коммунистическом университете Киршон преподавал в совпартшколе Ростова-на-Дону; создал РАПП. В 1925 г. переехал в Москву; был одним из руководителей РАПП, ВОАПП, членом редколлегии журнала «На литературном посту» (1928—1932).

В письме от 21 июня 1930 г. (?) [1, с. 188—189] Киршон просит Сталина прочитать его пьесу «Хлеб», о которой литератор уже рассказывал вождю при встрече (видимо, имеется в виду приём у Сталина 23 ноября 1929 г. [5, 689]) и указать на её недостатки. (Согласно журналам записей лиц, принятых вождём, Киршон побывал на приёме у Сталина 22 октября 1929 г., 19 ноября 1930 г., 6 декабря 1931 г., 11 мая 1932 г., 31 мая 1933 г. — всего 5 раз [5, с. 689]).

18 мая 1931 г. Киршон в своём письме [1, с. 202] просит Сталина принять его, чтобы выслушать ряд сведений относительно РАППа и дать указания относительно новой вещи писателя.

21 июня 1931 г. Киршон обращается в ЦК [1, с. 206] с просьбой разрешить ему поездку в Германию на три месяца для сбора материала для очередной драматиче-

ской работы, посвящённой революционному движению на Западе (речь идёт о написанной позднее пьесе «Суд»). 28 июня 1931 г. [1, с. 206—207] писатель обращается с той же просьбой лично к Сталину. Киршон полагает, что написание пьесы о западном революционном движении будет ценнее, нежели продолжение пьесы «Хлеб», к которой «не лежит сердце», однако если вождь поручит ему что-либо, он охотно исполнит поручение. Разрешение на поездку было дано в тот же день, 28 июня 1931 г.

22 февраля 1932 г. (не позднее) [1, с. 235—236] Киршон вновь пишет в ЦК [1, с. 206] — с продлить его пребывание в Германии на два месяца. Писатель не управился с работой за три запланированных ранее месяца по двум причинам — незнание языка и необходимость работы с переводчиком (интересно, что в письме ЦК от 21 июня 1931 г. Киршон указывал, что в случае разрешения поездки он «всё время до осени посвя [тит] укреплению знания немецкого языка») и хроническое заражение крови. Кроме того, Киршон желает «пробыть в Германии острейший период президентских выборов» и затем посетить Англию и Францию. Писатель говорит, что в случае необходимости может послать вождю собранный им материал.

23 апреля 1932 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», согласно которому РАПП был ликвидирован. В адрес ЦК заявления с выражением протеста направили Фадеев, Киршон, Иллеш, несколько позже — Авербах, Шолохов, Макарьев. Причём Киршон уведомил ЦК о своей позиции по телефону. Сотрудник аппарата ЦК Вейдемман передал эту информацию в письменном виде А.И. Стецкому: «Тов. Стецкому. Сегодня 10. V. 32 г. около 7 ½ час. вечера мне позвонил тов.

Киршон и просил передать Вам как своё официальное заявление следующее: «До изложения Центральному Комитету своих соображений в развёрнутой форме документ, в котором партийная деятельность ком. фракции РАПП оценена как принёсшая вред партии, документ подписать не могу. С ком. приветом В. Киршон. 10 мая 1932 г».. Записав это заявление, я попросил т. Киршона послать в ЦК подписанный им официальный документ, что Киршон обещал сделать немедленно. 10 мая 1932 г. Вейдеман» [5, с. 755]. 11 мая Сталин и Каганович направили членам и кандидатам в члены Политбюро письмо, которое было оформлено в виде постановления Политбюро от 11 мая 1932 г.: «В связи с посылаемыми Вам заявлениями Фадеева, Киршона и Белы Иллеша, предлагаем принять следующее постановление: Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Кагановича, Стецкого и Гронского рассмотреть вопрос, связанный с заявлениями тт. Фадеева, Киршона и Белы Иллеша, и принять решение от имени ПБ». На следующий день Сталин и Каганович направили членам и кандидатам в члены Политбюро новое сообщение: «В связи с поступившими в ЦК заявлениями Белы Иллеша, Фадеева, Авербаха, Шолохова, Киршона и Макарьева, комиссией ПБ принято следующее постановление (оформлено как постановление Политбюро от 12 мая 1932 г. — Е. С.): «Ввиду того, что тт. Фадеев, Киршон, Авербах, Шолохов, Макарьев взяли свои заявления обратно и признали свою ошибку, считать вопрос исчерпанным» [5, с. 755].

Не ранее 26 мая 1932 г. Киршон направляет письмо Сталину и Кагановичу [5, с. 177–179; 9, с. 140–141]. Письмо написано после первого заседания президиума Оргкомитета ССП (26 мая 1932 г.), на котором было принято решение изменить редакции всех литературных газет и журналов. Из всех бывших рапповцев только Фадеев, Афиногенов и Авербах введены в редакции, все прочие «выведены отовсюду» (списки редколлегии см. в [5, с. 755]). Письмо Киршона является протестом против этого решения; по мнению драматурга, оно «имеет целью полную ликвидацию бывшего руководства РАПП и писателей, и критиков, разделявших его позиции». Киршон полагает, что бывшие рапповцы поставлены в неравные условия с их противниками, выражает общее желание «активно и энергично бороться за реализацию решения ЦК», «давать большевистские произведения» и просьбу дать возможность «вести работу на литературном фронте, исправить допущенные... ошибки, перестроиться в новых условиях». В частности, Киршон от своего имени и имени своих соратников просит оставить журнал «На литературном посту», чтобы иметь орган для «наиболее правильного проведения линии партии в творчестве, и в литературной политике». Признавая допущенные журналом в прошлом ошибки, Киршон обязуется впредь их не допускать. Письмо написано в сугубо официальном ключе; его скорее можно определить словом «заявление». Чувствуется что автор письма разделяет коммунистические взгляды и готов подчиниться любому решению ЦК.

22 июня 1932 г. Секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление «О литературных журналах», согласно которому следует объединить журналы «На литературном посту», «За марксистско-ленинское искусствознание» и «Пролетарская литература» в один ежемесячный журнал и ввести в состав редколлегии объединённого журнала, «Красной нови», «Роста», «Литературной газеты» бывших рапповцев, в том числе и Киршона.

9 октября 1932 г. Киршон в очередном послании сообщает вождю [1, с. 258], что посылает ему «свою пьесу, задуманную давно и окончательно оформившуюся во время поездки за границу» (в Германию и Францию) — пьесу «Суд». В ответном письме от 15 октября 1932 г. [1, с. 259] Сталин ответил: «Пьеса вышла у Вас неплохая. Хорошо бы пустить в дело немедленно». В 1933 г. пьеса будет поставлена одновременно в трёх крупных театрах: МХАТ-2, Ленинградском драматическом театре и Киевском театре имени Франко [2, с. 81]. «Драма посвящена рабочему движению на Западе, борьбе немецких коммунистов против социал-демократических предателей» [2, с. 81].

В письме от 11 мая 1933 г. [1, с. 291] Киршон просит Сталина посмотреть «Суд» в театре — «как пьеса получилась на сцене» — 13 или 14 мая, перед тем, как театр уедет на гастроли в провинцию.

31 мая 1933 г. Киршон пишет Сталину письмо, представляющее собой гибрид письма-доноса и официального документа [10, с. 79–80]. Цель письма писатель определяет так: «Я считаю себя обязанным сообщить Вам о новых попытках разжигания групповой борьбы между литераторами-коммунистами». Групповщина эта «всё более изживалась» благодаря ЦК. «Однако делу консолидации был нанесен резкий удар созывом литературного совещания при «Правде» — вскоре после ... заседания фракции. На это совещание товарищей вызывали явно по групповому признаку — с устранением нескольких членов Оргкомитета». Киршон жалуется на то, что «... тов. Фадеев предложил просить ЦК немедленно снять тов. Гронского и вновь объявить ряд товарищей, и меня в том числе, законченной группой» и что «[н] ачалась беспринципная, без всяких оснований, «проработка» отдельных товарищей». Писатель делает вывод: «Со всей решительностью нужно сказать, что работа Оргкомитета была слаба. Однако в деле собирания сил коммунистов последнее время проводилась политика объединения коммунистов, независимо от их принадлежности в прошлом к той или иной группе».

13 августа 1933 г. Киршон пишет Сталину письмо [1, с. 299–300] о невключении его в состав секретариата ССП. Недоумение писателя вызывает тот факт, что первоначально Стецкий на заседании фракции Оргкомитета в культпропе ЦК (8 августа) сообщил о решении ввести Киршона в секретариат, однако, собрав фракцию несколькими днями позже (13 августа), огласил новый состав — без Киршона. Причин этого Стецкий не объяснил, а так как из всех ранее намеченных товарищей выведен один Киршон, то писатель сделал вывод, что всё произо-

шедшее — проявление недоверия к нему, что было бы для писателя самым тяжёлым. Киршон предполагает, что причиной такого недоверия могли послужить его ошибки, на которые он просит ему указать, чтобы он мог их исправить.

В ответном письме, датированном тем же 13 августа 1933 г. и подписанным не только самим вождём, но и Кагановичем [1, с. 300], Сталин спрашивает Киршона: «Откуда Вы взяли вопрос о доверии?» и поясняет: «Нельзя же всех членов Оргкомитета ввести в секретариат ...». Вождь поясняет: «Вас не ввели потому, что надо Вам дать больше возможностей заниматься творческой работой, что для нас не менее (а более) важно» и заверяет, что «ЦК доволен Вашей работой и доверяет Вам...».

3 декабря 1933 г. Киршон пишет Сталину письмо [1, с. 302], в котором сообщает, что шлёт вождю новую пьесу. Согласно хронологии жизни и творчества Киршона [1, с. 302] речь шла, видимо, о пьесе «Чудесный сплав» (текст в прилагаемой к письму рукописи не озаглавлен), поставленной во МХАТе и других театрах страны в 1934 г. В пьесе рассказывается о «формировании морального облика советской молодёжи» [8, стб. 544]. В этой пьесе Киршон «ставил своей задачей дать весёлую, бодрую, оптимистическую комедию». Писатель просит вождя прочесть пьесу и дать ему указания.

Не ранее 3 декабря 1933 г. Сталин отвечает Киршону [1, с. 302], что прочитал пьесу, и отозвался о ней так: «Хорошая вещичка. Пустите её в ход».

2 февраля 1934 г. Киршон сообщает Сталину [1, с. 304], что его пьеса «пущена в ход» и репетируется во МХАТе. Далее писатель сообщает, что хотел бы согласно указанию вождя приступить к работе над антияпонским военным фильмом, в связи с выбранной темой у Киршона возник ряд вопросов, ответы на которые он от самого Сталина. Поэтому писатель просит принять его. Резолюция Сталина на письме гласила: «Пока не могу принять, — занят. И. Ст».. Киршону эта резолюция была сообщена.

19 марта 1934 г. Киршон направляет Сталину письмо с просьбой о приёме [1, с. 312]. Необходимость приёма обусловлена тем, что у писателя, работающего «над военной фильмой» по поручению вождя, возник ряд вопросов, и Киршон хотел бы получить инструкции. Вероятно, речь идёт о сценарии по пьесе «Большой день». Отметим, что в письме от 28 марта 1935 г. писатель также упоминает свою работу, ведущуюся по поручению вождя, «над «фантастическими» произведениями (пьеса и сценарий) о будущей войне» (об этом письме см. далее). «Киршон входил в группу особо доверенных литераторов, которые допускались к работе над кинофильмами в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК от 7 мая 1932 г. (фактически принятому в развитие исторического апрельского постановления о перестройке литературно-художественных организаций). Киршон возглавлял список по «международной теме»: 1. Киршон. 2. Афиногенов. 3. Бела Иллеш. 4. Бруно Ясенский. 5. Матэ Залка (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 296. Л. 5—6). В 1933 г. вместе с Вс. Пу-

довкиным в качестве режиссёра Киршон был заявлен автором сценария безымянной «оборонной картины» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 364. Л. 47—49)» [1, с. 313].

«Яркий общественный темперамент, кипучая энергия, организаторские способности, стремление к «вождизму» вывели Киршона из среды молодых литераторов. Он ведёт большую организационно-творческую работу, заявляет о себе как критик-публицист, постоянно участвует в многочисленных дискуссиях по вопросам театра и драматургии. Ораторский талант, чувство юмора, талант полемиста, широкая начитанность помогли Киршону быстро завоевать популярность в кругах московской творческой интеллигенции. Однако суждения Киршона о роли пролетарской культуры становятся все более непрекращаемыми, получают тенденциозно-политическую окраску. Успех вскружил ему голову, породив самоуверенность, приказной тон, восприятие своих оценок в литературе как истин в последней инстанции. Нигилистическое отношение к искусству прошлого, к западной культуре типично для всех выступлений и директивных статей Киршона» [4, с. 340]: «Нам нечему учиться у западной буржуазной культуры, культуры распада и гниения» [6, с. 58]. «Классовые оценки Киршон ставит выше собственно художественных параметров, доходя в партийном фанатизме до крайностей».

Симптоматичен следующий факт. В спектакле Вс. Мейерхольда «Последний решительный» по пьесе Вс. Вишневского в финальной сцене уцелевший после гибели полка матрос пишет на классной доске разрушенной школы символические цифры — из 162 миллионов жителей советской страны он вычитает 27 погибших, и остаются ещё миллионы, которые могут воевать с врагом. Выступая на дискуссии после спектакля, Киршон сказал» [4, с. 340]: «Арифметическое упражнение ничего общего с большевизмом не имеет. Автор и режиссёр не понимают, что в 160 миллионах, кроме основных масс трудящихся, есть известное количество кулаков, которые сделают все возможное, чтобы в первый день объявления войны ударить нас с тылу» [4, с. 340].

15 июня 1934 г. Киршон направил Сталину и Кагановичу письмо с жалобой на газетную критику [1, с. 318—319]. Писатель в самом начале заявляет, что не любит жаловаться и именно поэтому в обстановке «скрытой и открытой травли» к вождю не обращался. Травлей Киршон считает критические статьи о своём творчестве в «Литературном Ленинграде», «Комсомольской Правде» и «Театре и Драматургии». Причиной написания письма послужила статья под названием «Чудесный сплав», опубликованная 15 июня 1934 г. в «Правде» (автор статьи — Д. Заславский) и посвящённая одноимённой пьесе Киршона. Киршон жалуется: «В этой статье даётся оценка спектакля в ТРАМе, и ни слова не упоминается о спектакле во МХАТе, что само по себе ошибочно, — нельзя проходить мимо постановки коммунистических пьес в лучшем театре СССР» (подчёркнуто автором письма). Однако последняя фраза статьи несколько опровергает

утверждение Киршона: «Мхатовец Судаков нашёл в колллективе Трама благодатный актёрский материал, и на совместной работе талантливого постановщика с талантливым коллективом показана возможность разрешения этой проблемы чудесного сплава» — то есть МХАТ всё же упомянут. Отметим, что тональность заключения статьи весьма благожелательная. За день до публикации статьи Заславского в той же «Правде» была опубликована программная статья М. Горького «О литературных забавах», в которой Горький подверг едкой критике в том числе и бывших рапповцев, сказав, что «ничтожен был идеологический багаж прыгунов». Можно предположить, что Киршон, сам бывший рапповский вождь, связал эти две публикации воедино и перепугался, решив, что они знаменуют новый курс с литературе. В марте 1934 г. Киршон направил Сталину экземпляр пьесы «Чудесный сплав» с дарственной надписью: «Тов. Сталину — самому замечательному человеку нашей эпохи. В. Киршон. Март 1934» (книга из коллекции Государственной общественно-политической библиотеки Министерства культуры Российской Федерации). Далее в письме Киршон пишет: «Оценка ЦО партии имеет громадное значение для зрителя, театра и автора» (аббревиатура ЦО обведена Сталиным, возле неё поставлен знак вопроса). Это понимает Л. З. Мехлис, редактор «Правды», и тем не менее рецензию печатает. Рецензия, по мнению Киршона, несправедлива тем, что театром создан спектакль вопреки автору, который «далее сомнительных острот не пошёл» (цитирует Киршон статью). В заключении статьи также упомянут не автор, а режиссёр и актёры, что задевает Киршона. Писатель обвиняет Мехлиса в том, что тот «издавна проводит политику преследования тех, кто не считает его достаточно компетентным руководителем литературы и не входит в группу, которую он собрал около себя. ... Думает ли т. Мехлис, сколько радости доставил он всем, кто ненавидит меня за то, что темы моих пьес — это партия и её победы на разных участках?» Вероятно, Киршон пытается оправдаться и возвысить себя, в частности, за счёт критики другого (в данном случае — Мехлиса), обратившись в высшую инстанцию, ибо «... больше обратиться некуда, ... нет сил приниматься за следующую работу».

Реакция Сталина на письмо Киршона выразилась в коротенькой записке Мехлису и Кагановичу (не ранее 15 июня 1934 г.) [1, с. 320], состоящей из двух фраз: «К нас нет «ЦО партии», — у нас имеется «Орган ЦК» «Правда». Это далеко не одно и то же».

28 марта 1935 г. Киршон направляет уже упоминавшееся выше письмо Сталину [10, с. 80] (см. также анализировавшееся нами ранее письмо вождю от 19 марта 1934 г.). Писатель отчитывается: «По Вашему указанию я работаю над «фантастическими» произведениями (пьеса и сценарий) о будущей войне» (в этом и в следующем письме речь идёт о пьесе «Большой день», посвященной оборонной тематике) и рассказывает: «Вы рекомендовали мне темой избрать войну с японцами. Мною подго-

товлен весь необходимый материал, изучены нужные вопросы и военные проблемы, я достаточно познакомился с людьми армии и приступил уже к непосредственной работе. Я предлагаю, однако, написать эти вещи, противником изобразив Германию». Приведя ряд соображений, по которым необходимо изобразить именно Германию, Киршон просит разрешения вождя: «Все эти соображения заставляют меня просить Вас разрешить мне объектом моих «фантастических» произведений избрать западный Фронт». Сталин с письмом ознакомился и собственноручно начертал на нём: ««Т. Киршону. Мой совет: действовать по собственному усмотрению и не требовать «указаний» от меня. Привет! И. Сталин. 4/IV. 35».

Одновременно с письмом от 2 марта 1936 г. [10, с. 81] Киршон высылает Сталину свою пьесу «Большой день» и просит ознакомиться с ней. Киршон «писал эту вещь поставив себе задачей дать пьесу мобилизующую, полезную для обороны страны». Ему кажется, что пьесу надо поскорее поставить, а театры, взявшие её, предполагают выпустить её позже — будущей зимой. В связи с этим писатель просит поддержки у вождя. Кроме того, Киршону нужна поддержка ещё в одном вопросе: «Дело в том, что по указанию тов. Хрущёва в театре МОСПС снята и запрещена к постановке моя пьеса «Город Ветров», которая в свое время уже шла в этом театре и других городах Союза. Коммунисту-писателю очень неприятно, когда в его произведении есть идеологические ошибки, когда же произведение целиком запрещается — это уже совсем тяжело и с этим трудно мириться, если сам не считаешь свою вещь антипартийной». Таким образом, Сталин должен защищать Киршона от цензурных рогаток.

23 августа 1936 г. [1, с. 423] Киршон пишет письмо-просьбу Л. М. Кагановичу о своём выступлении на писательском собрании (21 августа 1936 г.), посвящённом итогам Московского процесса. В выступлении Киршон говорил о фашистских террористах. На следующий день, 22 августа, в «Известиях» появился отчёт, в котором говорилось, что Киршон ««с непонятной деликатностью» умолчал о фамилиях писателей, «флиртовавших с оппозицией»», и 23 августа те же формулировки были повторены в «Комсомольской правде». Об изгнанных из партии троцкистах подробно говорил на этом собрании Стецкий. Киршон утверждает, что не назвал ни одной фамилии потому, что тогда нужно было бы назвать целый ряд фамилий, что было бы в данной обстановке «грубейшей политической ошибкой» — это мнение не только лично Киршона, но и бюро партгруппы. Киршон апеллирует к самому Кагановичу: «Вы, Лазарь Моисеевич, достаточно меня знаете. И знаете, что я не только никогда сам не был ни в каких оппозициях и группировках, но всегда активно и решительно вёл борьбу за партию со всеми её врагами». Писатель указывает на то, что статья в «Комсомольской правде» появилась после того, как бюро партгруппы вынесло решение по этому поводу. Киршон просит Кагановича вмешаться, ибо «быть несправедливо обвинённым в каком-то «примиренчестве» ... нетерпимо тяжело».

«Пущенный Киршоном бумеранг вернулся назад: в 1937 г. из 160 миллионов будет «вычтен» по клеветническому доносу и сам Киршон» [4, с. 340]. 23 апреля 1937 г. Юдин написал статью для «Правды» «Почему РАПП надо было ликвидировать», которая содержала резкую критику Авербаха и «его приспешников» Киршона, Афиногенова, Ясенского, и эпистолярный донос на Киршона на имя Сталина и Кагановича [5, с. 359–360]. В этого времени тональность киршоновских писем «наверх» резко меняется. Если раньше Киршон писал Сталину в основном о своём творчестве (за исключением писем от 31 мая 1933 г., представляющего собой донос на коллег, от 13 августа 1933 г. о невключении Киршона в состав секретариата ССП и 15 июня 1934 г. с жалобой а газетную критику), то теперь послания писателя представляют собой сплав писем оправданий, писем с просьбой о помощи и о «неуничтожении» и писем-покаяний.

В письме от 20 апреля 1937 г. Киршон сообщает Сталину [10, с. 81–82]: «Сегодня, 20-го, была партийная группа Союза советских Писателей, на которой постановлено поставить перед райкомом и моей парторганизацией вопрос об исключении меня из партии». Главные обвинения — «связь с Ягодой и связь с Авербахом», однако писатель утверждает, что «до последнего времени думал, что Авербах — честный партиец» и что «поддерживал связь с Ягодой, но ... предполагал в нем преданного члена ЦК, руководителя органа по борьбе с контрреволюцией». Писатель утверждает, что его оклеветали: «То, что говорили обо мне на нашей партийной группе, в значительной части неправда». Он слёзно просит не изгонять его из партии: «Дорогой товарищ Сталин, вся моя сознательная жизнь была посвящена партии, все мои пьесы и моя деятельность были проведением ее линии. За последнее время я совершил грубейшие ошибки, я прошу покарать меня, но я прошу ЦК не гнать меня из партии».

23 апреля 1937 г. Киршон вновь пишет Сталину [10, с. 83] — «прошло трое ужасных суток» после заседания, на котором было принято решение об исключении Киршона из партии, после письма вождю об этом, после уничтожающих статей в прессе, в том числе в «Правде» и в «Советском искусстве». Писатель утверждает: «Меня хотят выбросить из жизни, как большевика, как советского автора» и спрашивает: «Неужели я совершенно потерял доверие партии и мне даже будет отказано в возможности исправить мои тяжкие ошибки?».

27 апреля 1937 г. написано «уже третье письмо» [10, с. 83–84] Сталину и в Секретариат после решения об исключении из партии. Причём «[с] ейчас уже [Киршона] обвиняют не в связи с Ягодой и Авербахом, а в преступной троцкистской деятельности». Писатель жалуется на подтасовки, применяемые к нему. Так, некоторое время назад в Управлении по охране авторских прав была ревизия, не обнаружившая никаких злоупотреблений, однако теперь «ревизионная комиссия постановила привлечь к суду директора и поставить на вид Киршону, Вишневному и Гайдовскому, ответственным за те или иные решения Управления

и не уследившим за некоторыми, незаконными с точки зрения комиссии, действиями». Писателя «уже изображают и троцкистом, не только бездарным, но и враждебным писателем, уголовным элементом». В письме содержатся элементы покаяния — Киршон признаёт ряд проступков: «Я уже писал Вам о своей тяжкой вине, — я был связан с врагами и не распознал их, я вел групповую борьбу на литературном фронте, а за спиной моей стоял враг, который направлял эту борьбу в своих целях, я оказался политическим слепцом и подпал под влияние разложившейся враждебной среды предателя и преступника Ягоды», однако утверждает, что «в одном нет моей вины: я никогда ничего не делал против партии». Писатель говорит, что всегда получал от Сталина поддержку, просит его: «Родной товарищ Сталин, по-человечески поймите меня, — неправда то, что хотят мне приписать». Киршон вновь и вновь твердит о своей преданности партии и в том, что нет ничего хуже обвинений в противопартийной деятельности: «Поймите, товарищ Сталин, как страшно, когда человек до конца преданный партии, обвиняется в деятельности против нее».

3 мая 1937 г. секретарь ССП В.П. Ставский пишет Сталину записку об обсуждении писателями пленума ЦК ВКП (б), состоявшегося в феврале — марте 1937 г., и деятельности Авербаха и Киршона (см. [5, с. 368–370]).

6 мая 1937 г. датировано очередное письмо Киршона Сталину [10, с. 84–89]. Это самое подробное письмо, в котором писатель хочет представить вождю «Вам объяснения по основным пунктам, выдвинутым против [Киршона]». Например: «В выступлениях товарища Вишневого, в которых он заявлял, что я связан с троцкистом Авербахом с 1923 года, он изображает дело так, будто я поддерживал Авербаха тогда, когда он открыто защищал платформу Троцкого. Это неправда». Писатель приводит ряд положительных партийных характеристик, статей и документов, например, статью того же Вишневого, теперешнего обвинителя, в «Советском искусстве» от 29 апреля 1937 г., отзывы Щербакова и Кольцова, работавших с Киршоном на Международном конгрессе в защиту мира (1935 г., Париж), похвалы Ставского и Лажути в адрес Киршона, высказанные Андрееву и другие. Вместе с тем писатель напоминает о своих заслугах — «брошюру против оппозиции, с предисловием тов. Ярославского», «решительную борьбу с троцкистами и зиновьевцами», многочисленные выступления против врагов партии, работу на XVI партийном съезде и многое другое. «Несправедливо также всю мою деятельность объявлять вредной, антипартийной и т.п. В активе своем я считаю борьбу с троцкистами и зиновьевцами в РАППе, активную борьбу с «воронщиной» и «Перевалом», с меньшевистской переверзевской группой и, наконец, с антипартийной группой «Литфронт», значительная часть участников которой теперь арестованы, как враги народа». Причём Киршон утверждает, что всё, перечисляемое им, можно установить документально. Киршон, признавая ряд ошибок, указывает на то, что некоторые обвинения против него абсолютно надуманы и не соответствуют реальности:

«Я ни в какой мере не снимаю с себя ответственность за то, что я поддерживал тактику налитпостовцев под руководством Авербаха. Ни лозунг «живого человека», ни «генеральная линия РАПП», ни теория «союзник или враг», ни требование для всех писателей писания методом диалектического материализма, ни теория о том, что пролетарская культура не есть культура социалистическая — не выдвинуты мной. Я не являлся теоретиком РАППа, ни одной враждебной теории авербаховщины я не выдвигал». В письме звучат покаянные нотки, например: «Обязанностью моей, как редактора литературного журнала «Рост», было — в ряде беспощадных статей разоблачить вреднейшие теории налитпостовства и вреднейшую его практику. <...> Вместо этого в журнале «Рост» я печатал статьи, которые смазывали значение рапповских ошибок, неправильно ориентировали читателя, мешали большевистскому проведению в жизнь решения ЦК». Или: «Я, однако, не могу согласиться с тем, что этот факт является достаточным для того, чтобы объединить меня со всей этой сволочью, которая маскировалась и двурушничала... <...> Это, однако, не снимает с меня вину. Я не сумел разоблачить и раскрыть врагов, я не понял, что это враги, но я проводил групповую политику, а эту политику использовали враги». Или: «Связь с преступником Ягодой поставила меня в привилегированное положение и я, закрывая глаза на то, что не имею на то никаких прав, пользовался этими привилегиями, вращался в среде разложившихся, не признающих никаких советских законов, наглых людей. Я стал портиться, как коммунист и как человек». Снова писатель настаивает: «Но в одном я неповинен: я не помышлял против моей партии. <...> Я был и всегда останусь верен партии». Киршон описывает поведение его коллег по перу, обвиняя их в клевете: «На собрании драматургов мои коллеги по перу утверждали, что я — абсолютная бездарность, автор антихудожественных пьес, ничтожный и фальшивый писатель. Они утверждали, что успех моих пьес объясняется тем, что якобы я их сам везде проталкивал, что участники моей «банды» их расхваливали и т.д., и т.п. <...> На этом собрании было много самой неприкрытой клеветы, сведения личных счетов, обливания грязью человека, который не может, не в состоянии на все ответить». Но при этом он признаёт, что «целый ряд выступавших в основном были правы, и что за множеством всяческой клеветы и измышлений звучит голос суровой и правдивой самокритики». Качество своих пьес писатель оценивает так: «Одно только отнять у моих пьес нельзя — я не извращал, не искажал нашу действительность, я смотрел на происходящее глазами партийца, и, по мере своих слабых художественных возможностей, в пьесах своих боролся с вра-

гами партии и страны. Я никогда в жизни не писал наспех, я всегда тщательно и добросовестно работал над материалом». В конце письма Киршон вновь кается и обещает искупить ошибки: «Дорогие товарищи, я совершил тяжелые проступки. Я знаю, что я заслужил наказание. Но я получил страшный урок. Я нашел в себе силы пережить все это. Я исправлюсь, я все силы приложу для того, чтобы дать партии все лучшее, на что я способен».

13 мая 1937 г. Киршон был исключён из партии.

А 14 мая 1937 г. драматург пишет отчаянное письмо Сталину [5, с. 373–374; 9, с. 142–143; 10, с. 90]. Он кается в своих проступках перед властью — в «литературной групповщине», которая была сразу после постановления ЦК о ликвидации РАПП, и в том, что в 16 лет проголосовал на профсоюзной дискуссии за «троцкистскую платформу» (от чего, впрочем, через несколько дней отказался). Именно это, считает драматург, послужило причиной всего происходящего сейчас. Он искренне кается, доказывает, что он не враг партии, берет всю ответственность на себя: «Я знаю, что все это я заслужил. Ведь я так был обласкан партией, я пользовался её доверием, я с величайшим стыдом думая о том, как гнусно вёл себя, доведя все до такого состояния». Киршон молит вождя: «Помогите мне вырваться из этого страшного круга, дайте любое наказание». Необычно, что писатель готов принять кару от власти. Он готов вытерпеть все, что угодно, лишь бы его не считали врагом партии, лишь бы иметь возможность работать «для Партии и Родины». И уж совсем необычно обращение к Иосифу Виссарионовичу: «Родной товарищ Сталин». А ведь, наверное, он и был для Киршона в известном смысле родным. Это письмо отчаявшегося человека, у которого осталась только надежда на милость вождя, всемогущего божества. Это мольба о снисхождении.

«Товарищ Сталин, родной, помогите мне». Сталин не помог. Киршон был арестован 29 августа 1937 г., и в следующем 1938 г. расстрелян.

Осталось только добавить, что в начале 60-х вдова Киршона Р.Э. Корнблюм обратилась в ЦК с письмом, в котором сетовала на невнимание к пропаганде литературного наследия её мужа, уже реабилитированного к тому времени, и на исключение спектакля «Хлеб» из музейной экспозиции МХАТа. 30 января 1962 г. была написана записка Отдела культуры ЦК КПСС, в которой говорится, что «Чудесный сплав» активно ставится; о постановках других пьес и изданиях книг (уже выполненном и планируемом); о том, что заявление о снятии «Хлеба» с экспозиции МХАТа не соответствует действительности (см. [7]). В том же 1962 г. состоялось издание сочинений Киршона в сопровождении воспоминаний о нём [3].

Литература:

1. Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Сост. В. Максименков. М., 2005.
2. Бородина, О.К. Владимир Киршон. Очерк жизни и творчества. Киев: Издательство Киевского университета, 1964.

3. В. М. Киршон. Статьи и речи о драматургии, театре и кино. Пьесы В. М. Киршона на сцене. Воспоминания о В. М. Киршоне/Сост. и прим. Р. Э. Корнблюм. Вст. ст. е. Горбуновой. М.: Искусство, 1962.
4. Вишневская, И. Л. Киршон В. М. // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М., 2000. с. 340–341.
5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 2002.
6. Киршон, В. М. Статьи и речи о драматургии, театре, кино. М., 1962.
7. О литературном наследии В. Киршона // Вопросы литературы. 1993. Выпуск 1. с. 229–230.
8. Полоцкая, Э. А. Киршон Владимир Михайлович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1966.
9. «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938. М., 1997.
10. «Я оказался политическим слепцом». Письма В. М. Киршона И. В. Сталину. Публ. А. Чернева // Источник. 2000. № 1. с. 78–90.

Возникновение лексической супплетивности

Туропова Лола Сууюновна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

В статье приведены примеры образования новых английских слов с изменениями в них окончаний, также объединённые единством значения происходящих от различных корней носящих название лексической супплетивности.

Ключевые слова: лексический, существительное, супплетивность, прилагательное, происхождение, значение, различный, английский, система закономерность, рассматривать, особенности, грамматический ряд.

In this article are widely described examples of creating new words which are changed with the help of ending which can be used in English in common meaning of words from various roots of the word.

Английский язык XVI–XX веков с подразделением на ранне-новоанглийский, охватывающий XVI и первую половину XVIII века, и собственно новоанглийский охватывающий период со 2-й половины XVIII века до настоящего времени, представляет собой дальнейшее и вполне закономерное развитие системы английского языка предшествующего периода. Это позволяет нам говорить о языке рассматриваемого периода как об определённой системе, непосредственно и постепенно вырастающей из системы языка предшествующего периода. Эта новая система языка характеризуется по сравнению с системой, ей предшествовавшей, некоторыми определёнными особенностями. С другой стороны новая система в значительной своей части сохраняет черты системы, из которой в она выросла.

В каждом языке простые слова и слова производные от них, могут быть объединены в один лексический ряд. Например, такие слова, как friend, friendly, friendship, составляют один лексический ряд. Обычно такие слова оказываются связанными между собой и по значениям. В английском языке нового периода наблюдается следующее явление: существительное, составляющее часть одного лексического ряда имеет одно происхождение, а прилагательное, которое объединено с этим существительным по смыслу, имеет совершенно иное происхождение, например, son — сын, но filial — сыновний. Такое явление,

при котором слова, составляющие один лексический ряд объединённые единством значения происходят от различных корней носит название лексической супплетивности. В английском языке нового периода лексическая супплетивность вызвана многочисленными заимствованиями прилагательных из латинского и французского языков, в результате чего существительные имеют соответствующие им по смыслу прилагательные латинского или французского происхождения [1]. Английский язык значительно изменился в течении своей истории, тем не менее его грамматический строй и словарный состав продолжают сохранять основные черты языка германской группы, хотя словарный состав включает множество иноязычных заимствований. Несмотря на то, что английский язык в течение своего исторического развития неоднократно скрещивался с различными языками (скандинавским, французским), тем не менее во всех случаях он выходил победителем и продолжал развиваться по своим внутренним законам. Возникновение лексической супплетивности английского языка проходило в связи с развитием производственной и всякой иной деятельности английского народа.

Изменения, которые имели место в области фонетическо происходили медленно и постепенно, причем элементы старого качества отмирали, а элементы нового качества постепенно накапливались и в конечном итоге

привели к существенным типологически качественным изменениям всей системы этого языка.

Отсутствие согласования прилагательных с существительными в том числе, то есть общей неизменяемостью прилагательных, кроме сохранившегося от древних времён изменения по степеням сравнений. В одних случаях английское существительное не имеет никаких производных от него прилагательных. К этой группе можно отнести следующие лексические ряды:

son — сын, но filial — сыновний;

town — город, но urban — городской;

tree — дерево, но arboreal — древесный.

В других случаях производное от данного существительного прилагательное приобретает особое значение, часто значительно отклоняясь от существительного, от которого оно произошло. Прилагательное же латинского происхождения образует с данными существительными лексико — семантическое единство. К этой группе могут быть отнесены следующие слова: day — день, но diurnal — дневной, при производном прилагательном daily — ежедневный; year — год, но annual — годовой, при производном прилагательном yearly — *годовой*; father — отец, но paternal — отцовский, при производном прилагательном fatherly — отеческий, нежный; heart — сердце, но cordial — сердечный, при производном прилагательном hearty — искренний; sun — солнце, но solar — солнечный (относящийся к солнцу), при производном прилагательном sunny — солнечный (ясный); moon — луна, но lunar — лунный (относящийся к луне), при производном прилагательном moonly — значительно отклонившемся от основного значения существительного и означающем — мечтательный, слегка помешавшийся.

Литература:

1. Ермаков, Г. Н. «Закономерное развитие системы английского языка» М., 1995 г. стр. 35–38.
2. Галкина, К. Л. «Продуктивные способы образования новых слов» М., 1998 г. стр. 53–57.
3. English grammar (translation) 1999 Oxford education.
4. В. Р. Гундризер и А. С. Ланда «Учебник английского языка» М. 1952.
5. O. Jespersen. A Modern English. P. I, Heidelberg, 1960.

Некоторые слова изменили свои значения на основе связи процесса и его результата. Примером такого изменения может служить слово *wire* — проволока, получившаяся широкое распространение в связи с изобретением телеграфа. От существительного *wire* — проволока был образован бессуффиксальным способом глагол *to wire* — *телеграфировать*, т. е. посылать по проволоке. Результатом телеграфирования является телеграмма, что и получило свое выражение в дополнительном значении слова *wire*. Многочисленные изменения значений слов произошли также на основе общей функции называемых предметов. Так, в связи с развитием техники старый вид транспорта *carriages, cars-колесные повозки* стали заменяться железнодорожными вагонами которые сначала имели определение *железнодорожный*, т. е. назывались *railway carriage* или *railway car*, а затем утратили его и стали называться *carriage* или *car*. С изобретением двигателя внутреннего сгорания и появлением автомобилей слово *car* получило еще новое значение *автомобиль*. Слово *boat* — *лодка* с появлением больших пароходов приобрело дополнительное значение *судно, корабль*.

Английское существительное *picapinny-негритенок* возникло в результате усвоения испанского словосочетания *pequeño niño*-маленький мальчик, малыш. Язык рассматриваемого периода является национальным английским языком сложившимся к XVI веку на основе диалекта г. Лондона, со включением в него отдельных элементов из других английских диалектов.

Подводя итоги из приведенных выше примеров мы можем видеть, что изменение значения слов является одним из весьма продуктивных приемов выражения новых понятий, возникающих в связи с развитием техники [2].

Инфинитивные предложения со значением объективной предопределенности в русском языке и средства их передачи в персидском языке

Хосейни Амир, доцент кафедры русского языка и литературы;
Вализадэх Хадиджэ, аспирант кафедры русского языка и литературы
Тегеранский университет (Иран)

Настоящая работа посвящена изучению инфинитивных предложений со значением объективной предопределенности в русском языке и анализу способов их передачи в персидском языке. При характеристике данных предложений рассмотрены, какие модальные значения выражаются такими инфинитивными предложениями, при помощи каких языковых средств передаются в них данные модальные значения. В настоящей статье соавторы также подвергли анализу способы и разнообразные языковые средства передачи таких модальных значений в персидском языке. Приведенные далее русские и персидские иллюстрации взяты из разных грамматик, словарей, а также лингвистической литературы.

Ключевые слова: инфинитивные предложения, значение объективной предопределенности, модальное значение, русский язык, персидский язык.

К синтаксическим структурам, изучение которых вызывает большие трудности у персоговорящих, изучающих русский язык, несомненно, можно отнести конструкции с независимым инфинитивом, так как в родном языке учащихся не существуют инфинитивных предложений и языкового эквивалента для них, это значит, передать их содержание с помощью прямого перевода представляется невозможным. Тем более, инфинитивные предложения очень характерны для русской разговорной речи и в силу их особой эмоциональности и большей экспрессии чаще употребляются в художественной литературе. Кажется, что знание таких синтаксических конструкций и разнообразных их модальных значений необходимо не только для понимания, но и для активного их употребления в собственной речи. Исходя из вышеуказанных, следует ознакомить персоговорящих учащихся, изучающих русский язык с широким спектром смысловых нюансов инфинитивных предложений и разнообразием модальных значений, выраженных ими.

Вопрос о сущности инфинитивных предложений в отечественной лингвистике русского языка решался по-разному. Такие лингвисты, как Потебня А. А., Галкина-Федорук Е. М., Попова З. Д., Стеценко А. Н. считают их разновидностью безличных односоставных предложений и называют их инфинитивно-безличными предложениями или безличными с независимым инфинитивом. Шахматов А. А., Булаховский Л. А., Бабайцева В. В., Пешковский А. М., Скобликова Е. С. выделяют их в особый структурно-семантический тип односоставных предложений и определяют им некоторые собственные спецификации.

Инфинитивными являются односоставные предложения глагольного типа, главный член которых выражен инфинитивом и грамматически не зависит ни от какого-л. другого члена предложения и обозначает потенциальное действие [5, с. 103]. Основные структурные и семантические свойства инфинитивного предложения определены природой инфинитива, называющего действие, но не способного в отличие от спрягаемых форм глагола, характеризовать его по времени протекания. Общим значением инфинитивного предложения является потенциальность действия, и темпоральным значением — вневременность [7, с. 120].

Действие или состояние, о котором сообщается в инфинитивных предложениях всегда соотносено с субъектом. Субъект может быть как вербализованным, так и невербализованным, но позиция субъектива в структуре высказывания сохраняется [2, с. 208]. Вербализованный субъект представлен дательным падежом. Отсутствие субъекта в инфинитивных предложениях обусловлено разными причинами: во-первых, невыраженный субъект легко восстанавливается из контекста или ситуации и его повторение может представляться автору информативно избыточным, иными словами, контекст показывает, что им является сам говорящий или лицо, к которому обращена речь: *Не шуметь, молодой человек!; Зачем так говорить? — сказала Наташа и внимательно смотрела мне в глаза.* Во-вторых, для автора может быть и не важен производитель действия, т. е. действие может относиться к любому лицу. В таком случае инфинитивные предложения приобретают обобщенное значение: *Умом Россию не понять, аршином общим не измерить* [Там же, с. 209]; По словам Лекатна, форма главного члена — неопределенная форма в инфинитивных предложениях не содержит и не может содержать указание на синтаксическое лицо. Однако в составе инфинитивного предложения существует член в форме дательного падежа, выражающий отношение высказывания к лицу [3, с. 151]. Таким образом, активное действие в инфинитивных предложениях предполагает наличие действующего лица, субъекта-агенса, т. е. в инфинитивных предложениях, как уже было отмечено, выражается субъект, однако в некоторых случаях субъект может быть невербализованным и понимается из контекста и ситуации. Для инфинитивного предложения характерен синтаксический признак-бесподлежащность, несочетаемость главного члена-инфинитива с формой именительного падежа.

Свойственной спецификой инфинитивных предложений является значение вневременности, что связано с морфологической природой инфинитива. У неопределенной формы глагола отсутствуют показатели временных форм, они не могут указывать на отношение к моменту речи. Этим отличаются инфинитивные предложения от других односоставных предложений.

Кроме того, инфинитивные предложения отличаются от других разновидностей односоставных предложений тем, что не совпадают способы выражения модальной оценки действия у инфинитивных предложений и всех других разновидностей односоставных предложений, где различные модальные значения передаются морфолого-синтаксическим и лексико-синтаксическим способом, в инфинитивных предложениях отношение говорящего к высказываемому выражается интонационно-синтаксическим, т.е. самой формой инфинитива, интонацией, а также в ряде случаев наличием частиц [1, С.144-145; 5, С.102]. Другим способом выражения модального значения в инфинитивных предложениях является видовая форма глагола [8, С.153-154]. Употреблением разных видовых форм глагола различаются приведенные примеры с частицей *не*: *Не опоздать бы мне!* / *نکنه دیرم نشه!*; *Не опаздывать бы мне!* / *کاش دیرم نشه!* В первом примере на значение желаемости неосуществления действия наслаивается семантический оттенок опасения и боязни говорящего, а во втором предложении выражается только значение нежелания делать что-л.

Инфинитивные предложения имеют различные модальные значения. По словам Шведовой Н. Ю. можно выделить у инфинитивных предложений две разновидности семантических структур: 1) предложение со значением объективной предопределенности: под этим значением понимается действие или процессуальное состояние как обязательно предстоящее, неизбежное, необходимое, возможное или невозможное, ненужное или недопустимое; 2) предложение со значением субъективной предопределенности. Данные предложения выражают значение действия или процессуального состояния, которое субъективно осознается как целесообразное или желаемое [6, С. 373]. Инфинитивные предложения первой группы выражают такие значения, как неизбежность, долженствование, вынужденность, возможность или невозможность, недопустимость, ненужность или отсутствие необходимости и т.д. К второй группе инфинитивных предложений относятся те, которые выражают такие значения, как побуждение, желание и осознаваемое как целесообразность.

В отличие от инфинитивных предложений со значением субъективной предопределенности, где действие определяется субъектом ситуации, в инфинитивных предложениях со значением объективной предопределенности действие не зависит ни от чьей-л. воли и желаний и объективно существует.

Объектом настоящего исследования являются сопоставительно-типологический анализ структурно-семантических и коммуникативных разновидностей инфинитивных предложений со значением объективной предопределенности в русском языке и способы и языковые средства их передачи в персидском языке.

Способы перевода инфинитивных предложений на персидский язык зависят от его оттенков модального значения, выраженных ими. Несоответствия в грамматической системе двух языков и невозможность формально точно передавать значение той или иной грамматической формы и синтаксической конструкции компенсируются с помощью других грамматических или языковых средств, т.е. при помощи различных лексико-грамматических трансформаций. Таким образом, для передачи русских инфинитивных предложений в персидском языке используются различные лексико-грамматические (модальные слова и частицы) средства.

Результаты анализа примеров на материале русских предложений, содержащих независимый инфинитив позволяют выделить несколько типов модальных значений, обнаруживаемых в семантике инфинитивных предложений со значением объективной предопределенности:

1. В инфинитивных предложениях говорящий может выражать свою категорическую уверенность в реализации явления или действия, обозначенного инфинитивом. Это интерпретируется как обязательное, неперемное и даже неотвратимое, иными словами, в семантике таких конструкций выражается оттенок **неизбежности**: *Быть в дороге какой-нибудь беде*. / *بر راه حادثه ای رخ خواهد داد*; *Быть грозе великой* / *طوفان سختی در پیش خواهد بود*

Следует отметить, что инфинитивные предложения с модальным значением неизбежности обычно употребляются с инфинитивом глагола-связки *быть*. Инфинитивные предложения со значением неизбежности соотносительны с двухкомпонентными глагольными предложениями в форме будущего времени в русском языке: *быть в дороге какой-нибудь беде* → *будет в дороге какая-нибудь беда*.

В персидском языке вообще нет инфинитивных предложений. Как видно из приведенных примеров и их переводов, неизбежность реализации действия или явления в персидском языке выражается личными формами глагола. Инфинитиву как независимому компоненту в данных предложениях соответствует форма будущего категориального времени изъявительного наклонения глагола-связки *быть* и его синонимы. Форма субъекта, выраженная в русском языке дательным падежом, в персидском языке выступает в роли подлежащего в именительном падеже. В некоторых случаях для выражения неотвратимости и неизбежности осуществления действия в персидском языке употребляются наречия *قطعاً* (*Гатан*), *بدون شک* (*бедин-е шак*) и т.п.

2. Инфинитивные предложения, выражающие **долженствование, предстояние и вынужденность** осуществления действия являются лексически свободными: *Нам завтра уезжать*; *Мне работать*. С семантической точки зрения инфинитивные предложения со значением долженствования синонимичны с безличными предложениями с модальными словами, как *нужно, придется, предстоит, следует* и личными предложениями со словом *должен*: *Ему работать в этой школе* → *Ему придется работать в этой школе*.

Как явно, в таких предложениях в качестве главного члена выступает независимый инфинитив. Инфинитив в предложениях со значением долженствования в большинстве случаев употребляется в форме НСВ. Однако в персидском языке инфинитив не может самостоятельно выступать в позиции сказуемого. Русские инфинитивные предложения со значением долженствования передаются на персидский язык личными предложениями. Данное

модальное значение в соответствующих с ними персидских предложениях чаще выражается при помощи модальных глаголов *باید* (*байад*) и *می بایست* (*мибайэст*): *Ему завтра дежурить, а он еще не знает* *اما هنوز نمی داند*; *Вам найти его сейчас же и прислать сюда* *شما می بایست الساعه او را پیدا کنید و به اینجا بفرستید* *باید* (*байад*); *Мне работать в этой школе* *من مجبورم در این مدرسه کار کنم* *مجبور بودن* (*маджбур будан*) и *наگزیر بودن* (*нагозир будан*): *Мне работать в этой школе* *من مجبورم در این مدرسه کار کنم* Инфинитивные предложения такого типа обозначают ориентированность субъекта на выполнение действия, которое осознается им или говорящим как обязательное, необходимое, неизбежное и предстоящее, часто с оттенком вынужденности и независимости от воли и желания субъекта [4, С.205-206].

3. При помощи инфинитивных предложений выражается и значение **отсутствия необходимости и ненужности** действия. В данных предложениях действие считается ненужным, необязательным. Предложениям такого типа соответствуют русские безличные предложения типа не надо/нужно + инфинитив и можно + не + инфинитив, не приходится + инфинитив и личные конструкции типа может + не + инфинитив: *Ему не звать брата на помощь. он сам справится с этим делом* → *Ему не нужно (не приходится) звать ...* Независимый инфинитив в таких предложениях употребляется в форме НСВ и обязательным компонентом в них является частица *не*: *Эту задачу сегодня вам не решать* (*решение этой задачи не задано сегодня.*) *لازم نیست امروز این مسئله را حل کنید*; *Тебе не вставать завтра рано. У нас не будут работы.* *تو لازم نیست فردا زود بیدار بشی. ما فردا کاری نداریم* *در پاسخ دادن لازم نیست عجله کنید (نباید)*;

Следует подчеркнуть, что для приведенных выше примеры можно перечислить и другие варианты в персидском языке:

Соответственно первому предложению можно сказать:

نمی خواهد امروز این مسئله را حل کنید؛ شما می توانید امروز این مسئله را حل نکنید؛

а второму:

تو می توانی فردا زود بیدار نشی. ما فردا کاری نداریم. نمی خواهد فردا زود بیدار بشی. ما فردا کاری نداریم.

Как показывают приведенные примеры, независимый инфинитив НСВ в предложениях такого типа передается на персидский язык различными языковыми средствами: а) отрицательной формой глагола-связки (*аст*) в сочетании с словом *لازم* (*лазем*); б) отрицательно-безличной формой модального глагола *خواستن* (*Хастан*); г) формой настоящего-будущего времени изъявительного наклонения модального глагола *توانستن* (*таванестан*) в сочетании с отрицательной формой аориста глагола. В русском языке субъект в инфинитивных предложениях такого типа выражается формой дательного падежа, а в персидском употребляется в именительном падеже и выступает в позиции подлежащего.

4. Самым распространенным и более употребительным типом русских инфинитивных предложений являются предложения с модальным значением **невозможности и невыполнимости осуществления действия**. Значение невозможности и невыполнимости действия передается независимым инфинитивом с отрицательной частицей *не*. В инфинитивных предложениях со значением невозможности предикативный инфинитив употребляется в форме СВ: *Мне не прочитать этот роман за два дня* *من نمی توانم این رمان را ظرف دو روز بخوانم*;

Инфинитивные предложения такого типа могут быть субъектными или бессубъектными. В результате отсутствия субъекта значение невозможности получает оттенок обобщенности: *Не поднять на эту гору без спецнаряжения. Эта гора слишком высокая и крутая.* *بدون تجهیزات نمی توان از این کوه بالا رفت. این کوه بسیار بلند و پر شیب است.*

Инфинитивные предложения, имеющее субъект в дательном падеже, входят в синонимический ряд с двусоставными предложениями с вспомогательными глаголами *مочь* — *смочь* в отрицательной форме с частицей *не* и двусоставными предложениями с глаголами СВ в форме будущего времени. Таким образом, инфинитивные предложения такого типа синонимичны с личными предложениями со следующими моделями: а) *сущ./ мест. в И.п. + не + спрягаемая форма глагола мочь/ смочь + глагол СВ*; б) *сущ./ мест. в И.п. + не + глагол СВ в форме будущего времени*: *Студентам не решить эту задачу, она слишком сложная* (*Студенты не решат эту задачу, она слишком сложная*; *Студенты не смогут решить эту задачу, она слишком сложная*;) *دانشجویان قادر به حل این مسئله نیستند. این مسئله بسیار پیچیده است / دانشجویان نمی توانند این مسئله را حل نمایند. این مسئله بسیار پیچیده است* *за день, в ней много новых слов и словосочетаний* (*Я не переведу эту статью за день, в ней много новых слов и словосочетаний*;) *من نمی توانم این مقاله را ظرف یک روز ترجمه کنم، در آن کلمات و گروه واژه ها ی جدید زیادی وجود دارد*

Инфинитивным предложениям, которые не имеют субъекта (или соотносятся к обобщенному субъекту) соответствуют безличные предложения типа *нельзя + инфинитив СВ* и сближаются с определенно-личными предложениями с глаголом СВ 2-ого лица в форме единственного числа с частицей *не*: *От своей судьбы не уйти* (*От своей судьбы не уйдешь*) *از سر نوشت نمی توان/ نمی شود فرار کرد*; *Нина в Крыму отлично отдохнула, помолодела.* *Ей не узнать* (*Нина в Крыму отлично отдохнула, помолодела. Ей не узнаешь/ ей нельзя узнать*) *به نینا در کریمه خبری استراحت کرده است، جوانتر به نظر میرسد. او را نمی توان/ نمی شود شناخت* *این نامه را نمی توان/ نمی شود* (*Это письмо не прочитать, оно написано на незнакомом языке*) *خواند. این نامه به زبانی ناآشنا نوشته شده است*

Как показывают иллюстрации, в русских предложениях такого типа позицию сказуемого занимает независимый инфинитив, однако, в персидском языке в роли главного члена предложения-сказуемого не может самостоятельно выступать инфинитив. Следовательно, значение невозможности действия при наличии субъекта передается личными предложениями. Субъект действия в русских предложениях употребляется в форме дательного падежа, однако, в персидском языке имеет форму именительного падежа и выступает в функции подлежащего.

Независимому инфинитиву в таких предложениях соответствует форма настоящего-будущего времени модальных глаголов *توانستن* (*tavanestan*) и *قادر بودن* (*qader budan*) с частицей *ne*. Модальные глаголы употребляются в форме изъявительного наклонения.

Бессубъектные инфинитивные предложения в русском языке передаются на персидский язык безличными конструкциями. Им соответствуют безличные формы модальных глаголов *توانستن* (*tavanestan*) и *شدن* (*shodan*) с частицей *ne*, т.е. *نمی توان* (*nemitavan*) и *نمی شود* (*nemishavad*).

5. Инфинитивные предложения с модальным значением **возможности** малопродуктивны в русском языке. Они употребляются в конкретных случаях: 1) они употребляются в вопросительных предложениях такого типа: *Как проехать в Московский университет?* *چطور می توان (می شود) به دانشگاه مسکو رفت*; *Где ему купить этот словарь?* *با چه کسی می توانم در این باره مشورت کنم*; *С кем мне посоветоваться об этом вопросе?* *از کجا می توانم به دوستم زنگ بزنم*; *Откуда мне позвонить другу?* *از کجا می توانم به دوستم زنگ بزنم*.

Вышеприведенные примеры могут быть синонимичны с личными предложениями с спрягаемыми формами глагола *мочь*, а также им соответствуют безличные предложения с модальным словом *можно*: *Как можно проехать в Московский университет?*; *Откуда я могу позвонить другу?*; *С кем мне можно (я могу) посоветоваться об этом вопросе?*

Как следует из приведенных русских примеров модальное значение возможности осуществления какого-л. действия выражается с помощью независимого инфинитива. В персидском языке для передачи данного значения используются другие синтаксические структуры: а) при отсутствии субъекта действия используется безличная форма модального глагола *توانستن* (*tavanestan*) или *شدن* (*shodan*), т.е. *می توان* (*митаван*) и *می شود* (*мишавад*) в сочетании с претеритом (простое прошедшее время) в персидском языке; б) при наличии субъекта действия в персидском языке значение возможности передается личными предложениями с помощью спрягаемых форм глагола *توانستن* (*tavanestan*) с аористом.

2) В случае, когда говорящий сомневается в невозможности выполнения какого-л. действия используются вопросительно-отрицательные предложения с частицей *li*. Однако такие предложения не имеют вопросительного значения, а и содержат сообщение о возможности осуществления действия: *Ему ли не сдать экзаменов? Им ли не перевести этой статьи?* - *Он сможет сдать ...; они смогут перевести ...*. В таких предложениях говорящий утверждает возможность осуществления субъектом действия. При переводе таких предложений на персидский язык используется вопросительное слово *آیا* (*aya*). Эта частица в таких конструкциях выражает сомнение и недоверие в осуществлении действия: *آیا او نمی تواند (ممکن است او نتواند) امتحان دهد?*

6. При помощи инфинитивных предложений выражается модальное значение **недопустимости** осуществления действия. Обязательным компонентом таких предложений является частица *ne*. Это частица расположена в предложении перед акцентируемым словом. Другим средством выражения модального значения недопустимости в русском языке является частица *же*, выступающая в позиции после акцентируемого слова. Русские предложения со значением недопустимости синонимичны с двукомпонентными предложениями типа: *не будет, не может, не должен+же+инфинитив*: *Не плакать же мужчине от боли* (*مرد که نباید از درد گریه کند*); *Не будет же/ не может же мужчина плакать от боли*; *Не ночевать же мне на улице* (*من نباید شب را در خیابان بگذرانم*); *Не должен ночевать же я на улице*;

Как показывают приведенные примеры, инфинитивные предложения со значением недопустимости осуществления действия передаются на персидский язык двусоставными предложениями. Модальное значение недопустимости выражается в персидском языке другими языковыми средствами: а) при помощи спрягаемых форм глагола настоящего-будущего времени с частицей *ne*; б) с помощью спрягаемых форм модального глагола *بایستن* (*bayestan*) в сочетании с частицей *ne* с аористом.

Следует обратить внимание на то, что модальный глагол *بایستن* (*должен*) в предложениях с модальным значением недопустимости выражается не долженствование и необходимость неосуществления действия, а непозволительность и неприличность осуществления действия.

В целом можно утверждать, что по причине несоответствия в грамматической системе двух языков, а также отсутствия инфинитивных предложений в персидском языке формально соответственно русскому языку передавать то или иное модальное значение, выражаемое независимым инфинитивом представляется невозможным. Следовательно, при переводе инфинитивных предложений на персидский язык и для выражения их разнообразных модальных значений используются другие языковые средства, т.е. при помощи различных лексико-грамматических трансформаций. Способ перевода инфинитивных предложений на персидский язык зависит от его оттенков модального значения, выражаемых русскими инфинитивными предложениями. В зависимости от смысловых нюансов, выражаемых независимым инфинитивом в персидском языке употребляются разнообразные модальные слова (глаголы, наречия, ...) и соответствующие спрягаемые формы глагола. Кроме того, при передаче данных модальных значений в персидском языке могут быть употреблены безличная форма глагола в сопровождении с частицами.

Таким образом, сопоставительно-типологический анализ русских инфинитивных предложений помогает преподавателю ознакомить учащихся, изучающих русский язык со структурно-семантическими свойствами инфинитивных предложений и разнообразными смысловыми нюансами, выражаемыми ими.

Результаты анализа собранного нами материала позволяют нам сделать вывод, что русские инфинитивные предложения с объективной предопределенности выражают различные модальные значения в разной степени: долженствование и необходимость (24%), ненужность и отсутствие необходимости (19%), невозможность (33.9%)

возможность (4.1%), недопустимость (7.4%) и неизбежность (11.6%). И так, можно подчеркнуть, наиболее распространенными среди инфинитивных предложений такого типа являются инфинитивные предложения с модальным значением невозможности и малопродуктивными являются предложения с модальным значением возможности.

Литература:

1. Золотова, Г. А., Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука. 1973.
2. Каразина, В. И., Современный русский язык: структурная организация простого предложения. Елец. 2007.
3. Лекант, П. А., Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — М.: Высшая школа. 2004.
4. Метс, Н. А., Практическая грамматика русского языка. — М.: Русский язык. 1985.
5. Пипченко, Н. М., Современный русский язык: синтаксис словосочетания и простого предложения. Минск: БГУ. 2008.
6. Русская грамматика: Т. 2: Синтаксис. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). — М.: Наука. 1980.
7. Синтаксис современного русского языка. Вяткина С. В (гл. Ред.). — М.: Академия. 2009.
8. Скобликова, Е. С., Современный русский язык: синтаксис простого предложения. — М.: Наука. 2006.

Catenation Property of Information — the secrets of intelligence and language

Ху Чженьбо, магистр, старший преподаватель;
Чжао Цзин-янь, магистр, доцент
Чанчуньский университет (Китай)

Hu Zhenbo;
Zhao Jingyan
Changchun University (China)

Several decades after the concept of AI (Artificial Intelligence) being put forward, intelligence is still mysterious for our human beings. All kinds of theoretical systems try to solve the problem from different ways, but leave it unsolved till present. After ten years of observing and analyzing information, the author discovered CPI (the catenation property of information). The article made a scientific inquiry of the inherent interconnection between the CPI, intelligence and language and revealed the secrets of them.

Key words: cognitive linguistics, CPI, intelligence, language

Intelligence was taken as sacred, unsurpassed, and unique and owned by only human beings. It was regarded as the spiritual power with unlimited tremendous potentiality. Philosophy, Psychology, Cognitive Science, Noetic Science, Logic Science, Linguistics, Computing Science and so on, intelligence was explored in all these fields. After the 1956 Dartmouth Meeting with the concept Artificial Intelligence being put forward, more and more researchers devoted into the research of AI enthusiastically. Symbolicism, Connectionism and Behaviorism different academic schools probe into intelligence with different methods. Take NLU (Natural Language Understanding) as example, ever since 1950s, many NLU theoretical systems were developed, such as Transformational-generative Grammar, Dependency Grammar, Semantic Network, Montague Grammar, Systemic Grammar, Case Grammar, Conceptual Dependency, Situation Semantics and so on. In the recent years, corpus linguistics got well developed too.

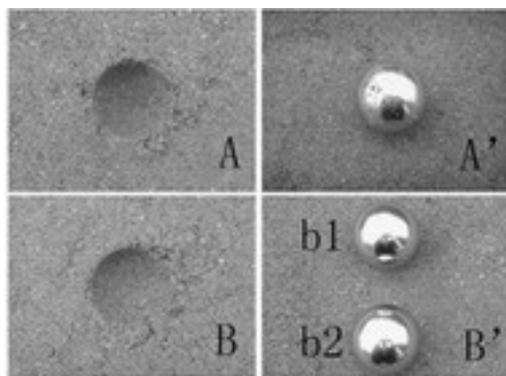
However, in order to simulate the intelligence, all these method systems must take computing as the basement. It's the essential condition to have the algorithm for computers to process any problem. With given algorithms, computers can only process problems that the algorithms enable computers to deal with. The amount of information was infinite and its change and development appear to be boundless. It's impossible for us human beings to endow computer with the algorithms worked out from the interrelationships among all the information so that the computer can react reasonably to any received information. The human intelligence is infinite. The computer can only operate in accordance with the given algorithms. At present, none algorithm can realize the cognition of all the things' relationships. It seems that as long as we human beings afford computers certain algorithm, they can not obtain real intelligence. But without algorithm, there will be no computing to speak of. Unless having a non-algorithmic algo-

rithm or there will be no real intelligence. Everyone can see that it's contradictory at the first sound.

However with the discovery of one property of information, the sounded self-contradictory problem was solved very well. That's the discovery of CPI (the catenation property of information).

CPI Definition: CPI is one property of information. It reflects that all information can take advantage of each other and fulfill the incomplete self-replication. CPI is measured by CPID (CPI degree) which is a physical quantity for the measurement of interrelationship degrees of information.

About catenation property, in order to make it easy to understand, let's have a more visual explanation through Fig. 1.

Fig. 1. An iron ball falls on the ground, an indentation is left on the ground by the iron ball

At the same time, the dust is left on the iron ball by the ground. The indentation has part of the features of the ball. It's an incomplete self-replication that the ball makes on the ground. The dust shows part of the features of the ground. It's an incomplete self-replication that the ground makes on the ball. They make use of each other to fulfill the self-replication. Each of them make the other poses part of the features of their own. That's to say they implement the incomplete self-replication (see Fig. 1 A, A'). Definitely, for some cases it's easy to aware but for other cases it's not so easy to sense that. For example, in Fig. 1 B', it's difficult for us to draw an instant conclusion about which ball causes the indentation, b1 or b2? However as long as the interaction exists between things, there will be the features of things left on each other. You aware it or not just ascribe to the current sense ability and technology capability.

CPI Corollary: The information of one thing in a certain hierarchy or aspect can always be embodied in a certain hierarchy or aspect of other things attribute to the CPI that all information can fulfill the incomplete self-replication by taking advantage of each other. So there are always certain direct or indirect similarities exist between informosome.

In order to verify whether the information of one thing in a certain hierarchy or aspect can always be embodied in a certain hierarchy or aspect of other things, we take two groups of random samples to have matching analysis based on five different fuzzy degrees. The parameters of the sample images

are: 320x240 pixels, RGB, 16 bits with purely white background. The result data are as follows:

Table 1. F-L0 to F-L4 in Tab. 1 represents the 5 fuzzy levels of the images from low to high

O-G1	Pen A	Apple	Car	Cat	Ship
O-G2	Pen B	Pear	Ball	Dog	Sheep
F-L0	X	X	X	X	X
F-L1	Y	X	X	X	X
F-L2	Y	Y	X	Y	X
F-L3	Y	Y	X	Y	X
F-L4	Y	Y	Y	Y	Y

X represents that things in O-G1 and O-G2 do not satisfy CPI. Y represents that things in O-G1 and O-G2 satisfy CPI. Before fuzzy processing, we can see that all the items do not satisfy CPI. With the increasing of the fuzzy level, more and more images satisfy CPI. Till the end, all the results are Y. Here to dim the images is to unfold the information in different hierarchy or aspect of things. With the increasing of the fuzzy level, the subordination range increased too. For example, an image of an apple, with the increasing of its fuzzy level, may subordinate to apple, fruit, food, thing, objective existence. From the table we can see that the condition which satisfies CPI can always be found in certain hierarchy or aspect.

For each item in Tab. 1 we choose only some single informosome to perform the analysis. In reality, informosome usually exists in the form of large amount of informosome clusters. Although single informosome usually embodies only the information of shape and color, the informosome clusters can reflect all kinds of other characteristics. And the non-AV (not audio and video) information can be obtained indirectly from the video or audio informosome clusters. (Just like the electronic balance enables us to sense the weight with vision.) The larger the informosome clusters are the more characteristics and properties it can reflect. Let's take dark cloud and rain as examples to give a more visual illustration about CPI of IC (informosome clusters). The correlative degree between dark cloud and rain in object shape is low. However IC can change the correlative degree that CPI brings among informosome. With IC formed under the effects of time similarity and spatial similarity the correlative degree is so enhanced that we think of rain at the sight of dark cloud and vice versa. The larger ICs are, the powerful the cognition and logic ability of the system will be.

The interrelationship among all things can be established and expressed by similarities in computing. In order to make it convenient for computer to operate and process, we divided the similarities of things into 3 varieties: appearance similarity, time similarity, spatial similarity. And each similarity was divided into direct and indirect similarity. The direct similarity and indirect similarity are relative to the perceptive mode and perceptive intensity. That's to say; the direct simi-

larity under one perceptive mode or perceptive intensity may be the indirect similarity under another perceptive mode or perceptive intensity and vice versa. So the indirect similarities can always be expressed through some other direct similarities.

What is the practical significance of CPI? The practical significance of CPI lies in that the interrelationship between things can be obtained from information by computing depending on CPI. By taking advantage of the different levels of similarity between information to express one thing with information of the related others, computing can realize the non-algorithmic algorithm and put intelligence into reality. About the so-called non-algorithmic algorithm, algorithm refers that using definite algorithm to process information, non-algorithm means that about the interrelationship among the infinite information of the world, we do not give a definitive algorithm but to extract it from information according to CPI. The original motive power of the infinite cognition ability of intelligence springs from the infinite information. Without the external environment, without receiving the external information, intelligence will never exist.

Certainly, for intelligence, there are still too many disputes until now. Some people insisted that we can not realize the real intelligence before we got a thorough understand of the human brain. It's just like to say that it's impossible to invent the spacecraft to land on the moon before we can find out a bird that can fly up into the moon. Obviously it's not correspondent with practice.

The perspective of our surveying usually restricts our cognition about things radically. It's just like how we look upon why apples fall on the ground. It ought to fall on the ground just like all the other things, no necessary to reconsider it, or there is certain gravitation which causes that? About AI, must we formalize the research questions and get the corresponding algorithm, just like what people have considered it for the long time, no necessary to reconsider it, or there is certain information property which causes that?

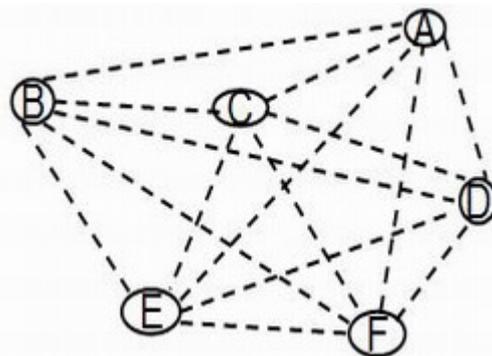
The amount of information is infinite. It's impossible for the computer to store all the relationships between things to realize intelligence. CPI enables computer to extract relationships continually by receiving information. In fact, it is the property of information — CPI, which functions under certain constructions, so that the intelligent behavior recognition, association, creation and natural language come into reality.

About the function of CPI, let's make a figurative illustration. If we take the brain as the engine of a car, then information is the gas and CPI is just like the characteristic of combustion. The combustion-characteristic put the power-output into reality under the construction of the motor. (If it's not the motor-construction, maybe it will appear as explosion or other.) The running of the car is one of the representations. CPI put intelligence into reality under the construction of the brain. (If it's not the brain-construction, maybe it will appear as stress response or other.)

What is the interconnection between CPI and intelligence? It seems that there are world of difference between the incomplete self-replication property of information and intelligence. And it seems that the simplicity of the incomplete self-replication property can never take rank with the complexity of intelligence. However, it's just like that all colors can be obtained by the mixture of trichroism and the powerful and complex function of computer bases on the gate circuits. CPI is just like the general formula of relationship between things. It enables us to set up all the connection between things. It's the fundamentality of all the complex phenomenon of intelligence.

According to the corollary of CPI, we know that there are always the direct or indirect similarities between informosome in a certain hierarchy or aspect. So we can always use several informosome with certain direct or indirect similarity to express one thing or to distinguish one thing from else. So CPI is just like the general formula that can be used to unfold the relationships of all things. It expresses all things with the similarities between them.

Then how to express things and relationships? The amount of information of the world is infinitive. Here we take only limited six points to represent things, and show their relationships.

Fig. 2. Points A, B, C, D, E and F are used to represent things and the lines represent the similarities between them. Here we see that there are always some similarities between things. And the relationships among them present irregular three-dimensional reticulate structure

Different characteristics cause different similarity degrees between things. Usually things with certain similarity in different hierarchies or aspects are used to express each other. For example: fan-like ears, pillar-like legs, faucet-like nose, to guess an animal. Even the child knows that it's elephant. That's to express the elephant with fan, pillar and faucet. In Fig. 2, if we take A as elephant, B as fan, C as pillar, D as faucet, then their relationship is $A = Bpx + Cpx + Dpx$. PX represents the characteristic of certain hierarchies or aspects of things. CPI can be used not only to express things but also to express logics. CPI enables the computer to unfold all series of intelligent phenomenon. It's the fundament and spring of the complex intelligence.

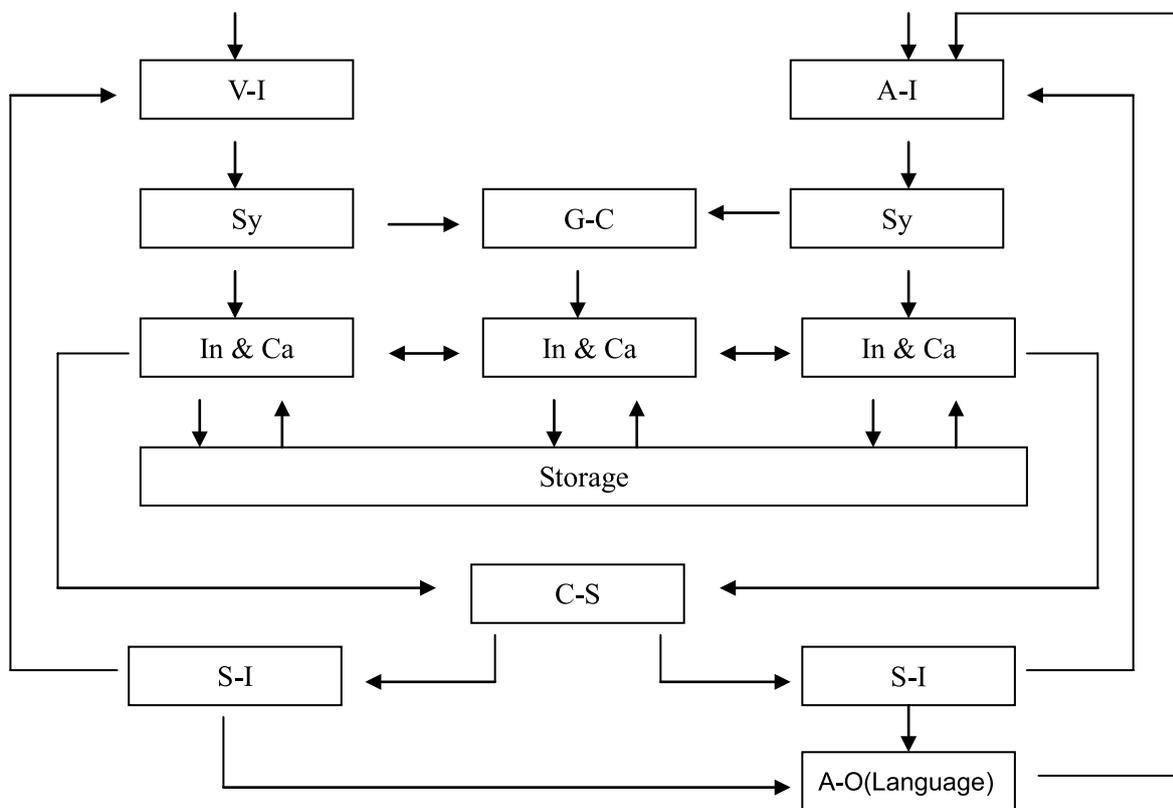
What is the utilization of CPI? The above description may seem not so convenient for us to perceive the CPI utilization procedure. Now we'll explain by example. In order to make it easier to understand, we take just the NLU (Natural Language Understanding) as example to explain the utilization of CPI.

For decades, in the field of NLU, people paid more attention to the imitation of the function of human brain and ignored the real origins of human intelligence — all the information of the real world. About the NLU study, ever since before, it was usually confined to the analysis of lexicon, syntax, semantics and pragmatics. From transformational generative grammar to HNC (hierarchical network of concepts), from syntactic analysis to large corpora, they all study about how information was transmitted by language. Why language can express information. It's not because of information being transmitted by language, but language being the outcome of information interactions. So the breakthrough point of NLU does not lie in the analysis of the lexicon, syntax, semantics and pragmatics, but lies in the research of the regularity of information interaction. About the phenomenon of human obtaining information from language, it's more reasonable to say that information transmits language than to say that language transmits information.

Now let's just take video and audio information as example to explain how CPI was taken advantage of in the system of NLU.

The video and audio information process self-definition syncopate desperately after information acquisition base on computing. Syncopate is to divide information into system-defined informosome so that to recalculate and establish the correlation degrees with more other informosome. After syncopation, different types of informosome process geminal coupling. Geminal coupling is used to express the different correlation degrees among different types of informosome caused by the time similarity and information intensity. The GC (Geminal Coupling) informosome and video, audio informosome involve in integration and catenation all together. Integration is used to express the different correlation degrees caused by the different time similarity and information intensity. Catenation is used to express the correlation degrees that are not limited by time similarity. The results of integration and catenation are conducted storage. The informosome in storage participate in integration and catenation at the same time. Storage is an accumulation process of information. Information attenuated during the course of storage in order to show the different hierarchies or aspects of informosome. It's a progress of accelerating

Schematic Diagram of Relationship between Information and Language

Fig. 3. The following concepts were involved in the chart. 1. V-I: Video Information 2. A-I: Audio Information 3. Sy: Syncopate 4. G-C: Geminal Coupling 5. In & Ca: Integration & Catenation 6. C-S: Current State 7. S-I: Subjective Initiative 8. A-O: Audio Output

the catenation. The calculations between different types of information need to base on IE (information equivalent) which is the information-intensity conversion values about different types of information relative to specified intelligent system. The condition of the current maximum value of IE is called the current state. Subjective initiative is the result that current state reacts on the information receiving and processing. The audio output under subjective initiative is language.

With the concepts of integration and geminal coupling, all informosome are connected. With the concept of catenation, the connection was not limited by the time similarity and interval. The property of incomplete self-replication of information can be used to interpret the interrelationships between things. It puts the entire intelligent phenomenon such as thinking, imagination, creating, reasoning and language into reality.

For decades, there is no break-through in the field of AI. The crux of the matter is that people paid more attention to how to deal with information but ignored the researches of information property. CPI is the original power of intelligence and the infinite indispensable information is the real source of it. Information for intelligence just like oxygen for

human body, it is undoubted that without external information without intelligence. In fact, it's not the brain but the information that is the source of intelligence.

The discovery of CPI is the deepening of cognition about human self and the world. The cognition and utilization about CPI has great significance no matter in theory or in practice. It will motivate human beings' non-biotic evolution and society improvement.

From the historical point of view, the discovery of CPI is not only the result of personal hard working, but also the result of science development. AI is the science fact that was born in the middle of the 20th century. CPI is the stage symbol in the process of its development. It's the wisdom crystallization of all human beings and the requirement and inevitable result of social development. It's the crucial stage-symbol of human knowing about self. The utilization of CPI will lay a solid foundation for the liberation of mental work and initiate the approach to liberate human mental labor from the basement.

Surely, any new born thing needs a progress to develop. CPI is not an exception. However with the accumulation of all people's hard working and devotion, intelligence will never be secrets.

References:

1. Bresnan J. The Mental Representation of Grammatical Relations [M]. MIT Press (1982).
2. Chomsky, Noam., The Architecture of Language [M]. Oxford: Oxford University Press (2000).
3. Chomsky, Noam., On Nature and Language [M]. Cambridge: Cambridge University Press (2002).
4. Harris M. D. Introduction to Natural Language Processing [M]. Reston Publishing Company. Inc. (1985).
5. Ralph M. Stair, George W. Reynolds. Principles of Information Systems, A Managerial Approach, Third edition [M]. New York, Thomson (1998).
6. Schank R. Conceptual Information Processing [M]. North-Holland Publishing Company (1975).
7. Shannon C E. A Mathematical Theory of Communication [J]. Bell System Tech J (1984)

A Review of Factors on the Second Language Vocabulary Acquisition

Чжао Цзин-янь, магистр, доцент;
Ху Чженьбо, магистр, старший преподаватель
Чанчуньский университет (Китай)

Zhao Jingyan;
Hu Zhenbo
Changchun University (China)

Vocabulary acquisition is an important aspect of the second language acquisition. No matter how well the student learns the grammar, no matter how successfully the sounds of L2 are mastered, without words to express a wide range of meanings, communication in L2 just cannot happen in any meaningful way. However the second language vocabulary acquisition has been very largely neglected by recent developments in research and most learners identify the acquisition of vocabulary as their greatest single source of problems. Here the author reviews the factors on the second language vocabulary acquisition and calls for our attention to it.

Key words: *the second language, vocabulary acquisition, factors on acquisition*

It is widely recognizable that the mastery of vocabulary is an essential component of second language and foreign language learning. It plays a vital role in all aspects of language learning, including listening speaking, reading, writing and translation. Therefore, learners must learn vocabulary well in order to become proficient in L2 acquisition.

Although learners are aware of the importance of vocabulary acquisition in English learning, their effort made to learn vocabulary often result in disappointment and frustration. Learners themselves readily admit that they experience considerable difficulty with vocabulary learning, especially when they have got over the initial stages of acquiring their second language. This draws our attention to the complex nature of vocabulary acquisition and the factors on the second language vocabulary acquisition.

1. Affective factors on L2 vocabulary acquisition

1.1 Attitude

Since 1970s, researchers' focus has made the transition from aptitude to attitude, from a matter of intellectual to affective aspects, from learners' ability to their personality. Attention to learners' learning attitude is significant. Attitudes to learning and the perceptions (and beliefs) that determine them may have a profound influence on learning behavior and on learning outcomes, since successful learners develop insightful beliefs about language learning processes, their own abilities and the use of effective learning strategies, which have a facilitative effect on learning. These learners tend to develop a more active and autonomous attitude that allows them to take charge of their learning. On the other hand, mistaken or uninformed beliefs about language learning may lead to dependence on less effective strategies, resulting in indifference toward learning, poor cognitive performance, classroom anxiety and a negative attitude to autonomy.

1.2 Motivation

SLA theory leaves no doubt about the crucial importance of a further affective variable, motivation, which is actually a cluster of factors that «energize behavior and give it direction» (Hilgard, Atkinson & Atkinson, 1979:281). Chomsky

(1988:181) points out the importance of activating learners' motivation: «The truth of the matter is that about 99 percent of teaching is making the students feel interested in the material». Motivation involves the learners' reason for attempting to acquire the L2, but precisely what creates motivation is the crux of the matter, without which even «gifted» individuals cannot accomplish long-term goals, whatever the curricula and whoever the teacher. Thus the concept of language learning motivation has become central to a number of theories of SLA, and motivation has been widely accepted by teachers and researchers as one of the key factors influencing the rate and success of L2 learning, often compensating for deficiencies in language aptitude and learning (Tremblay & Gardner, 1995:505).

In the field of SLA, Gardner & Lambert (1976:199) pioneered work on motivation, proposing an integrative-instrumental duality, which became widely accepted and confirmed by a number of studies. Their ten year-long research program in which they found that success in language attainment was dependent on the learners' affective reactions toward the target linguistic-cultural group (in addition to aptitude) gave validity to the study of motivation in SLA though some investigations did not support the model, either by not producing a strong integrative factor, or by coming up with insignificant or contradictory results.

Strength of motivation serves as a powerful predictor of L2 achievement, but may itself be the result of previous learning experiences. Learners with either integrative or instrumental motivation, or a mixture of both, will manifest greater effort and perseverance in learning. Other internal sources of motivation, such as self-confidence, may be more important than either type of motivation in some contexts. Motivation can also take the form of intrinsic interest in specific learning activities and, as such, may be more easily influenced by teachers than goal-directed motivation (Ellis, 1999:523).

1.3 Other individual affective factors

Besides abovementioned affective factors influencing SLA, there are some others, just as inhibition, empathy, tolerance

of ambiguity and so on. Inhibition is a kind of affect similar to anxiety. Inhibition develops when we gradually form self-image, which is a kind of awareness of identifying a self that is distinct from others.

With the greater awareness comes the need to protect ego, if necessary by avoiding whatever might threaten the self. Strong criticism and ridiculous words can greatly weaken the ego and the weaker the ego, the higher the walls of inhibition. Empathy is the process of 'putting yourself into someone else's shoes (Brown, 2002:143) '.

Arnold and Brown define the term (Arnold, 2000:19): one need not abandon one's own way of feeling or understanding, nor even agree with the position of the other. It is simply an appreciation, possibly in a detached manner, of the identity of another individual or culture. It is closely related to cultural relativity, which frees us from our conditioning and helps us recognize that our way is not only way and possibly not even the best way. Learners who are good at empathy are ready to cooperate with others. They can benefit from group work and they can communicate with their partners and learn from them. They are interested in the different culture and can accept their value and life attitude. When learning they will think about the purpose of teaching arrangement, so they are glad to do what the teacher demands them.

However, Learners who are not good at empathy sometimes show passive attitudes towards the teachers' arrangement. They cannot participate in the classroom actively or they cannot finish their homework according to the teacher's requirement.

Tolerance of ambiguity, according to Ehrman (Ehrman, 2000:75), can be viewed as made up of three levels of function: intake: letting it in; tolerance of ambiguity proper: accepting contradictions and incomplete information; accommodation: making distinctions, setting priorities, restructuring cognitive schemata.

All of aforesaid researches on affective factors will be taken as the references to make the new categorization and present the operational definitions of affective variables in vocabulary acquisition.

What kind of affective conditions the learners are in is obviously of crucial importance in accounting for individual differences in learning outcome. Learners' affective states tend to be volatile, affecting not only overall progress but also responses to particular learning activities on a day-to-day and even moment-on-moment basis. Studies in the naturalistic research tradition may prove most effective in exploring how these transitional states are brought about and what effect they have on learning (Ellis, 1999:483).

The effect of affective factors on SLA is interwoven and very complicated. All the variables are related to one another in certain ways, just as anxiety can be connected with plummeting motivation, negative attitudes, and inhibition. Learning attitude is often affected by motivation. In reality, all these factors may result with various kinds of combination among different people. One factor sometimes does not definitely predict or entail another.

2 Learning mode factors on vocabulary acquisition

2.1 Intentional and Incidental Vocabulary Learning

Research on vocabulary acquisition in general, and in incidental vocabulary acquisition in particular, has increased largely over the past years. The concept of incidental vocabulary acquisition first appeared in Nagy and Herman's research on children's L1 vocabulary acquisition (Cited in Zhu [3], 2004). Swanborn and De Glopper [4] (1999) define incidental vocabulary learning as the incidental, as opposed to intentional, derivation and learning of new word meanings by subjects reading under reading circumstances that are familiar to them. The word incidental implies that the purpose for reading does not specifically provoke learning or directing attention to the meaning of unknown words. Wesche and Paribakht [5] (1999) believe that such learning is referred to as incidental in that learners are focused on comprehending meaning rather than on the explicit goal of learning new words. Qian [6] (2002) defines incidental vocabulary acquisition as learners' vocabulary learning based on the reading purpose of text comprehension.

2.2 Direct and Indirect Vocabulary Learning

Students learn vocabulary indirectly when they hear and see words used in many different contexts, for example, through conversations with others, through reading extensively on their own, especially for children, they learn the meanings of most words indirectly, through everyday experiences with oral and written language.

Students learn vocabulary directly when they are explicitly taught both individual words and word-learning strategies. The scientific research on vocabulary instruction reveals that most vocabulary is learned indirectly and some vocabulary must be taught directly. Direct instruction helps students learn difficult words and direct instruction of vocabulary relevant to a given text leads to a better reading comprehension.

In Nation's view [12] (1990), direct vocabulary learning and indirect vocabulary learning are two approaches to vocabulary learning. He holds that, in direct vocabulary learning, the learners do exercises and activities that focus their attention on vocabulary. Such exercises include word-building exercises, guessing words from context, learning words in lists, and vocabulary games. In indirect vocabulary learning, the learners' attention is focused on some other feature, usually the message that is conveyed by a speaker or writer. And considerable vocabulary learning can occur if the amount of unknown vocabulary is low.

2.3 Explicit and Implicit Vocabulary Learning

In both L1 and L2 lexical teaching/learning there are two main processes of vocabulary acquisition: explicit learning through the focused study of words and expressions, implicit learning through exposure when attention is focused on the use of language rather than learning. Ellis [13] (1997) defined implicit learning as «acquisition of knowledge about the underlying structure of a complex stimulus environment by a process which takes place naturally, simply and without conscious operation», while explicit learning is said to be characterized by «more conscious operation where the indi-

vidual makes and tests hypotheses in a search for structure» (cited in Laufer and Hulstijn [8], 2001).

Over the past years, researchers have devoted a great deal of time and effort to the development of strategies for explicit vocabulary learning and instruction. There are also some studies which find that both explicit and implicit processes take place in vocabulary acquisition. Ellis [13] (1997) claims that the perceptual aspects of new words, i. e. acquiring their phonetic and phonological features, are learned implicitly as a result of frequent exposure. And the articulation of word forms develops implicitly as a result of practice. However, the meaning of words is learned explicitly, requiring the conscious processing at the semantic and conceptual levels and paying attention to the form-meaning connections. Krashen [2] (1981) allows that both explicit and implicit learning take place, but denies that explicit, conscious learning can be converted into acquisition. Ellis and Schmidt believe that explicit knowledge plays an important role in second language acquisition.

It should be pointed out that the notions of explicit and implicit learning should not be confused with the notions of intentional and incidental learning, as discussed in the previous section. Implicit learning can be incidental only, but explicit learning can occur both intentionally and incidentally.

3 Learning strategy factors on vocabulary acquisition

3.1 Studies on Vocabulary Learning Strategies in China

A great number of researches have taken place concerning vocabulary learning strategies since 1990s in China.

Gu and Johnson (1996) provided a general picture of vocabulary learning strategies used by Chinese college students. They conducted a survey with 850 sophomore non-English majors from Beijing Normal University in order to find out the vocabulary learning strategies adopted by them and the relationship between their strategy use and language proficiency. It was found that Chinese college students generally used more meaning-oriented strategies than memorization strategies that were considered as the most popular vocabulary learning strategies among Asian learners. It also concluded that Chinese college English learners employed a wide range of strategies, such as dictionary use, guessing, repetition, and note-taking strategies.

Wu Xia and Wang Qiang (1998) adopted O'Malley and Chamot's classification and investigated vocabulary learning strategies used by non-English majors in Beijing Normal University. This study revealed that Chinese college students employed a variety of strategies including cognitive and metacognitive strategies in their vocabulary learning; vocabulary learning strategies were closely related to both the quantity and quality of their knowledge of English. Furthermore, there existed significant differences in the use of vocabulary learning strategies between successful learners and less successful ones.

Zhang Ping (2001) studied the vocabulary learning strategies used by non-English major postgraduate students and found that all the four strategies at metacognitive dimension and eight strategies at cognitive dimension were closely re-

lated to the general academic English vocabulary learning while three of four strategies at metacognitive dimension and five of eight strategies at cognitive dimension were closely related to the professional English vocabulary learning.

Chen Hua and Zhang Yifang (2001) studied 225 subjects, including 22 kindergarten children, 211 elementary pupils and 22 junior middle school students. The results revealed that all the subjects had used memorization strategies. Some of them depended on the meaning while others depended on pronunciation. Compared with college students, these younger learners seldom used metacognitive strategies.

Generally speaking, compared with other learning strategies, studies on vocabulary learning strategies are relatively comprehensive. But some problems still exist. Few studies concentrate on the relationship between vocabulary learning strategies and individual learner differences, particularly on gender differences.

4 Teaching strategy factors on vocabulary acquisition

Psychologists widely view that there are two types of memory: short-term memory and long-term memory. The retention of a word relies on both types of memory.

Learners can remember the word either shortly or long time after the — instruction of the word. Gins and Redman suggest that information stored in the memory falls into disuse unless it is activated regularly, in other words, we need to practice what we learn otherwise the new input will gradually fade in the memory and ultimately disappear.

Therefore for language teachers, the main aim is to ensure that what is taught in classrooms can be effectively stored in learners' memory. That suggests that it is vitally important for language teachers to master these memory theories of vocabulary acquisition in order to facilitate learners' foreign language vocabulary learning.

«Then it is necessary that we provide meaningful opportunities in classroom for students to practice what they have learned if memory traces do gradually fade in the memory without regular practice» (Gairns and Redman 1998). Therefore, meaningful tasks in the classroom are required for learners to analyze and develop language at a deeper level, which facilitate their information stored in long-term memory. Task-based language teaching provides opportunities to facilitate the learners' memory of foreign language vocabulary. Moreover the various tasks can motivate the students and arouse their interest that causes them to pay their close attention to their vocabulary learning so that they can learn more effectively.

Knowing a word is more than its meanings or connotations as well as its pragmatic functions. This paved the way for task-based vocabulary teaching, because it provides the language learners with lots of opportunities of participation and negotiation. Learners cooperate with partners or peers to perform tasks by putting vocabulary into meaningful use. Thus they feel confident and are highly motivated because they can get help from teacher or other learners while performing tasks with foreign language vocabulary of higher

level. Moreover; learners can be aware of their inefficiencies in language output when performing tasks. In this way, learners continually retrieve and strengthen the vocabulary they have learned by putting them into practical use in task-based language classroom. In a word, task-based vocabulary teaching can effectively facilitate learners' short-term and long-term of vocabulary acquisition.

For learners of English in China, the classroom is usually the only place where students can communicate in the target Language and acquire real experiences using the language. Providing natural contexts in classroom is therefore very important for learners of English to use the language. Moreover, in natural classroom, students are promoted to produce output while performing tasks in spite of their lack of language knowledge. They are encouraged to try to make themselves understood by putting foreign language into practical use. Moreover, the interaction in task-based classroom instruction pushes learners to produce more accurate and appropriate language knowledge, which at the same time provides input to other learners. This is one reason why pair work and group work has become common feature of contemporary classrooms.

In the retention of vocabulary, the psychological research into foreign language acquisition shows that cognitively oriented instruction is more suitable. For short-term recall, mi-

metic and repetition exercises can be used profitably. But for long-term storage and retrieval, meaningful learning tasks should be involved.

In the recent years, although there are many studies and researches about the theories of the L2 vocabulary acquisition have been done. But the present condition is that the single factor research is still more than the multiple factors analysis after so many years of the second language vocabulary acquisition. And these researches are more theoretical than experimental.

With the development of the theories of L2 vocabulary acquisition, the theory about the second language vocabulary acquisition flourished too. Facing so many theories, for the subject of study, how these theories affected the different levels of students and in what extend? How did the different factors impact the different levels of students? In the study of these questions, it's still that single factor research was more than the multiple factors analysis after so many years of the second language vocabulary acquisition study. And these researches are more theoretical than experimental. In the future we should focus on the different impacts that the different factors have on the English learners and study these factors as a whole on the basis of experiments. So we can guide the learners' development in second language vocabulary acquisition and enhance the language teaching quality.

References:

1. Hulstijn, J. H. Incidental and intentional learning. *The handbook of second language acquisition*. 2003
2. Knight, S. Dictionary use while reading: the effects on comprehension and vocabulary acquisition for students of different verbal abilities. *Modern Language Quarterly*. 1994
3. Laufer B, Hulstijn J. Incidental vocabulary acquisition in a second language: The construct of task-induced involvement. *Applied Linguistics*. 2001
4. Lewis M. Pedagogical implications of the lexical approach. *Second Language Vocabulary Acquisition*. 1997
5. Nagy W. E, Herman P.A. Breadth and depth of vocabulary knowledge: Implications for acquisition and instruction. *The Nature of Vocabulary Acquisition*. 1987
6. Read J. Research in teaching vocabulary. *Annual Review of Applied Linguistic*. 2004

Стилистические средства выразительности в речи темных магов

Чиглинцева Татьяна Александровна, ассистент;
Шестаков Владислав Владимирович, студент
Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Трилогия Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» заложила каноны фэнтези. Достаточно часто в основе сюжета произведений этого жанра лежит противостояние главных героев силам зла, носителем которого выступает почти всесильный маг, чья цель подчинить себе весь мир. При этом, как правило, у каждого из таких чародеев есть преданные почитатели и верные слуги. Отчасти это можно объяснить страхом или преклонением перед их всемогуществом. Но в немалой степени это обусловлено и тем,

что они отличные ораторы, в совершенстве владеющие магией слова. Ораторское искусство включает в себя среди прочего и умелое использование средств стилистической выразительности. Они и послужили предметом анализа данной статьи.

Роман Урсулы Ле Гуин «На последнем берегу» является третьим по счету в известном цикле «Земноморье». Верховный Маг Гед и принц Аррен отправляются в путешествие, чтобы спасти мир от охватившей его серой мглы,

из-за которой люди становятся равнодушными, магия теряет силу, а драконы забывают речь. Их противник — колдун Коб, сотворивший заклинание, которое открыло дверь между миром живых и миром мертвых, и таким образом получивший власть над обитателями обоих миров.

Проанализировав его реплики, мы можем констатировать, что в его речи эпитеты и тропы используются нечасто. Вот исключения. В издевательском вопросе: «What do you two here, so far from Roke and the *invulnerable walls* that protect the Masters from all harm?», «walls» — синекдоха, поскольку вместо целого (a school for wizards) называется лишь его часть, а эпитет «invulnerable» подчеркивает былую неуязвимость школы волшебников. В целом все высказывание обладает ярко выраженным ироническим оттенком, поскольку Кобу прекрасно известно, зачем Гед и Аррен прибыли на самый дальний остров. Так же интересен ответ чародея на вопрос: «And where shall we come to you and when?» — «*In my domain and at my pleasure*», являющийся классическим примером зевгмы. Коб считает, что он полноправный хозяин положения, и потому вправе прибегнуть к небольшой игре слов, демонстрируя этим свое пренебрежительное отношение к противникам.

Но наиболее характерной чертой речи Коба в плане стилистической выразительности являются повторы. Так, синонимический повтор в вопросе «Is mere *flesh, body, butcher's meat*, of such account between two mages?» показывает презрительное отношение мага к телесной оболочке, а в фразе «You will call me *Lord...King and Master*» отражено мнение Коба о себе как о владыке миров. Один из видов синтаксического повтора — анафора — встречается в его реплике: «*You have come too far...You have come to the Dry River...You cannot go back to the wall of stones. You cannot go back to life*», придавая ей большую торжественность и весомость. Однако чаще всего встречается сочетание лексических повторов с синтаксическими. Рассмотрим цитату: «*You sought it. All of you. You sought it and could not find it, and so made wise words about acceptance and balance and the equilibrium of life and death. But they were words -lies to cover your failure — to cover your fear of death! What man would not live forever, if he could? And I can. I am immortal*», в которой анафоре (*You sought*) сопутствуют лексические повторы «words», «cover» и частичный повтор «life» и «live». В следующем примере «Let all *stupid nature* go its *stupid* course, but I am a man, *better than nature, above nature. I will not go that way, I will not cease to be myself!*» — мы также встречаемся с конвергенцией стилистических приемов: лексический повтор (*stupid*) сопровождается анафорой (I will not) и градацией (Let all *nature* go its course, but I am a man, *better than nature, above nature*). Их сочетание передает сильное раздражение колдуна и его нежелание мириться с законами бытия. Последнее развернутое высказывание Коба тоже — пример конвергенции стилистических средств разных уровней и построено оно на повторах. «*I opened the door between the worlds and I cannot shut it. No one can shut it. It will never be shut again. It draws, it*

draws me. I must come back to it. I must go through it and come back here, into the dust and cold and silence. It sucks at me and sucks at me. I cannot leave it. I cannot close it. It will suck all the light out of the world in the end. All the rivers will be like the Dry River. There is no power anywhere that can close the door I opened!». Однако своеобразный кольцевой повтор (конец высказывания — зеркальное отражение его начала), анафора, градация и лексические повторы служат иной цели. Если в предыдущих высказываниях без труда угадывалось, что Коб упивается своим триумфом, то в этом отрывке повторы создают монотонность речи, благодаря чему ясно видны его усталость, отчаяние и обреченность человека, потерпевшего поражение.

Также следует отметить, что Коб прибегает и к инверсии, примеры ее находим во фразах «*Orm Embar I know*», he said. «*And you also I know, though you have grown old since I last saw you, Sparrowhawk*» и «*Oh, a lesson you taught me, indeed, but not the one you meant to teach!*». Перенос дополнения в начало предложения, с одной стороны, добавляет всему высказыванию экспрессивность, а с другой стороны, указывает на то, какую важность несет выделенный элемент для говорящего.

Хотя лексически речь Коба проста, благодаря повторам и синтаксическим стилистическим приемам она приобретает напевную ритмичность и такие черты, как торжественность и экспрессивность.

Антагонистом главных героев романа «Первое правило волшебника», открывающего популярную серию эпического фэнтези «Меч Истины» Терри Гудкайнда, является могущественный волшебник Даркен Рал (Отец Рал для своих последователей), жестокий правитель Д'Хары, мечтающий отомстить за смерть отца и стать владыкой всех стран и королевств. Анализ всех реплик данного персонажа показывает, что его речь (стиль самого автора в целом отличается простотой) наиболее скудна на тропы, синтаксические средства выразительности не стоят упоминания. Экспрессивность достигается за счет риторических приемов, таких как обращения к слушателям, многократные повторы одной и той же идеи, эвфемизмы и т. п. Будучи умелым манипулятором, Рал также не гнушается лести, подмены понятий и искажения фактов (*evil ores, how hard I work to bring safety and peace to the people. my tireless efforts*). Тропы в его речи чаще всего носят клишированный характер. Например, когда маг объясняет, почему нет нужды отправлять армию захватить владения королевы Милены, он использует избитую метафору: «*For now, the easiest path is to go along with her. If she gives me any trouble, I will deal with her, and the wizard*» В следующем предложении за эвфемизмом «deal with» скрывается прозрачный намек на то, что Даркен покончит с королевой и находящимся на ее службе волшебником, как только ему удастся усыпить их бдительность. Когда этот план удался, он не может удержаться от иронии: «*I will be off to pay our respects to Queen Milena*» Так как Даркен Рал уверен, что ему самой

судьбой назначено править миром, то эта идея проходит красной нитью через все его реплики в виде стертых метафор: «*Fate is truly on our side*», «*It is my destiny to succeed*» и др. Незамысловатая антитеза (*succeed* — *fail*) и метафора в «*So I studied harder, for many years, so that I might succeed where my father failed, and return the house of Rahl to its rightful place as rulers of all the lands*» также отражают эту идею-фикс темного мага. Метонимия в реплике о том, что ум и хитрость важнее бойцовских умений — «*But he was wise enough to teach me the value of the head over the sword; how by using your head, you could defeat any number of men*» — тоже стертая. Выделяются на их фоне метафоры: «*she has flushed out the wizard*» (она передает радость колдуна от того, что действия героини невольно открыли ему местоположение старого волшебника Зедда, которого он считает заклятым врагом) и «*We have scarcely stroked the fur of what you do not know, Demmin*» (ее неприкрытая ироничность отражает свойственное Ралу снисходительно-пренебрежительное отношение к своему другу детства, а ныне правой руке). Стоит отметить и градацию «*the Old One. The one I seek. The one who killed my father*».

Лорд Волан-де-Морт является самой противоречивой фигурой в волшебном мире Джоан Роулинг. Особенностью речи Волан-де-Морта является возвышенный высокопарный стиль. Злому волшебнику присущи манерность и излишняя пафосность. В примере «*I always value bravery... I killed your father first and he put up a courageous fight*»... слова *value*, *bravery* и *courageous* указывают на помпезность стиля Волан-де-Морта. Можно, также, привести следующие примеры: «*to lead another in my footsteps, and finish Salazar Slytherin's noble work*» (волшебник считал себя властелином, который будет управлять армией и направлять её на совершение «благородной работы»), «*my faithful servant will have rejoined us*» (среди соратников Тёмного Лорда было много предателей, которые отказались от него после его исчезновения, в связи с чем Волан-де-Морт акцентировал «верность» как главное качество, которое он ценит), «*I will allow you to perform an essential task*»..., «*May your loyalty never waver again*» (волшебник часто использует лексику, характерную для правителя), «*Your wand, Lucius. I require your wand*» (также тёмный маг часто переходит из состояния спокойствия и «королевской» беззаботности к раздражительности и грубости), «*the battle recommences*» (вместо разговорных фраз он использует выражения, характерные для официального стиля). Характерной особенностью речи Волан-де-Морта является его желание говорить о себе в 3-м лице, что придаёт ему большую важность в отношении к себе: «*Lord Voldemort rewards his helpers*», «*fate favours Lord Voldemort*», «*Lord Voldemort is waiting*», «*You have Lord Voldemort's gratitude, Rookwood*»..., «*Lord Voldemort is merciful*», «*Lord Voldemort knows how to value bravery*».

У Волан-де-Морта, как и у любого сироты из приюта, жизнь проходила в бедности, но он был наделён боль-

шими способностями к магии, что и отмечает Джоан Роулинг, используя антитезу: «*Tom Riddle, poor but brilliant, parentless but so brave*». Волан-де-Морт, также, противопоставляет себя («*the greatest wizard of all time*») Гарри Поттеру, которого считает совсем обычным («*a baby with no extraordinary magical talent...*»).

Для Тёмного Лорда характерна любовь к крайностям в выражении собственного мнения. Для передачи лжи героя используется гипербола: «*They died begging me for mercy*»... (Волан-де-Морт искажает правду, сообщая, что родители Гарри Поттера молили его о пощаде). «*I am much, much more than a man*» — говорит Тёмный Лорд о своей нечеловеческой природе. Примечательной особенностью гипербол в речи Волан-де-Морта является частое использование слова *beyond*: «*The Lestranges will be honoured beyond their dreams*» (за свою преданность семейство Лестрейндж будет удостоено безграничного признания Волан-де-Морта), «*pain beyond pain*» (маг делится с Пожирателями Смерти своими страданиями, какие он испытал в бестелесном состоянии), «*a gift beyond my wildest dreams*» (говорится о ценной информации, которую волшебник даже не ожидал получить), «*her mind and body were both damaged beyond repair*» (о мучениях жертвы на допросе у Тёмного Лорда). Волан-де-Морт применяет литоту, акцентируя своё немощное состояние в форме духа и возвращение в собственное тело — «*I was less than spirit, less than the meanest ghost*», «*as powerless as the weakest creature alive*».

Для речи Тёмного Лорда также характерно использование градации; она придаёт риторике Волан-де-Морта большую таинственность: «*how she didn't think famous, good, great Harry Potter would ever like her*»..., «*...alone in the Chamber of Secrets, forsaken by his friends, defeated at last by the Dark Lord*», «*I remember only forcing myself, sleeplessly, endlessly, second by second, to exist*».

Метафоры также присутствуют в рассуждениях волшебника, особенно часто они встречаются в его монологах: «*Mere shadow and vapour*» (о себе в состоянии духа), «*Ginny Weasley's like this is because she opened her heart and spilled all her secrets to an invisible stranger*», «*Ginny poured out her soul to me*» (Волан-де-Морт сравнивает раскрытие секретов Джинни с пролившимися чернилами в дневнике), «*I grew stronger and stronger on a diet of her deepest fears, her darkest secrets*» (подобно энергетическому вампиру тёмный маг становился сильнее, питаясь страхами и секретами), «*bow to death*» (Волан-де-Морт приказывает Гарри Поттеру поклониться смерти, т. е. ему), «*You must prune yours, must you not, to keep it healthy? Cut away those parts that threaten the health of the rest*» (представители какого-либо рода, позорящие честь семейства, сравниваются с ветвями дерева, от которых необходимо избавиться, чтобы сохранить здоровым всё дерево, а также с язвой («*canker*»), «*these thieves of their knowledge and magic*» (подразумеваются маглы), «*survived... because Dumbledore was pulling the strings*» (о Гарри как о марионетке Дамблдора).

Волян-де-Морт говорит о Дамблдоре, используя метонимию «under the crooked nose», построенную на отношении «человек — часть тела». Желание волшебника мстить распространялось на всех, кто не хотел ему подчиниться, что подтверждается синекдохой «I shall punish every last *man, woman and child* who has tried to conceal you from me».

Злой волшебник также прибегает к сравнениям: Дамблдора, который упал с башни, он сравнивает с хрупкой восковой фигуркой («*breaking like an old waxwork*»), мать Гарри Поттера уподобляется таракану, которого маг с лёгкостью придавил («*stamping out your Mudblood mother like a cockroach*»). Антономасия характерна речи Волян-де-Морта, когда он с сарказмом говорит о тех волшебниках, которые являются его врагами, в частности, о Дамблдоре, — «*that champion of commoners, of Mudbloods and Muggles*», «*Muggle-loving fool*».

Подхват или анадиплозис показывает связь между двумя идеями, увеличивает не только экспрессивность, но и ритмичность речи Волян-де-Морта [1: 129]: «*I've waited a long time for this, Harry Potter. For the chance to see you. To speak to you*», «*Greatness inspires envy, envy engenders spite, spite spawns lies*». Анафора придаёт риторике Волян-де-Морта мистический оттенок, тональность утраченного и опасности: «*Give me Harry Potter, and none shall be harmed. Give me Harry Potter, and I shall*

leave the school untouched. Give me Harry Potter, and you will be rewarded». Параллельные конструкции являются одной из «излюбленных» фигур речи Волян-де-Морта, они придают его высказываниям большую эмоциональность, ритмичность и красноречивость: «*But I was patient. I wrote back, I was sympathetic, I was kind*», «*I do not forgive. I do not forget*», «*Too weak to dare, too weak to take what might have been his*». Полисиндетон, выражающийся в повторении союза 'and', также способствует повышению ритмичности: «*She struggled and cried and became very boring*», «*and they pleaded innocence, and ignorance, and bewitchment...*».

Сарказм характерен для многих злодеев-волшебников, но в речи Волян-де-Морта он присутствует практически всегда, становясь его визитной карточкой: «*...you don't want me to spoil the surprise?*» (об участии руки Питера Петтигрю), «*Lucius, my slippery friend*», «*Harry Potter has kindly joined us for my rebirthing party*» (о захвате Гарри в момент возвращения Волян-де-Морта в собственное тело), «*my guest of honour*» (о Гарри Поттере), «*with a little persuasion*» (о пытках жертвы Волян-де-Морта во время допроса).

Анализ реплик Коба, Даркена Рала и Волян-де-Морта показывает, что все они прибегают к стилистическим приемам для придания их речи большей выразительности.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
2. Goodkind, Terry. Wizard's First Rule. Tor Fantasy, 1995.
3. Le Guin, Ursula K. The Farthest Shore. Atheneum Books for Young Readers, 2012.
4. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. Bloomsbury Publishing Plc, 1997.
5. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. Bloomsbury Publishing Plc, 1998.
6. Rowling, J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. Bloomsbury Publishing Plc, 2000.
7. Rowling, J. K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. Bloomsbury Publishing Plc, 2005.
8. Rowling, J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows. Bloomsbury Publishing Plc, 2007.

Отражение в книге «Фирдавс ул-икбол» социально-политической обстановки в годы правления Мухаммада Рахимхана I

Янгибаева Сахиба, студент

Ургенский государственный университет (Узбекистан)

Историческое сочинение Мунисы и Агахи «Фирдавс ул-икбол» освещает историю узбекского, туркменского, казахского и каракалпакского народов с древнейших времен до первой четверти XIX века.

Эта книга попала в поле зрения ученого А. Л. Куна первоначально в 1873 году в связи с завоеванием Хивинского ханства русскими войсками. Впоследствии такие видные русские ученые, как В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин,

П. П. Иванов осуществляли исследовательскую работу на основе данной книги.

Отдельные отрывки данного произведения издавались на русском языке в 1938, 1969 годах [1, с. 323—354]. В своем полном объеме произведение было издано на арабском языке в 1988 году Ю. Брегелем в Лейдене [2, 1988]. Наконец, в 2010 году данное историческое сочинение было представлено вниманию узбекских читателей.

Помимо вступления, книга состоит из пяти глав, пяти частей, двух разделов. Последняя часть произведения, посвященная времени правления Мухаммада Рахимхана I, дает представление о каждом событии, имевшем место в период его деятельности, насчитывающего 20 лет. Часть исторического труда, вбирающая в себя отрезок с древнейших времен до 1813 года, была написана Мунисом, события 1813—1825 годов освещены Агахи. Историографы при написании истории Хорезма чередовали прозаическое повествование с поэтическим изображением. По этой причине в структуре произведения большое место занимает поэзия.

В части книги, написанной Мунисом, содержатся такие поэтические формы, как 219 месневи, 151 назм, 113 китъа, 69 стихотворений, 31 рубаи, 110 бейтов, 20 фардов, 1 таркибанд, 1 абёт, манзума, 25 таърихов, которые в общей сложности составляют 4936 полустиший [3, с. 20].

Кроме этого, в части, принадлежащей перу Агахи, содержатся 58 месневи, 10 назмов, 7 бейтов, 6 китъа, 2 фарда, 1 рубаи, 1 таърих и 1 муножот. Они составляют 1082 полустиший.

Количество стихотворных полустиший, имеющих отношение к обоим поэтам, составляет 6018 полустиший [3, с. 24].

К сочинению «Фирдавс ул-икбол» Мунис приступил по личной просьбе Эльтузархана. Занявший хивинский престол после смерти Эльтузархана Мухаммад Рахимхан I распорядился продолжать работу над книгой.

Мунис успел осветить события до восьмого года правления Мухаммада Рахимхана, он умер в 1813 году от холеры. С данного места книги работу продолжил его племянник Агахи.

На самом деле, после смерти Эльтузархана на престол Хивинского ханства вззошел Абулгазихан V, а Мухаммад Рахимхан управлял от его имени. Пять месяцев спустя он сам сел на престол [4, с. 141].

Когда началось правление Мухаммада Рахимхана, социально-политическая, культурная и экономическая жизнь в стране была очень сложной.

Одной из основных причин этого была непрерывная смена правителей, возведение на престол подставных ханов, от имени которых управляли страной другие люди.

Если обратиться к истории правления ханов за пятидесятилетие до воцарения на престол Мухаммада Рахимхана I, то наблюдается тот факт, что за полвека страной правили 22 хана. Среди них Корабойхан правил 4 месяца, Абулгазихан III — 6 месяцев, Булакайхан — 1 месяц, Абдуллахан — 5 месяцев, Абулгазихан V — 5 месяцев [4, с. 100]. Остальные также занимали престол от одного года до семи лет. Данный процесс свидетельствовал о сложной политической ситуации в стране. Неустойчивость власти закономерным образом привела к низкому уровню экономического развития.

Мухаммад Рахимхан I предпринял большие усилия в целях стабилизации политического и экономического развития в Хивинском ханстве.

Он в первую очередь осознал необходимость объединения представителей разных национальностей и народностей, проживающих в ханстве. По его указу был создан Верховный совет. В него были приглашены Мухаммад Юсуф мехтар, Мухаммадиёр кушбеги, брат хана Кутлуг Мурад инак, а также, Хужаш махрам и казий [5, с. 159]. Здесь рассматривались актуальные вопросы на государственном уровне. В книге «Фирдавс ул-икбол» Мунис описывает Мухаммада Рахимхана следующим образом:

Адолатда Нўширавондин зиёд,
Саховатда йўқ кимса андин зиёд.
Қарам буржида ахтаредур зиёд,
Шиям дуржида гавхари бебаҳо.
Жаҳон аҳли устида зилли карим,
Шаҳаншоҳи олам Мухаммад Раҳим [6, с. 168].

Как только Мухаммад Рахимхан I занял престол, узбеки, проживавшие в местности Бешқала, осуществили военный поход в Хиву. После ожесточенных сражений их атака была отбита. Взяв в свои руки бразды правления, Мухаммад Рахимхан I поставил на повестку дня вопрос о возвращении попавших в плен при военной кампании Эльтузархана своего брата Кутлугмурада и других знатных пленников, обратившись с данной просьбой к эмиру Бухары.

В этой связи в Бухару была отправлена группа представителей под руководством аталыка Шахнияза. Бухарский эмир положительным образом разрешил данный вопрос.

Мухаммад Рахимхан по возвращении брата Кутлугмурада в Хиву, назначил его на должность инака и на протяжении всей своей деятельности опирался на него.

Мунис начинает описание первого года правления Мухаммада Рахимхана I с изложения данных событий.

Как уже отмечалось выше, начальный период правления Мухаммада Рахимхана I характеризовался резким обострением политической ситуации в стране. В области внешней политики Хива не ладилась с Бухарским эмиратом, правителями Ирана, казахскими ханствами и целым рядом других государств.

В то же время большую угрозу представляли внутренние распри, междоусобицы.

В первые же годы правления Мухаммада Рахимхана I один из ближайших его родичей Мухаммадризобек поднимает мятеж против правителя. Сначала хан отправляет к нему своих представителей, чтобы привести его в чувство. Так как это не образумило мятежников, он отправляет туда войско под предводительством Кутлугмурада инака, которое заставило их капитулировать.

Первый год правления Мухаммада Рахимхана I прошел, в целом, под знаменем борьбы, связанной с подавлением мятежных группировок из Северного Хорезма. Данная борьба продолжалась и во второй год его правления. Даны события сами по себе свидетельствуют о степени напряженности внутренней обстановки в ханстве.

Литература:

1. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 2, М.-Л.: 1938. — с. 323–354; 355–426; Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. — Алма-Ата, 1969. — с. 431–475.
2. Шермухаммад Мунис Хоразмий ва Мухаммадризо мироб ал мутахаллис бил Огаҳий. Фирдавс ул-икбол, Лейден, 1988.
3. Рузимбаев, С., Аҳмедов А. О литературных жанрах в «Фирдавс ул-икбол». Узбекский язык и литература, 2009, №6. — с. 20.
4. Худойбергенов, К. Из истории правителей Хивы. — Ургенч. «Хорезм», 2008. — с. 141.
5. Муравьев, Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву 1819 и 1820 гг. — М., 1852. — с. 159.
6. Фирдавс ул-икбол, — Т.: «Ўқитувчи», 2010. — с. 168.

ФИЛОСОФИЯ

Философские и социально-политические идеи русских еретиков конца XV века в «Сказании о Дракуле-воеводе»

Исаков Алексей Александрович, кандидат философских наук, доцент;
Неупокоева Валентина Юрьевна, студент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Речь пойдет о философской и социально-политической концепции одного из наиболее влиятельных приверженцев ереси «жидовствующих» Федора Курицына. Эта концепция была описана в его сочинении «Сказание о Дракуле-воеводе» в виде небольших притч. Он приходит к идее государственного суверенитета и, по сути, описывает абсолютизм.

Ключевые слова: Дракула, Влад Цепеш, Федор Курицын, Сказание о Дракуле-воеводе, ересь, православие, католичество, абсолютизм, феодализм, справедливость.

Philosophical, social and political ideas of Russian heretics at the end of the XV century in «Legend of Dracula-ruler»

Isakov A. A., PhD in Philosophy, associate professor.
Neupokoeva V. Yu., student.
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arsamass Branch

It's about philosophical, social and political ideas of one of the most influential supporter of heresy Judaizers — Fedor Kuritsin. This concept was described in his work «Legend of Dracula-ruler» in the form of small parables. He comes to the idea of state sovereignty and, in fact, describes the absolutism.

Key words: Dracula, Vlad Tsepesh, Fedor Kuritsin, Legend of Dracula-ruler, heresy, Orthodoxy, Catholicism, absolutism, feudalism, justice.

Рассматривая политические взгляды русских еретиков конца пятнадцатого века, исследователи располагают сравнительно узкой источниковой базой: в результате деятельности иосифлянской инквизиции абсолютно большая часть еретической литературы была уничтожена. Поэтому решающую роль в освещении данного вопроса играет анализ оригинального беллетристического сочинения той эпохи — «Сказание о Дракуле-воеводе», авторство которого приписывают дипломату и ересиарху конца XV века Федору Васильевичу Курицыну. Долгое время такая атрибуция вызывала споры, и Н.К. Гудзий в своей «Истории древней русской литературы», впервые вышедшей в 1939 году, отмечал, что решающих доводов пользу авторства Курицына нет [1, с. 138]. Л.В. Черепнин даже был склонен датировать «Сказание» эпохой Ивана Грозного, поскольку считал, что главная его про-

блема — обоснованность и границы политических репрессий [7, с. 310, 312]. Убедительно доказал авторство Курицына Я.С. Лурье, выпустивший в 1960-м году капитальное исследование о «Сказании» [5, с. 67–68]. Лурье интересовал, прежде всего, поиск параллелей с западноевропейской и русской переводной литературой той эпохи, и в этом контексте «Сказание» виделось ученому одним из признаков ситуации «предвозрождения». В дальнейшем историки литературы в целом следовали выводам Я.С. Лурье [3, с. 184; 2, с. 228–231]. Но при этом «Сказание» так и не стало предметом пристального философского и политологического анализа. Попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Прежде коснемся мировоззрения Курицына в целом. Его философскую сердцевину выражает небольшое богословско-философское сочинение — «Лаодикийское

послание». В нем фактически провозглашается возврат к догматике иудаизма, но в рационализированной и гуманизированной форме. Последняя проявляется, например, в известной фразе «Душа самовластна, заграда ей — вера». Иными словами, вера, бывшая центром средневекового мировоззрения, становится у Курицына лишь регулятором поведения, воли человека. Что касается концепции «веры», то она почерпнута из Ветхого Завета. Курицын говорит, что вера устанавливается пророком, который узнается по способности к чудотворению, мудрости и аскетическому («фарисейскому») житию [4, с. 538]. Ясно, что в этой концепции нет места Христу как Сыну. А поскольку стержнем веры является только «страх божий», то, значит, не нашлось места и для принципов Нагорной проповеди. Таким образом, поведение человека, по Курицыну, — проявление самовластия души, в той или иной мере ограниченное страхом посмертного воздаяния. Ниже мы увидим, как эта мысль развивается в концепции государственной власти, отраженной в «Сказании о Дракуле-воеводе», учитывая, что в большинстве случаев власть эта отождествлялась с ее носителем.

Также стоит сразу обратить внимание на композиционное решение «Сказания». Внешне оно представляет собой собрание рассказов-анекдотов, объединенных лишь общим персонажем. Однако квалификация этих фрагментов как анекдотов ошибочна. В рамках несекуляризованного сознания такие фрагменты должны были восприниматься скорее как притчи со стабильным, хотя и многоплановым смыслом. Это значит, что каждый эпизод должен стать предметом пристального анализа, который вскрыл бы его сложную символику.

Не представляется верным и восприятие композиции как хаотической. В «Сказании» можно выделить две части. В первой собрана основная масса эпизодов, не объединенная общей сюжетной линией. В каждом из них сюжет развивается совершенно самостоятельно. Во второй, напротив, присутствует четкий сюжет — история падения и гибели Дракулы. На наш взгляд, отсутствие такого сюжета в первой части — не недостаток стиля. Если воспринимать все «Сказание» как исследование о природе власти государя, то эта часть представляет собой статическое описание исследуемого явления, только выполненное с помощью представлений, а не понятий, которые играют подчиненную роль. Вторая часть описывает динамический процесс потери власти, опять же на конкретном материале. Проанализируем наш источник, руководствуясь этим подходом.

Заметим, что «Сказание» начинается с дикого противоречия: главный герой, прозванный Дьяволом (так Курицын переводит с валашского «Драк») называется христианином греческой веры [6, с. 554]. Это еще раз подчеркивает подчиненное положение религии. Оказывается, Дьявол может быть христианином. Главная черта власти Дракулы — карающая справедливость, неотвратимость и быстрота возмездия. Но каковы устои власти, поддерживаемой таким образом?

Первым таким устоем является способность государя самостоятельно устанавливать обычаи и законы своей страны и затем добиваться их неукоснительного исполнения даже приезжими иностранцами. Этому принципу посвящен первый эпизод, когда турецкие послы поклонились Дракуле, не снимая колпаков, пояснив при этом, что таков их обычай. Дракула в ответ иронично и жестоко «утвердил» этот обычай, велел прибить колпаки к посольским головам медными гвоздиками [Там же]. Несмотря на варварский пример осуществления этого принципа, в нем просматривается характерное для абсолютизма (то есть переходное по своей сути) понятие о государственном суверенитете, гарантом которого является не народ, а именно государь.

Вторым основанием власти является воинская доблесть государя, которой посвящены второй и третий эпизоды. На войне государь должен проявлять безудержную храбрость, не думать о смерти, а также справедливо относиться к собственным воинам. Во втором эпизоде справедливость понимается в крайней форме — как поощрение храбрых и уничтожение трусов. В целом здесь еще обнаруживается наследие рыцарского, типично средневекового, понимания власти государя. Однако третий эпизод, в котором Дракула обманывает своего противника — турецкого султана — и за этот счет наносит ему тяжелый урон [Там же, с. 556], ставит крест на рыцарских традициях, для которых честь была едва ли не выше веры.

Третье основание — нетерпение социального зла, стремление его уничтожить. Курицын подчеркивает неотвратимость и равную справедливость наказания для всех, независимо от социального положения: «И толико ненавида во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики боляринь, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имѣл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозень бысть» [Там же, с. 556]. Также здесь отвергается особая церковная юрисдикция: священники и монахи также подвергались суду Дракулы. Единство государственного суверенитета — важная возрожденческая идея. Как о результате такой политики приводится рассказ о золотой чаше, поставленной Дракулой у горного родника, которую никто не смел украсть.

В качестве общественного зла, однако, понимается не только преступность, но и нищета и болезни. Причем, поскольку человек наделен самовластием души, то и в своей нищете и других бедах он повинен сам. Именно этим объясняется поступок Дракулы в шестом фрагменте, когда он обманом заманивает в одно место и уничтожает всех больных и нищих своей земли. Причем автор стремится казуистически индульгировать поступок своего героя, поскольку жертвы Дракулы, хоть и не зная, что делают, сами дали ему согласие на свое уничтожение [Там же, с. 558]. Данное действие героя отражает свойственное идейной копилке раннего Нового времени стремление к отказу

от социального иждивенчества, навязываемого христианской моралью.

Возможно, этот эпизод нужно толковать иначе. Накормив и обогрев нищих, Дракула сделал все, что мог. Затем он, как не раз уже делал, спровоцировал их греховную сущность, пообещав вечные блага, которые человек может получить лишь на небесах. Пожелав их получить здесь и сейчас от Дракулы, люди совершили грех и понесли заслуженное с точки зрения их князя наказание. Причем формально Дракула действительно исполнил их желание, т. к. отправил на небеса не грешниками, а мучениками, которым открыты врата рая.

Парадоксальность в определении зла заставляет автора ввести седьмой фрагмент, в котором обосновывается мысль о том, что лишь сам государь может определять, что есть зло и преступление, и следующее за это наказание. В эпизоде рассказывается о венгерских монахах, один из которых, не зная сути дела, заявил о несправедливости проводимых Дракулой казней, действительно очень жестоких. Смелчак заплатил за это жизнью, а вот его товарищ как раз и сформулировал вышеприведенный принцип [Там же, с. 558]. Данный тезис конкретизирует общее понятие суверенитета.

Для Дракулы было важно не только наказать преступника, но и при случае «проверить» пострадавшего, спровоцировав его на совершение преступления (купцу, у которого украли золото, подкладывают большую сумму, провоцируют нищих и т. д.) [Там же, с. 558].

Четвертое основание, на котором держится иерархия государственной власти, — порядок в рамках семьи и домохозяйства, фамилии, в римском понимании этого слова. Именно с этим связаны изуверские наказания для жен, изменивших своим мужьям или просто о них не заботящихся. Также бесспорно должны подчиняться и слуги [Там же, с. 560].

Наконец, истинный государь должен добиваться, хоть бы и силой, признания и уважения от других государей, что должно проявляться в подборе и поведении послов. Поэтому Дракула казнит неумелых дипломатов [Там же, с. 562].

При всем этом Курицын, в отличие от Дракулы, не приемлет жестокости, не оправданной справедливостью. Несчастья героя начинаются с того момента, когда он велел убить мастеров, сделавших железные бочки для золота, которое он спрятал в них на дне реки. Несомненно, это был несправедливый поступок. Именно здесь, впервые после вступления, Влад назван «тезкой дьявола». В результате этого и, вероятно, многих подобных этому поступков, Дракула во время боя с войсками Матиаса Корвина становится жертвой измены: его живьем выдали свои. Следующие двенадцать лет герой провел в темнице в Вышеграде-на-Дунае, где кормился ремеслом портного. В заточении он не бросил своих жестоких привычек и продолжал издеваться над животными.

Впоследствии, помня о государственных и военных талантах Дракулы, Матиас вновь сделал его правителем

Мунтении, но с условием перехода в католичество. Дракула пошел на перемену веры и тем самым утратил «заграду» самовластию своей души. Этот поступок стал роковым. Сначала Дракула утратил понятие справедливости. Это проявилось в эпизоде с преступником, забежавшим на двор Дракулы в Буде, столице Венгрии. Влад убил вторгшегося следом за разбойником пристава, а самого разбойника отпустил. Герой обосновал это защитой своего суверенитета. Однако нетрудно заметить, что такой поступок противоречит основным принципам, на которых держалась власть Дракулы ранее. В итоге на его землю напали турки, хотя раньше Дракула нападал всегда сам. Отражая нашествие, Влад погиб от рук своих воинов, перепутавших его ... с турком (что тоже символично) [Там же, с. 562, 564].

Я. С. Лурье, комментируя «Сказание» в первом издании «Памятников литературы Древней Руси», высказал мысль, что Курицын сознательно избегал моральной оценки поступков своего героя, дабы представить ее читателю [Там же, с. 684, 685]. Однако наш анализ показывает, что это не единственно верное толкование. Моральная оценка в «Сказании» присутствует, но сама мораль настолько непривычна в рамках средневекового православного менталитета, что заметить ее не просто. Возможно, поэтому Я. С. Лурье предпочел в духе методологии структурализма говорить о двойственности образа Дракулы, а не пытаться воссоздать целостную его модель [2, с. 231].

Подводя итоги, можно охарактеризовать политическую концепцию Курицына как ренессансную. Но это была «изнаночная», почти макиавеллистская форма ренессанса. Для нее были характерны не только идеи государственного суверенитета, приоритета закона и всеобщей справедливости, осуществлявшиеся государем. Курицын усвоил моральную беспринципность в политике и на войне, стремление отречься от социально накладной морали христианства и т. д. Присутствуют и некоторые пережитки средневекового политического мировоззрения. Но в целом образ Дракулы намного ближе к образу абсолютного государя, чем феодального. Поэтому Курицына можно справедливо назвать, наряду с иноком Фомой, первым идеологом абсолютизма на Руси.

Важно, что автор последовательно провел в «Сказании» свои философские взгляды. Концепция самовласти души, регулируемого верой, является здесь смыслообразующей. Интересно также, что, выражая сложные политические идеи, Курицын выбрал форму не трактата или публицистического произведения, а цикла притч. Очевидно, это могло быть связано с нуждами пропаганды своих идей, а возможно — и конспирации. В целом «Сказание о Дракуле-воеводе» представляет собой оригинальное и последовательное выражение ренессансной социально-философской мысли в условиях России конца XV века.

Литература:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы. Изд-е 7-е. М.: Наука, 1976. 514 с.
2. История русской литературы. В 4 тт. Т. 1. Ч. 1. Л.: «Наука», 1980. 233 с.
3. Кусков, В. В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 1989. 304 с.
4. Лаодикийское послание // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М.: Худ. лит., 1982. с. 552–553.
5. Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.; Л.: АН СССР, 1964. 212 с.
6. Сказание о Дракуле-воеводе // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М.: Худ. лит., 1982. с. 554–564.
7. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М.; Л., АН СССР, 1951. 429 с.

Конфликт в динамике противоречия мира и войны

Павленко Ива Александровна, ассистент
Запорожский национальный университет (Украина)

Формирование глобальной цивилизации, нового мирового порядка обострило противоречие мира и войны, как в контурах захватнических или справедливых, так и разных сфер и уровней, как, впрочем, и их комплексных пересечений, все чаще называемых «гибридными войнами». Как отмечает Элвин Тоффлер, в XXI совершенствуется оружие массового поражения, которое по своим разрушительным масштабам и степени влияния на общество охватывает всю Землю. В войнах и военных конфликтах нашего времени применяется, также, нелетальное оружие, которое имеет «регулируемую» летальность: при использовании низкой мощности наносится легкое расстройство здоровья, а на максимуме оружие убивает [1, с. 203]. Нелетальное оружие не является продуктом гуманизации войны, скорее дифференцирует используемое насилие. Так называемое «гуманное оружие» может повышать силы преступников, а также, может быть применено репрессивными государствами для управления скоплением народа и разгоном мирных демонстраций [1, с. 203].

Миротворческие действия ООН за последние годы, в том числе прекращение вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии, Сомали, Гаити, Руанды и других локальных войн трудно определить, как эффективное установление незыблемого мира и развития народов в послевоенный период. В то же время, мировая общественность демонстрирует приверженность принципам международного права, таким как: принцип самоопределения, невмешательства и неприменения силы, при этом все чаще звучит утверждение о том, что устойчивый миропорядок, сложившийся после второй мировой войны «трещит по швам». Поэтому, необходимым для мирового сообщества являются разработки новых эффективных механизмов поддержания и установления устойчивого развивающегося мира, безопасности на Земле. А также, разработки новых механизмов по защите стран, страдающих от незаконного вторжения других государств

в новых условиях, механизмов гибридного сопротивления агрессорам и тоталитаризации глобального влияния в мире.

Комплексный подход изучения проблемы войны и мира представлен в работах К. Клаузевица (концептуализация понятия «интегральной войны») [2], Э. Вайда, Р. Коуина, Л. Уайта (изучение особенностей военной и миротворческой деятельности) [3]; Х. Терни-Хая (экспликация развития мира в противоположных процессах хаоса и порядка) [2]; В. Сагатовского (исследования мира, как целостной системы) [4]; А. Першица, Ю. Семенова, В. Шнирельмана (анализ функций войны) [3]; И. Панарина (изучение комплексного характера информационной войны) [5]. А также, методологически важными для исследования являются работы основоположников теории синергетики Г. Хакена, И. Пригожина; зарубежных авторов: Е. Князевой, С. Курдюмова, С. Капицы, Г. Малинецкого, Ю. Климонтовича, Ю. Данилова, Б. Кадомцева, А. Назаретяна; также исследования отечественных ученых синергетического союза В. Беха, В. Андрущенко, В. Воронковой, Л. Горбуновой и других.

Целью нашей небольшой научной разведки является выяснить характер конфликта в динамике основного противоречия мира и войны, его отличительные черты с войной и определить, каким образом противоречия мира и войны работают, олицетворяются и определяют конфликт в социальном мире, а также проанализировать механизмы жизненного уклада субъектов социального мира, такие как миротворение, умиротворение и творение войны.

Мироустройство понимаем, как формирование социального мира, направленного на согласование, порядок, гармонию, организацию, структурирование элементов системы, отсутствие конфликтов между субъектами. А устройство войны выражается в форме совокупности элементов социального мира, направленные на дезорганизацию общественной жизни, возникновение хаоти-

ческих связей, конфликтов, дисгармонии во всех сферах жизнедеятельности общества. Война выступает также фазовым состоянием социальной системы, как и мир, в единстве диалектической взаимосвязи.

В этом диалектическом противоречии осуществляются два разнонаправленных механизма — умиротворение, которое при возникновении разбалансировки социального мира, является способом возвращения его в гармонию и воспроизведения согласованных отношений субъектов, миротворчество, как формирование качественно нового мира, а также творение войны как формирование крайних разрушительных для социального организма отношений, собственно война как крайняя форма и продукт этого механизма.

Миротворение как механизм в структуре социального мира проявляется в деятельности субъектов, возникает при несформированном социальном мире, жизненный уклад субъектов и способ организации системы только начинает выстраиваться, процессы миротворения направлены на согласование, гармонизацию отношений. При диалектическом единстве и борьбе войны и мира, миротворение, может утратить направленность на развитие мира, при доминации негармоничных, разрушительных действий, необратимого разрушения деятельности субъектов мира, миротворение переходит свою меру, в формировании субъектов смерти обретает свою направленность и сущность войны.

Проявление противоречия мира и войны в миротворении может обретать превращенную форму, в иллюзорной фальшивости этого механизма, обретая в консервативном устройстве социального мира характеристики архаичности, косности и преград необходимых изменений. Переход происходит в сторону творения войны сначала с отжившим, а значит, изменение способа организации системы приводит к новому укладу жизни. Творение войны — является механизмом в структуре социального мира, который проявляется в деятельности субъектов, возникает при несформированном социальном мире, при этом жизненный уклад субъектов и способ организации системы только начинает выстраиваться, но направление деятельности субъектов тяготеет к еще большей разбалансировке системы, создание условий в устройстве для частичного или полного изменения связей элементов, компонентов в сторону дезорганизации, разрушения системы, дисгармонии.

Отдельная личность, социальная группа, организация, сообщество, общество, государство и др. субъекты социального мира обладают способностью анализировать, адаптироваться и адаптировать мир, подчинять и регулировать, превращать и создавать реальные события в мире путем умиротворения, миротворчества или творения войны.

В дихотомии миротворение и творение войны формируется культура и даже эстетика мира и войны, представления субъектов социального мира о необходимости и возможности этих состояний и соответствующих про-

цессов в государстве и гражданском обществе. Во многом именно от базового субъекта развития, личности зависит развитие социального мира, от его формирования как субъекта жизни или субъекта смерти со собственным «узлом» культуры, социальной психологии и идеологии, мировоззрения и волевых качеств определяется масштаб субъектности личности и ее направленность, что несет в себе этот человек войну или мир. Государство стимулирует формирование удобной для себя и своего режима личности различными средствами (экономическими, политическими, правовыми, духовными и т. д.) в «веере вектора действий» в соответствии с конкретной ситуацией: от защиты глобальной субъектности государства, защите Родины как национального государства, регионального патриотизма, до сепаратизма и ирредентизма у потенциальных противников, в использовании средств от военных до мирных и дипломатических. Так и гражданское общество влияет на поведение народа в самоорганизационных процессах миротворчества и творения войны для достижения желаемого и необходимого социального мира.

Отдельный гражданин, организация, партия, социальный класс, государство и др. субъекты политики, принимающие активное участие в политической жизни страны также определяют форматы развития социального мира — создают доминирование военной или миротворческой деятельности. Ястребы в правительстве выступают за войну, а, следовательно, отражают тенденцию, осуществления и оправдания войны, как механизма «укрепления и проявления силы страны». То есть, «успешные войны» формируют самоидентификацию мощного, независимого государства. Примерами являются: Фолклендская или Мальвинская войны, которые усилили незыблемость территории Великобритании в период режима М. Тэтчер, войны в Афганистане и Ираке, которые стабилизировали веру американцев в политическую систему США, и т. п. Угроза поражения и втягивание в истощение сил государства в войне «ястребов» практически не интересуют, но становится основным аргументом противостояния им у так называемых «голубей мира».

Естественно возникающие конфликты артикулируются в политическом дискурсе, разногласия во взглядах различных индивидов или социальных групп населения, все это придает новые особенности политическому смысловому полю социального мира страны, субъектно определяя ход его развития и состояние, а также дает возможность спрогнозировать состояние и процессы будущего.

Ни демократическая, никакая другая система не способна исключить конфликты и кризисы из жизни мирового сообщества [6, с. 14]. Таким образом, во взаимоотношениях природа — человек, человек — общество и человек — человек неотъемлемыми являются процессы согласования и конфликта. Они порождают развитие общества и межобщественных отношений. Для обороноспособности своей страны, задачей правительства является наращивание военной мощи. Но утрата меры означает возможность угрозы для соседних стран, а также опас-

ности войны на упреждение — превентивной войны. Нестабильности политической ситуации, существенные внутренние и внешние конфликты определяют состояние государственных границ, от формирования надгосударственной прозрачности до разрушения стран, появления новых государств, яркими примерами являются распад СССР, Чехословакии, Югославии и объединение Германии.

Поэтому, в устройстве страны на уровне регуляции противоположных процессов управления и самоорганизации возникает реакция народа на степень влияния государства на жизнь социума и, соответственно, осуществляются необходимые действия гражданского общества. При несогласованности отношений государства и гражданского общества проявляются конфликтные ситуации в социальном мире, которые обладают способностью распространяться на все общество и превращаться в гражданскую войну. Таким образом, страна становится внутренне слабой, теряет государственный иммунитет и подвержена разрушению системы внешними факторами.

Так как состояние социального мира определяется процессами, которые в нем доминируют (мира или войны, хаоса или порядка, управления или самоорганизации), необходимо исследовать стимулирующие процессы к нарастанию напряженности в стране или, наоборот, снижения напряженности ситуации, то есть, состояния конфликта и его разрешения.

Е. Барановский понимает конфликт как столкновение интересов прямых участников международных отношений или, другими словами, дефицит того, что представляет взаимный интерес [6, с. 45]. Интересы могут быть геостратегическими, ресурсными, сырьевыми, экономическими, политическими и другими. Для того, чтобы спрогнозировать развитие конфликта, необходимо знать меру важности интереса и степень возможной уступки одной из сторон. Под масштабом конфликта ученый подразумевает количество государств, на территорию которых распространяется конфликт: макроконфликт (глобальный или планетарный); гиперконфликт (континентальный или мировой); региональный конфликт; субрегиональный конфликт; микоконфликт [6, с. 45].

Особой формой развития международного конфликта является международный вооруженный конфликт, который рассматривается как политико-правовое отношение двух или нескольких сторон: народов, государств или групп государств, воспроизводимое в форме косвенного или непосредственного столкновения интересов, целей, практических действий сторон; в основе этих отношений лежат объективные и субъективные, экономические, социально-классовые, политические, идеологические, территориальные, национальные (племенные), религиозные и другие по своей природе и характеру противоречия и соответствующие отношения [6, с. 67]. То есть, из-за обострения конфликта возникает эскалация противостояния, которая перерастает в организованное вооруженное наступление одной стороны на другую. Согласно

статье 51 Устава ООН сторона, которая первой проявила силу, позиционируется как агрессор, а соответствующие действия другой стороны является самозащитой и самообороной. Если акты применения оружия являются неоднократными, противостояние не останавливается, а наоборот перерастает в тотальную мобилизацию стран, размещения войск по территории страны, конфликт не исчерпывается и начинается стадия войны.

В. Слипенко выделил одну важную отличительную черту между войной и вооруженным конфликтом — взаимосвязь между войной и политикой. Если эти взаимосвязи отсутствуют, то возникает не война, а вооруженный конфликт, столкновение или схватка. Итак, отличительность войны от вооруженного конфликта заключается в масштабности войны — информационной и территориальной, т.е. в задействовании мирового сообщества для улаживания ситуации. Вооруженный конфликт не приобретает полномасштабную мировую огласку, и взаимосвязь с политикой не такая плотная.

Согласно классификации В. Гантмана, существует три стадии конфликта: спор, угроза и война [6, с. 84]. И так, конфликт есть динамический процесс в международных отношениях, его нельзя рассматривать статично. Война является самой опасной стадией конфликта непосредственное вооруженное столкновение сторон, которое охватывает всю страну и представляет угрозу для жизни каждого гражданина.

По нашему мнению, конфликт граничит с таким явлением как военная угроза — потенциальная опасность войны, которую можно оценить готовностью какого-либо государства (коалиции государств) в совершении нападения на другие государства. Под военной угрозой обычно понимают состояние процессов целенаправленного и ускоренного преобразования агрессором потенциальных факторов войны в реальные. Иными словами, военная угроза характеризуется не только величиной, но и динамикой качественно-количественного состояния потенциальных и реальных факторов военной опасности. При целенаправленной подготовке к войне государство-агрессор увеличивает численность армии, размеры производства вооружений, повышает боевую готовность вооруженных сил, ускоряет подготовку промышленности к работе по планам военного времени, усиливает гражданскую оборону и дипломатическую деятельность для политической изоляции своей потенциальной «жертвы», ищет новых союзников, активизирует все виды разведки. Такого рода действия, как правило, порождают соответствующие действия противоположной стороны [7, с. 31]. То есть, конфликт, как противостояние, противоборство одной страны относительно другой порождает агрессивную форму конфликта — военно-политическое противостояние с применением оружия массового поражения, если причина конфликта не исчерпывается, а наоборот принимает большее значение для обеих сторон. Во время конфликта страны находятся постоянно в военной угрозе.

Военное столкновение позиционируется как прямое противоборство государств с применением военной силы. Оно может происходить в форме военных провокаций, конфликтов малой, средней и высокой интенсивности, а также иметь межгосударственный, локальный и региональный характер. Уровнем и наиболее острой формой военного столкновения является мировая война [7, с. 35]. То есть, конфликт, который масштабно распространяется, имеет всеохватывающий разрушительный характер во всех сферах жизнедеятельности общества и определяется острой формой военного противостояния — является войной.

Конфликт военный (локальный) — военное столкновение, не достигает по своим масштабам размеров войны. Он характеризуется кратковременным вооруженным противоборством конфликтующих государств (как правило, в рамках приграничного конфликта). В ряде случаев он является формой косвенного противостояния сверхдержав, которые избегают между собой прямого вооруженного конфликта из-за страха перед гарантированным взаимным уничтожением и выступающих активными спонсорами противостоящих друг другу государств «третьего мира» (характерно для времен «холодной войны»). Военный локальный конфликт может перерасти в войну различной интенсивности или длительную неприязнь между государствами без применения вооруженной борьбы [7, с. 46]. Поэтому, важным в международной политике государств является механизм миротворческой деятельности в ситуации в отношениях между странами, так как социальный мир постоянно находится в угрозе наращивания напряжения, конфликта и смены его на сильную форму агрессии — войну. Гармонизация, умиротворение, примирение являются основными механизмами исправления положения социального мира с военной угрозы к мирной обстановке.

А. Даниленко, исследуя концепт «замиренных сфер» М. Ковалевского, выяснила, что социальное устройство ориентировано на конфликт или гармонию, а государство является результатом расширения границ замиренной сферы. Замиренность сфер рассматривается как фактор, который определяет прогресс развития человечества, рост примирения — критерий прогресса, а главный социальный закон — есть закон возрастания человеческой солидарности, отсутствие элемента борьбы [8].

М. Ковалевский описывает прогрессивное общество такими понятиями как: гармония, примирение, солидарность, объединение, договор, дружба, соответствие [8]. То есть, все мирные процессы в социальном мире являются полезными для общества и его развития. А дисгармония, революция, раздор, вражда — являются признаками несовершенного и не разумного общества, такие процессы не способствуют гармоничному становлению страны, солидарности в обществе и человечества вообще.

Но, погружаясь глубже в вопрос солидарности, Г. Зиммель заметил, что чем теснее отношения, тем конфликт является более напряженным [9, с. 91-96]. Итак, чем более родственными были отношения между индивидами, обще-

ствами, странами, тем труднее восстановить испорченный мир, вражда является сильнее в этом случае. Вот почему часто конфликты возникают между братскими народами, соседними государствами с похожей культурой.

Солидарность как социальная ценность дает возможность консолидировать и гармонизировать отношения, но увеличивает опасность, которая может выступить как ценностная детерминанта возникновения и развития конфликтов в самой острой форме [8]. «Замирение» можно рассматривать как деформацию процесса миротворения, потому что основная проблема, которая породила конфликт или войну не решается, мир превращается в искусственное согласование ради налаживания спокойной жизни в социальном мире, а основные конфликтные проблемы становятся латентными и переходят в «хроническую стадию».

Таким образом, проанализировав определение, выясняем характер конфликта, как определенного состояния социального мира, выступающего формой противоборства, причиной которого является борьба за ограниченные ресурсы (сырьевые, экономические, политические и др.) или разногласия в геостратегических взглядах в осуществлении политики одной страны по отношению к другой или внутри одной страны, как внутренний конфликт. Конфликт, как форма противоборства оказывает негативное влияние на социальный мир и возникает из-за столкновения интересов противоборствующих сторон, но не переходит сразу в масштабное вооруженное столкновение с применением регулярных войск страны. Война имеет всеобъемлющий общественный характер с активным прямым применением вооруженных сил, армии страны, массовой мобилизации, привлечением оружия массового поражения или других насильственных методов, даже локальная война влияет на общество всей страны, а не только территории, на которой происходили военные действия. А конфликт, даже вооруженный касается только отдельных территорий страны. Более того, во время войны правительство государства объявляет военное положение со всеми его последствиями для страны (это исключает финансовую помощь и транши для развития из соседних государств, закрываются воздушные коридоры для курсирования гражданских самолетов через данную страну, нарушаются торговые и культурные отношения, вводится комендантский час и т.д., но такое положение необходимо для предоставления безопасности мирному обществу). В войне задействованы серьезные ресурсы научно-технической сферы для достижения политических и экономических целей, а конфликт находится на менее профессиональном уровне подготовки субъектов.

Итак, конфликт отличается от войны по масштабу, влиянию на общество и методами борьбы, а именно — выборочная агрессия на отдельные территории, части населения, чаще используется нелетальное оружие, размытые пространственные и временные границы. К тому же, особенность любой войны является разрушение политической и экономической системы противника, уничтожение

враждебной системы социального мира с использованием военных средств, а в конфликте задействована отдельная сфера интересов, которая предполагает достижение желаемого и не имеет целью разгром или порабощение общества «страны жертвы». Если агрессия стран усиливается и разрушительные процессы охватывают все общество, то начинается война. В войне четко определена стратегия, в то время как конфликт может находиться в стихийном, самоорганизующемся, нерациональном виде борьбы без стратегической цели. Существенные характеристики конфликта и войны имеют сходство в хаотичном, дезорганизационном, несогласованном, дисгармоничном, разрушающемся характере. Что касается временных рамок феноменов — война чаще имеет долговременные действия, чем конфликт, хотя, бывает долгосрочный конфликт, когда спорного вопроса и общего интереса стороны не имеют, а конфликт продолжается как сохранённая форма отношений при утерянном смысле.

Результатом конфликта может быть ухудшение ситуации, при утрате меры, перехода качественной и количественной сторон конфликта в большую амплитуду разрушения и дезорганизации, меняются свойства социального мира, что приводит к войне, но если конфликт решается — это приводит к мирному соглашению. Мирный конфликт не предусматривает развития событий агрессивным путем и гарантирует для обеих сторон мирное урегулирование без задействования оружия и других методов вооруженной борьбы.

Если конфликт завершается урегулированием ситуации в мирную амплитуду отношений между конфликтующими сторонами, то под «урегулированием» в широком смысле понимаются любые действия, направленные на предотвращение или прекращение вооруженной борьбы и разрешения противоречий мирным способом [6, с. 69]. И так, разница между войной и конфликтом заключается, также, и в процессе урегулирования. Завершение конфликта имеет шансы быть мирным для обеих сторон до момента эскалации агрессии и противостояния. Война продолжается до окончательного достижения цели одной из сторон и не может быть приостановлена на начальной стадии.

Литература:

1. Тоффлер, Э. Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века/Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 412, [4] с. — (Philosophy).
2. Философия войны/[российский военный сборник/под общ. ред. А. Б. Григорьева]. — Москва.: «Анkil-Воин», 1995. — 214 с. — (Серия «Библиотека российского офицера»).
3. Война и мир в ранней истории человечества: сочинения в 2 т./авт. Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А.] — Москва.: Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1994 — . — Т. 1. — 1994. — 421 с.
4. Сагатовский, Н. В. Вселенная философа/Сагатовский Н. В. — [2-е изд., исправлен. и доп.]. — СПб.: Издательство С-Петербургского Университета, 2008. — 219 с.
5. Панарин, И. Н. Информационная война и геополитика/Панарин И. Н. — Москва.: Издательство: Поколение, 2006. — 560 с.
6. Барановский, Е. Г. Методы анализа международных конфликтов/Е. Г. Барановский, Н. Н. Владиславлева. — М.: Научная книга, 2002. — 240 с.

Урегулирование конфликтов, включает: анализ возможностей ограничения открытого конфликта, прекращение конфликтных действий, снижения уровня противостояния сторон, деэскалацию напряженности, снижение уровня враждебности в отношениях, отказ каждого участника от односторонних действий и переход к поиску совместного решения проблемы [6, с. 79]. Наконец, результатом успешного урегулирования конфликта становится мир, когда стороны подтверждают неизбежность мировой системы без ущерба для позиции каждой из них [6, с. 83].

Таким образом, в результате нашей небольшой научной разведки был определен характер конфликта в динамике основного противоречия мира и войны, который олицетворяется в механизмах миротворения, умиротворения и войнотворения. При утрате меры, миротворческие процессы прекращают иметь направленность на развитие мира, возникает доминация негармоничных, разрушительных действий, необратимого разрушения деятельности субъектов социального мира и начинают формироваться субъекты смерти, которые обретают направленность к дезорганизации, к войне. Изучены основные отличительные черты конфликта с войной, которые заключаются в процессе урегулирования, в масштабе дезорганизационных и разрушительных действий, во влиянии на общество и методах борьбы, а также в пространственных и временных границах и т. п. И так, в социальном мире отражение конфликта осуществляется в виде хронотопа, события и проявления основных противоречий мира и войны; как узла сочетания субъектных отношений, институализации ресурсов и развития миротворческой и военной деятельности; кульминацией конфликтной ситуации является война, всеобъемлющее вооруженное противостояние сторон. Умиротворение и согласование являются основными механизмами исправления положения социального мира с военной угрозы к мирной обстановке. «Замирение» рассматриваем как деформацию процесса миротворения, основные конфликтные проблемы становятся латентными, а мир превращается в искусственное согласие ради восстановления спокойной жизни в социальном мире.

7. Война и мир в терминах и определениях: словарь-справочник/[под общей ред. Д. Рогозина]. — М.: ИД «ПоРог», 2004. — 624 с.
8. Даниленко, О.А. Идея «замиранных сфер» М.М. Ковалевского и аналитика конфликта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://uchebilka.ru/pravo/40802/index.html>
9. Козер, Л. Функции социального конфликта. Пер. с англ. — М.: «Идея-Пресс», «Дом интеллектуальной книги», 2000. — 208 с.

Социальное событие как целостность

Панасенко Светлана Викторовна, ассистент
Запорожский национальный университет (Украина)

В статье изучается феномен социального события как целостность путем исследования статической, динамической и эмерджентной сложности. Определена структура социального события, состоящая из предпосылки, повода, причины, условия, субъекта, объекта, предмета, результата, последствия. Представлена авторская классификация субъектов социального события. Эмерджентная сложность описана через эффекты аддитивности, супераддитивности и субаддитивности. Определена диалектическая взаимосвязь события и антисобытия (контривента).

Ключевые слова: феномен, социальное событие, целостность, сложность, субъект, объект, эмерджентность, аддитивность.

Процессы информатизации, трансформации и глобализации обуславливают качественные изменения в самом обществе в целом и социальных процессах в каждой из сфер общества, обозначая тем самым иные проявления и особенности современных социальных событий. Появление новых социальных явлений и процессов, требующих уточнения в контексте социального развития, тем самым актуализирует необходимость социально-философского исследования феномена социального события.

На современном этапе в развитии системного и синергетического подходов нерешенной остается потребность становления холистического согласования мультипарадигмального дискурса традиций осмысления феномена социального события, чему посвящена диссертационная работа автора. Попыткой их согласования в рамках статьи является исследование феномена социальной события как целостности.

Понимание социального события как феномена заключается в том, что событие — это всегда изменение. Любое изменение является формой движения материи. Таким образом, в основе каждого события лежит движение как изменение определенного состояния, а, следовательно, непременно качественное изменение. Содержание «социального события», что обозначает сущность исследуемого феномена, мы определяем, основываясь на проделанной ранее работе, как социально-философское понятие, которое отражает актуализированную пространственно-временную целостность изменения состояний конкретно-исторического характера, имеет свойства общности, одновременности, динамичности, связанности, завершенности.

Концептуальной основой, уточненной нами дефиниции, является определенность пространственно-временной це-

лостности. В свою очередь любая целостность характеризуется сложностью, что проявляется в статической, динамической и эмерджентной сложности. Определяя таким образом феномен социального события, охарактеризуем его в соответствии с обозначенными уровнями.

Специфика статистической сложности заключается в множестве взаимосвязанных между собой структурных элементов социального события. Для детального исследования многочисленных элементов структуры социального события необходимо применение морфологического анализа в диалектике целого и части.

Среди структурных элементов социального события выделяем: предпосылку, повод, причину, условия, субъект, объект, предмет, результат, последствия.

Повод и причина представляются достаточно близкими по значению, однако необходимо различать специфику указанных элементов. Известно немало примеров исторических событий, в которых они несмотря на свое сходство, существенно отличаются по значению.

Предпосылки и условия так же стоят в одной логической последовательности, где одни предшествуют другим. Рассматриваем повод, причины, предпосылки и условия в группу элементов факторов как обуславливающих и движущих сил социального события. М. Лепский, исследуя формирование социальной перспективы, разделяет социальные факторы на внутренние и внешние, разрушительные и творческие [1, с. 283–284]. Принимая это во внимание, приходим к итогу, что факторы социального события включают в себя причины, повод, предпосылки и условия и схематично делятся на внутренние и внешние, факторы разрушения и факторы создания.

Отметим, что под объектом социального события мы рассматриваем изменение состояний, свойств социальных организмов как органичных систем, которыми в свою очередь являются индивиды, группы, общество, человечество.

Весомой составляющей в понимании субъекта является его характеристика как такового посредством деятельности, ведь для реализации переломных социальных событий развития необходимо не только ожидание благоприятного стечения обстоятельств для подобных преобразований, но и активность субъектов социального развития, непосредственно связанная с деятельностью и субъектами деятельности. Итак, субъекты социального события могут быть представлены личностью, социальной группой, сообществом, обществом, человечеством в целом.

Указанные субъекты отражают традиционный для социальных теорий подход, однако специфика исследуемого феномена требует уточнений. А. Еременко, анализируя исторические события в качестве субъектов различает актантов как индивидуальных или групповых субъектов исторической событийности, множество которых сводится к небольшому числу историкопсихологичных типов, и актеров как субъектов социального действия (по М. Веберу) [2]. Понятие «актант» введено в научный обиход Б. Латуром в книге «Наука в действии» 1987, где автором представлен «свой «фирменный» понятийный словарь анализа современной «технонауки» (в категориях актантов, сетей, «трансляций», комбинаций ресурсов, центров калькуляции и т. д.)» [3].

Добавим, что традиционно актанты рассматриваются в структурализме и грамματοлогии в качестве непосредственных участников ситуации причем как с субъектной, так и с объектной позиции [4, с. 34]. Однако, учитывая то, что наше исследование не ограничивается структуралистской парадигмой и грамματοлогическим подходом или сферой анализа сугубо исторических событий, а также с учетом того, что степень включенности в события и участия, активности и пассивности, а соответственно познания и преобразования, для различных субъектов может быть неодинаковым, считаем целесообразным предоставить авторское видение градации субъектов социального события.

Выделяем субъектов, инициирующих наступления социального события, — это организаторы. В соответствии с англоязычным аналогом слова «событие» «event», организаторы социального события обозначаем термином «ивентмейкеры». Однако организация социального события может быть сугубо формальной, когда субъект только создает условия для наступления события, однако не включен в нее. Такими субъектами являются ивентменеджеры, что, как правило, профессионально занимающихся технологизированной организацией событий (социальное событие предстает как технология). Субъекты, которые вовлекаются к свершению и осуществлению социального события, но не явля-

ются ее организаторами, становятся участниками, то есть ивентами.

Интересно, что среди общих позиций для кодирующих схем ивент-анализа, то есть «анализа событий», в западной политологии структура субъектов события содержит инициаторов или инициатора действия и цель или цели действия [5, с. 41], что подтверждает нашу точку зрения, согласно которой ключевая роль в основном отводится именно организаторам, т.е. инициаторам события.

Кроме этого, есть субъекты, которые не организуют, не принимают непосредственного участия в событии, но наблюдают за его наступлением, последствиями, являются свидетелями событий, то есть наблюдателями. Отметим, что при толковании слова «событие» В. Даль привел интересный пример производного от «события» слова «событчик», которым называется человек, который был «где-нибудь со мной вместе, в одно время, является сосвидетелем» [6, с. 253]. Такая линия рассуждений приводит нас к определению еще одного типа субъектов социальных событий — это исследователи — ивентологи.

Ключевой характеристикой субъекта всегда есть его активное, деятельностное, познавательное отношение по отношению окружающего мира. Итак, именно в деятельности непременно проявляется субъект. Как отмечает в данном контексте В. Воловик «деятельность людей всегда проявляется в конкретных формах» [7, с. 118], причем некоторые из таких форм становятся традициями, а другие проявлениями новаторства, то есть качественно новыми формами. Вполне правомерно говорить в таком же ключе и о социальных событиях как о различных многочисленных формах сочетания традиционного и новаторского. Так, можно привести немало примеров, когда социальные события вследствие повторяемости приобретают устойчивый характер и превращаются в определенные ритуалы. В таком случае имеет место ритуализация социальных событий.

Результаты и последствия как элементы социального события тесно коррелируют с эмерджентной сложностью, характеризующееся появлением нового качества, а именно перехода к новому качественному состоянию объекта или субъекта, появления новых социальных отношений и т.п. Стало быть, результаты и последствия социального события могут быть как объектными, так и субъектным по своему характеру.

Вместе с тем, изучение элементов только в качестве структурных составляющих недостаточно для исследования феномена как целостности. Изучая процессы психи и социогенеза на уровне живых организмов, Г. Васильев и В. Келасьев применяют понятие динамического целого как «группы процессов, имеющих в целостности, и представляет базу ее существования» [8, с. 10]. Исследователи акцентируют внимание на понимании целостности именно как «динамического целого», которое составляет «определенные элементы, объединенные ходом связей. Непрерывное «скрепление» элементов связями

и порождает динамическое целое» [8, с. 10]. В соответствии с указанными составляющими элементов социального события, связь между субъектом и объектом считаем наиболее весомым закономерным признаком, отражающим сущность исследуемого феномена.

Подтверждением этого является определение события как «единицы субъект-объектных отношений жизнедеятельности» [9, с. 342] сформулированного А. Лактионовым в контексте исследования индивидуального опыта. Следовательно, характеристика динамической сложности актуализирует необходимость изучения субъект-объект-субъектных отношений как определенной закономерности, интегрального сущностного отношения социального события.

Специфика динамической сложности связана с разнородными субъект-объект-субъектными отношениями в социальном событии, а также субъект-субъектным и субъект-объектными отношениями по отношению к другому субъекту или субъектам. Динамическая сложность непременно возникает, ведь взаимодействие даже двух элементов в системе порождают ее третий элемент — результат их взаимодействия. Для детальной характеристики этого уровня сложности требуется анализ соотношения разнородных связей и взаимосвязей, отношений и взаимоотношений в социальном событии, дополняющий профиль динамической сложности феномена.

Содержание субъект-объект-субъектных отношений зависит от характеристик объекта, субъекта и соответственно отношений между ними. Также, одним из показателей, что сказывается на характере субъект-объект-субъектных отношений в социальном событии является соотношение вариантного и инвариантного. Элементы общества, как правило, вариантные, то есть они могут испытывать количественные и качественные изменения, развиваться, структурно совершенствоваться или, наоборот, однако несмотря на непрерывные преобразования, которые с ними происходят, общество остается целостной системой. Однако основные позиции, которые обеспечивают нормальное функционирование общества, являются инвариантными. Характеристика вариантного и инвариантного в социальном событии обогащается изучением потенциального — как утраченных или неиспользованных возможностей (привязка к вариантному) и актуального (в контексте инвариантного как магистрального, ключевого).

Детальный анализ субъект-объект-субъектных отношений в социальном событии изложен автором в отдельной работе [10].

Эмерджентная сложность характеризуется через понятие «эмерджентность» как свойство появления в целостной системе нового интегративного качества/качеств (или новых социальных отношений), не сводящихся к сумме составляющих ее элементов. Именно качественное изменение является ключевым признаком социального события, когда, совершаясь, событие приобретает новый смысл, которого не было до, который

появился после. В диалектике целого и части, собственно, это и утверждается. Ведь не всякая совокупность частей может быть целым, а та совокупность, которая представляет собой целостность, и, стало быть, ее составляющие элементы порождают новое свойство, которое их и объединяет.

В соответствии с многочисленными уровнями, на которых функционируют социальные события, возможны их наложения и пересечения. Одно социальное событие может развертываться от уровня личности к групповому и даже общечеловеческому. Так, события жизни М. Ганди становились социальными событиями всенародного уровня в Индии, например, «сидячие» демонстрации.

Однако, при переходах социального события от уровня к уровню возможны также и конфликты событий, и несоответствие общих конкретно-исторических социальных событий личным (свадьба во время второй мировой войны как несоответствие личного конструктивного общему деструктивному).

Это объясняется через эффекты синергии, среди которых аддитивность и неаддитивность как супераддитивность и субаддитивность. Эффекты синергии обусловлены эмерджентностью, понимаемой как «скачкообразный процесс возникновения нового, высшего качества, в значительной степени независимого от количественных изменений» [11, с. 35], а эмерджентная сложность, в свою очередь, рассматривается нами как одна из составляющих понимания целостности социального события. Понятие аддитивности и неаддитивности «отражают соотношение между целым и его составляющими (части и целого). Отношение аддитивности часто выражают в виде «целое равно сумме частей»; отношение неаддитивности: «целое больше суммы частей» (супераддитивность), «целое меньше суммы частей» (субаддитивность)» [12, с. 14].

Предполагаем, что социальные события с эффектом аддитивности более прогнозируемы, ведь их результат в большей степени возможно предвидеть, исходя из анализа структурной и динамической сложности. В случаях, когда эмерджентная сложность феномена обусловлена эффектами неаддитивности, специфика социального события будет определяться в первую очередь этим уровнем сложности и иметь место преимущественно в условиях нелинейности.

Следовательно, эмерджентная сложность феномена проявляется в появлении нового свойства, качественного изменения как результата социального события, варьирующего в соответствии с влиянием эффектов аддитивности, супераддитивности или субаддитивности.

В противовес социальному событию как месту сценария, сборки, как мы полагаем, присутствуют и антисобытия, контривенты, как разрушение целостности взаимосвязей социальных субъектов, место «ломки», разрыва, в котором происходит противопоставление фрагментарности целостности социального события.

Близким по значению термином является «социальное бедствие», которым исследователи Ф. Бородин

и А. Кудрявцев «называют либо события непосредственно негативного характера, или социальную ситуацию, создаваемую такими событиями» [13, с. 152]. Однако из-за доминирования оценочного аспекта в этом понимании социального события как социального бедствия, размытой становится не только классификация событий такого рода, но и основание для того, чтобы отнести их в ранг «бедствия». Сами исследователи отмечают это [13, с. 152–153], указывая, что только некоторые типы событий могут быть зафиксированы как объективно негативные (например, покушение на жизнь граждан), часть из них может восприниматься как негативно, так и нейтрально, становясь для одних субъектов бедствием, а для других благом, а также существуют ситуативные социальные беды и события, которые сложно однозначно отнести к социальному бедствию или социальному благу.

В связи с этим, считаем целесообразным рассматривать полярные аспекты социального события не по оценочным критериям с разделением на социальное благо и социальные бедствия, а путем разграничения на события и антисобытия в контексте наличия или отсутствия целостности, что приводит к сцеплению, либо к разрыву социальных связей.

Таким образом, имеет место диалектическая взаимосвязь, с одной стороны, события как обретения целостности благодаря «сцеплению» взаимодействия субъектов, направленного на связывание и согласование субъект-объект-субъектных отношений между ними (от солидарности к решению конфликтов, результатом является социальная супераддитивность, выражающаяся в появлении нового качества), с другой стороны, контривента как разрушения целостности взаимосвязей социальных субъектов, в «ломке», разрыве субъект-объект-субъектных отношений между ними, в котором происходит противопостав-

ление целостности социального события фрагментарности (результатом является социальная субаддитивность как потеря определенного качества, дисфункция социального события).

Подводя итоги социально-философского исследования феномена социального события как целостности, заметим, что изучение осуществлено в контексте анализа системности структурной, функциональной и эмерджентной сложности.

На основании морфологического анализа структуры социального события в диалектике целого и части среди составляющих элементов социального события исследовано: предпосылку, повод, причину, условия, субъект, объект, предмет, результат, последствия. Разработана авторская классификация субъектов социального события: ивентмейкеры, ивентменеджеры, ивенторы, ивентологи.

Анализ динамической сложности основан на изучении субъект-объект-субъектных отношений как закономерности и интегрального сущностного отношения социального события.

Эмерджентная сложность как появление нового качества, переход к новому состоянию или новым социальным отношениям, представлена эффектами аддитивности, супераддитивности и субаддитивности как единства конструктивного и деструктивного в субъект-объект-субъектных отношениях.

Определена диалектическая взаимосвязь, с одной стороны, события как обретения целостности, «сцепления», взаимодействия субъектов, направленного на связывание и согласование взаимодействия (социальная супераддитивность), с другой стороны, контривента как свершение разрушения целостности взаимосвязей социальных субъектов, в «ломке», разрыве, в котором происходит противопоставление целостности социального события фрагментарности (социальная субаддитивность).

Литература:

1. Лепский, М. А. «Свет» и «тьма» социальной перспективы: монография/М. А. Лепский. — К.: Молодь, 2000. — 410 с. — Библиогр.: с. 390–410.
2. Ерёмченко, А. Понятие социального действия у М. Вебера и проблемы теории исторического события [Электронный ресурс]/А. Ерёмченко // Філософські дослідження. — Луганськ, 2004. — №5. — Режим доступа: <http://www.info-library.com.ua/books-text-11783.htm>.
3. Производство природы [Электронный ресурс]/от редакции Александр Дмитриев // Неприкосновенный запас. — 2006. — №2 (46). — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/red2.html>.
4. Урусиков, Д. С. Грамматология. Т. 1: Нарратология/Д. С. Урусиков. — Версия 1.0. — Липецк: Типография «Липецк-Плюс», 2009. — 224 с.
5. Береговой, В. И. Біфуркаційний метод прогнозування стратегічних війн/В. И. Береговой. — Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2006. — 220 с. + 4 арк. дод.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] Т. 4.: Р-В/В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1980. — 683 с.
7. Воловик, В. И. Философия политического сознания/В. И. Воловик. — Запорожье: Просвіта, 2006. — 169 с.
8. Васильев, Г. Н. Самоорганизация целостности: психо- и социогенез/Г. Н. Васильев, В. Н. Келасьев. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. — 201 с.
9. Лактионов, А. Н. Координаты индивидуального опыта/А. Н. Лактионов; Харьк. нац. ун-т им. В. Н. Каразина. — 2-е изд. — Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. — 365 с. — Библиогр.: с. 345–365.

10. Левада, С. В. Суб'єкт-об'єкт-суб'єктні відношення у соціальній події/С. В. Левада // Культурологічний вісник: наук.-теор. щорічник Нижньої Наддніпряни/В. І. Воловик (голов. ред.) [та ін.]. — Запоріжжя: Просвіта, 2013. — Вип. 31. — с. 227–232.
11. Воронкова, В. Г. Синергетична методологія аналізу соціального управління/В. Г. Воронкова // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. — 2009. — Вип. 36. — с. 26–46.
12. Философский словарь/под. ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001. — 719 с.
13. Бородин, Ф. М. Человеческое развитие и человеческие беды/Ф. М. Бородин, А. С. Кудрявцев // Мир России. — 2003. — № 1. — с. 138–182.

Дух как категория религиозной онтологии

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Наблюдения показывают человеку, что качества, которыми обладает он сам и окружающие предметы, можно изменять: тренировкой увеличивают силу и выносливость людей и животных, температурным воздействием — ковкость металлов, подкормкой удобрениями — урожайность растений. Более того, методы селекции позволили получить совершенно новые виды растений и породы скота. Получается, что из одной и той же основы можно получить разные качества или даже виды объектов! Но что такое эта основа? Размышления о ней возникли еще у древних философов, но суть этого вопроса наиболее ярко выразил итальянский философ-пантеист Д. Бруно: «Разве вы не видите, что то, что было семенем, становится колосом, возникает хлеб, из хлеба — желудочный сок, из него — кровь, из нее — семя, из него — зародыш, из него — человек, из него — труп, из него — земля, из нее — камень или другая вещь, и так можно придти ко всем природным формам... Итак, с необходимостью существует одна и та же вещь, которая сама по себе не есть ни камень, ни земля, ни труп, ни человек, ни зародыш, ни кровь и другое, но которая, после того как была кровью, становится зародышем, получая бытие зародыша, после того как была зародышем, получает бытие человека» [1, с. 229–230].

Поиски некоей единой основы бытия стали причиной появления в философии понятия субстанции — того, что лежит в основе. Предельные обобщения элементов объективной и субъективной реальности привели философов к утверждению, что все существующее можно свести к двум видам субстанции — материи и духу. Если человек считает, что есть единый и единственный, развивающийся по своим законам материальный мир, а сознание, дух есть лишь одно из возможных его проявлений, то такую философию, как известно, называют материалистической, и центральной её категорией является понятие материи. Но есть противоположное утверждение, в котором доказывается, что основу бытия составляет дух, который может существовать в различных трансформированных состояниях, в том числе и в форме видимого мира.

Такая философская позиция называется идеализмом, а центральным его понятием является дух (сознание, идея, Бог, Абсолют).

В обществе эти альтернативные способы объяснения бытия в наиболее ясном виде представлены в виде науки и религии, с давних времен борющихся за господствующее место в культуре. При этом наука не обладает достаточными доводами для доказательства отсутствия Бога, а религия — его наличия. Рассмотрим, как решается проблема субстанции в религиозной онтологии.

Общим для всех религий является идея наличия в мире духовного сверхличностного начала, которое, как правило, называют Богом. Поэтому для любой религии подходит определение, данное В. С. Соловьевым: «Религия, говоря вообще и отвлеченно, есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего» [2, с. 5]. «Религия — стремление человека и общества к непосредственной связи с абсолютным (Богом, богами, безусловным средоточием всего существующего, субстанцией, главной святыней)», — уточняет это определение профессор Д. В. Пивоваров [3, с. 583–584].

Известный знаток ведических религий С. Вивекананда говорил, что все наблюдаемые тела образованы из одной основы, которая называется аказой. В одной из своих лекций он поясняет, что «это всюду находящееся и всепроникающее нечто. Все, что имеет форму, все, что представляет собой результат соединений, — все развивается из этой Аказы. Аказа — это то, что стало воздухом, жидкостью, твердыми телами. Это Аказа, что становится солнцем, луною, звездами, кометами; Аказа — это то, что стало телом вообще, что принимает все образы, которые мы видим, формы всего, что может быть ощущаемо, всего, что существует» [4, с. 53]. Это рассуждение Вивекананды о субстанции по существу не отличалось бы от представлений о материи Дж. Бруно, если бы он не пошел дальше, задав следующие вопросы: «Что составляет эту Аказу (материю) принимать те или иные формы? Какая сила соединяет все эти частицы материи в форму тела? Какая эта сила, что выбирает из всего мира

материи нужно ей количество этой материи и делает одно тело так, другое иначе? Что является причиной всех этих бесконечных различий форм?» [5, 478].

Все попытки ответить на эти вопросы, согласно Вивекананде, неизбежно приводят к мысли о наличии другой субстанции во Вселенной — праны. «Как Аказа есть бесконечная, всюду находящаяся материя этой вселенной, совершенно так же Прана есть бесконечная, всюду находящаяся и проявляющаяся сила этой вселенной... Прана это то, что проявляется как всякого рода движение, как притяжение, магнетизм и прочее. Это Прана, что проявляется в виде процессов тела, в виде нервных токов, в виде силы мысли. От мысли до грубой физической силы, все есть проявление Праны. Сумма всех сил природы, духовных и физических, превратившихся в свое первоначальное состояние, называется Праной... Сумма энергии во всей Вселенной остается совершенно одинаковою, только при конце цикла эта энергия успокаивается, становится потенциальной, а при начале следующего цикла начинает действовать, дает толчок Аказе, и из Аказы развиваются все различные формы» [5, с. 54].

Из последней цитаты следует, что материя и энергия («сила») являются двумя независимыми субстанциями. Но это еще не религиозное представление о мире. В механической картине мира Ньютона движение и материя также рассматриваются в виде отдельных субстанций. Размышления по этому поводу приводят представителей всех религий к мысли о наличии в мире более глубокого сущностного уровня — Бога. Один из самых ярких популяризаторов и реформаторов современной религиозной мысли Бхагван Шри Раджниш (Ошо) говорил своим ученикам, что «вся эта вселенная выходит из Бога... Бог есть во всех вещах, он есть их бытие, их существование» [6, с. 19, 22]. «Мы все произошли от Бога и все должны идти к Богу, каким бы именем этого Бога не называли; называйте его Богом или Абсолютом, или природою, сотнею имен, которые вам нравятся, факт остается тем же. От кого вся эта Вселенная произошла, в ком все рожденное живет, к тому все и вернется», — пишет Вивекананда [5, с. 90]. «Как бы низко не спустился человек, в конце концов он должен повернуть опять вверх и идти к первоначальному источнику, который есть Бог. Вначале человек идет от Бога, в середине становится человеком и в конце идет назад к Богу. Это метод объяснения в дуалистической форме. В монистической форме вы говорите, что человек по своей сущности есть Бог и становится Им опять» [5, с. 91].

Что же такое Бог? Оказывается, что все приведенные описания аказы (материи) и праны (энергии) к нему не относятся. Они есть описания, полученные опытом и мышлением лишь для практических целей. Его невозможно определить с помощью человеческого интеллекта, ибо сам интеллект есть порождение повседневной практики, ее

инструмент. Если Бога и определяют разумом, то только в негативной форме, как «не то, и не это». Вот как описывается Бог в Упанишадах: «Что невыразимо речью, чем выражается речь — знай: то есть Брахман... Что немислимо разумом, чем, как говорят, мыслим разум — знай: то есть Брахман... Что не видно глазом, чем видны глаза — знай: то есть Брахман» [7, с. 52]. Такое понимание Бога как высшего духа присуще и исламу [8; 9; 10; 11]. Такое же утверждение содержится в буддизме: «Высший, божественный мир («высшая реальность») совершенно умозрачен. Чтобы подчеркнуть его принципиальное отличие от мира зримого, чувственного... этому высшему миру отказано в малейших чертах конкретности» [12, с. 120].

Таким образом, за видимой частью Вселенной существует другая, непроявленная субстанция, вечная и не подлежащая уничтожению. Она остается неизменной, даже если видимый мир терпит полную катастрофу. Вот как пишет об этой субстанции известный комментатор Бхагвад-Гиты: «Дух есть основное поле творения, и материя творится духом. Дух не возникает на определенной стадии развития материи. Напротив, этот материальный мир проявляется лишь на основе духовной энергии. Материальное тело развивается благодаря тому, что дух присутствует в материи; ребенок постепенно становится юношей, а затем мужчиной из-за присутствия этой высшей энергии, души... Таким образом, дух и материя, которые объединяются, чтобы дать проявление гигантской вселенской форме, являются по своему происхождению двумя энергиями Господа, и, значит, Господь есть изначальная причина всего существующего. Малая неотъемлемая частичка Господа, т.е. живое существо, может явиться причиной возникновения большого небоскреба, большого завода или даже большого города, но оно не может быть причиной появления большой вселенной. Причина появления большой вселенной есть большая душа, или Сверхдуша» [13, с. 358–359]. Таким образом, всеобщей основой всего существующего является особая духовная субстанция, которая присутствует в каждом человеке, в каждой частичке Вселенной в виде души.

О духовной природе «первосубстанции» пишут и некоторые известные ученые. Так, В. Гейзенберг был убежден в существовании творящих мир форм, которые не принадлежат материальному миру, а «коренятся в сфере лежащих за ним структур, которые Платон назвал царством идей» [14, с. 334]. Другой известный физик — К.Ф. Вайцеккер — пишет, что если двигаться до первоисточников научного знания, то мы неизбежно придем к выводу о существовании таких духовных образований, как платоновские эйдосы (идеи) [15]. Мы полагаем, что этой структурирующей всю реальность духовной основой являются порождающие структуры, подобные юнговским архетипам [16].

Литература:

1. Бруно, Д. Диалоги. М., 1949.

2. Соловьев, В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 2.
3. Пивоваров, Д. В. Религия // Современный философский словарь. М., 2004.
4. Вивекананда, С. Философия йога // Сарасвати. М., 1992.
5. Вивекананда, С. Бог и человек // Философия йога. Магнитогорск, 1992.
6. Ошо. Пульсация Абсолюта. М., 1993.
7. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991.
8. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4.
9. Рахматуллин, Р. Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1.
10. Рахматуллин, Р. Ю. Модель человека в суфизме // Вестник ВЭГУ. 2014. № 3 (71).
11. Рахматуллин, Р. Ю. Кораническая антропология // Молодой ученый. 2014. № 10 (69).
12. Кочетов, А. Н. Вселенная, время, пространство в мировоззрении буддистов // Философские науки. 1978. № 2.
13. Бхактиведанта Свами П. Бхагавад-Гита как она есть. М., 1990.
14. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт. М., 1987.
15. Weizsacker, C. P. Die Einheit der Natur. Studien. München, 1972. S. 378.
16. Рахматуллин, Р. Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции: дис... д-ра филос. наук. Уфа, 2000.

Симулякр как средство манипуляции сознанием

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна, аспирант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Симулякр — важнейшая категория постмодернистской философии, введенная в неё Ж. Батаем, но получившая широкое распространение благодаря трудам Жана Бодрийяра. И. В. Полозова определяет его как «псевдовещь, замещающая реальность, образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие» [1, с. 860]. Сам термин появился задолго до постмодернизма: как полагает М. А. Можейко, его употреблял еще Платон для обозначения «копии копии» [2, с. 727]. Бодрийяр считает симулякр продуктом симуляции, под которой он понимает замену реального мира воображаемым, но воспринимаемым человеком в качестве реально существующего. Автор характеризует современность как эпоху всеобщей симуляции, создающей гиперреальность, которая охватывает все сферы жизни личности, привыкшей в эпоху постмодернизма не отличать подлинное от вымысла. По его мнению, реальность закончилась, уступив место симулятивной гиперреальности симулякров: «Территория больше не предшествует карте, ни переживает ее. Отныне территории предшествует карта — *прецессия симулякров* — теперь она (карта) порождает территорию» [3, с. 16]. О. А. Печенкина в вступительной статье к книге Бодрийяра «Симулякры и симуляция» пишет, что автор характеризует современность как эру тотальной симуляции, когда личность «всюду обнаруживает симуляционный характер всех современных социальных и культурных феноменов. В результате люди имеют дело не с реальностью, а с гиперреальностью, воспринимаемой гораздо реальнее, чем сама реальность» [4, с. 4].

Согласно Бодрийяру в порождении и распространении симулякров главную роль играют все разнообразные средства массовой информации, которые им обозначаются термином «медиа». «С точки зрения производства симулякров наиболее грандиозной и масштабной предстает как раз медиатическая сфера, способная затронуть любые другие области — политическую, биологическую, медицинскую, психологическую и другие, и именно медиуму Бодрийяр уделяет значительное внимание в своей концепции симулякров. Важно еще и то, что информация масс-медиа больше не имеет ничего общего с «реальностью» фактов; «реальность» также уже протестирована» — пишет О. А. Печенкина по этому поводу [4, 13].

Тема симулякра стала актуальной, на наш взгляд, прежде всего по причине возрастания роли средств массовой информации и Интернета в формировании общественного мнения. Вот яркий пример использования симулякра телекомпаниями США для формирования у американцев отрицательного отношения к режиму Саддама Хусейна в Ираке. В конце 1990-го и начале 1991 года различные каналы американского телевидения несколько раз в день показывали беженку из Ирака — плачущую, с синяками на лице девушку. Она была представлена как медсестра Найира, которая со слезами на глазах рассказывала, как солдаты иракского режима в одном из роддомов Кувейта выбросили новорожденных детей на холодный пол и оставили там умирать. Ею были приведены и другие примеры, доказывающие зверства иракского режима, из плена которого ей удалось бежать — изнасилованиях женщин, убийствах детей, священников и т. д. Все это

комментировала с дрожью в голосе и со слезами на глазах и её адвокат. Но вскоре после начала войны в Персидском заливе выяснилось, что роль этой измученной беженки играла дочь посла Кувейта в США, не имевшая никакого отношения к тому, о чем она так убедительно рассказывала: «В разработке отдельных значимых событий во время обеих кампаний участвовала международная PR-компания «Хилл и Ноултон» со штаб-квартирой в США. В 1990 годы её специалисты придумали «историю медсестры Найиры», которая оказала непосредственное влияние на продвижение идеи войны против Ирака. Впоследствии выяснилось, что рассказ выдуман, а Найира, дочь посла Кувейта в США и член королевской семьи, никогда не работала в госпитале» — пишет Е.А. Осокина [5]. Сейчас этот механизм использования симулякров для воздействия на сознание людей стал одним из действенных способов формирования общественного мнения при помощи средств массовой информации.

Но использование симулякров для воздействия на сознание человека не является изобретением постмодернистов. Если проанализировать историю культуры, то мы обнаружим симулякры еще в Древнем мире. Образы мифических существ — летающих коней, кентавров, амazoнок и т.п., широко представленных в античной мифологии, — являются симулякрами, заполнявшими сознание людей этой эпохи и служившими важным средством формирования личности.

Весьма спорным является и вопрос об адекватности образов богов, ангелов, демонов существам объективного мира Средневековья. К примеру, до сих пор не утихают споры вокруг тринитарной концепции Бога, которой придерживается большинство христианских богословов. Главным вопросом здесь является проблема личности Иисуса Христа: ряд авторов полагают, что это религиозный симулякр, созданный средневековыми авторами путем приписывания человеку по имени Иешуа божественных качеств [6; 7; 8]. Вызывает сомнение у большинства мусульман ваххабитская трактовка природы Аллаха, как сидящего на троне Бога с человеческими органами: глазами, руками, ушами. Такое представление о Боге явно противоречит апофатической традиции ислама и является симулякром [9; 10, 11]. Аналогичная ситуация характерна и для буддизма с его образом многорукого Будды, для национальных и нетрадиционных религий (иудаизма, индуизма, синтоизма, кришнаизма и т.д.). Причина появления мифических и религиозных симулякров очевидна: воздействие на сознание людей с целью привлечения как можно большего их количества в ряды носителей определенных ценностных ориентаций и мировоззрения.

Симулякрами, думается, следует считать и многие продукты художественного творчества. Например, очевидными признаками симулякра обладают продукты художественной фантастики: инопланетяне, киборги, аватары и т.п. Но видом симулякров можно считать и героев не фантастических художественных произведений: Павлика Морозова, Макара Нагульнова и др. (см: Дружников Ю. До-

носчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М., 1995; Шолохов М. Поднятая целина. Екатеринбург, 2001). В этих случаях используются два способа создания симулякра художником: а) когда важные с точки зрения автора ценности воплощаются в вымышленном герое; б) когда в качестве героя выступает реальное лицо, но ретушированное таким образом, что ему приписываются качества, которыми на самом деле он не обладает. Целью таких художественных симулякров, как и других, является воздействие на сознание человека для стимуляции соответствующего взглядам автора поведения.

В современном мире наиболее заметным является рождение и функционирование политических симулякров. Как показывает политическая история, их количество резко возрастает в периоды политических кризисов. Нынешнюю кризисную ситуацию в сфере политики многие характеризуют при помощи понятия «информационная война». Можно наблюдать, как в странах, в которых сформировалась медиацентрированная система коммуникации, главным средством манипуляции сознанием людей стал новостной менеджмент, включающий в себя управление информационными потоками при помощи современных психологических и медиа-технологий. Приведенный выше пример использования в телевидении образа «медсестры Найиры» или «распятого в Славянске на глазах у матери трехлетнего мальчика», о котором рассказывала некая женщина-«очевидец» по ОАО «Первый канал» [12] и т.п. позволяют выявить особенности использования симулякров для формирования политического сознания людей:

— применяется метод персонификации события. Для этого политическое событие освещается в контексте судьбы отдельной личности («медсестры Найиры», женщины, потерявшей при бомбардировке единственного ребенка и т.п.);

— визуализация информации. Если до 1990-х годов в подаче политической информации через СМИ преобладал вербальный компонент, то появление спутникового телевидения, технологий создания виртуальной реальности открыли новые возможности воздействия на психику человека при помощи визуализированных образов. Такое воздействие опирается на чувственно-эмоциональный опыт человека, которому он больше доверяет чем словам [13; 14];

— широкое использование образов-метафор. Как известно, метафора является средством переноса смысла с более знакомого феномена на менее знакомый. Например, если при помощи программы Adobe Photoshop изобразить какого-то известного политического лидера в одежде эсесовца, наступившего сапогом на труп ребенка, то в сознании адресата возникает, как правило, негативное отношение к этому политику;

— подача вербальной и визуальной информации в контексте ценностных ориентаций большинства граждан данного государства. В современных СМИ наиболее частыми способами представления политической информации являются такие фреймы, как «нарушение прав человека», «за-

щита интересов государства», «национальные интересы», «терроризм», «экстремизм», «экологическая угроза» и т. д.

— использование феномена «козла отпущения», когда для канализации накопившейся негативной энергии людей, их консолидации вокруг вождя используют образ «врага», который якобы и является ответственным за свалившиеся на их головы беды. Как правило, в качестве та-

кого «козла отпущения» выбирают какой-либо народ, политическую партию или ее лидера, государство, религиозную группу и т. п. [15; 16]. «Козел отпущения», взятый в рассматриваемом нами контексте статьи, как нам представляется, также следует рассматривать в качестве вида симулякра, используемого для воздействия на сознание человека.

Литература:

1. Полозова, И. В. Симулякр // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
2. Можейко, М. А. Симулякр // Постмодернизм. Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1040 с.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
4. Печенкина, О. А. Эра тотальной симуляции, или искусственное воскрешение реальности // Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
5. Осокина, Е. А. Политика США в отношении Ирака (конфликты 1990–1991 и 2002–2003 гг.). // <http://www.giatr.ru/2007/ATR2007-4-WEB/13p104-111.pdf>.
6. Найт, К., Ломас Р. Ключ Хирама. М.: Эксмо, 2006. 496 с.
7. Полосин, А. В. Евангелие глазами мусульманина. Два взгляда на одну историю. М.: Умма, 2006. 352 с.
8. Рахматуллин, Р. Ю. Отражение личности Иисуса Христа в зеркале истории // Вестник ВЭГУ. 2011. № 2. с. 98–104.
9. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. с. 43–47.
10. Рахматуллин, Р. Ю. Кораническая антропология // Молодой ученый. 2014. № 10 (69). с. 561–563.
11. Рахматуллин, Р. Ю. Основные противоречия между салафизмом и суфизмом // Молодой ученый. 2014. № 12 (71). с. 409–411.
12. Ложь: распятие в эфире Первого канала // <http://www.stopfake.org/lozh-raspyatie-v-efire-pervogo-kanala/?PageSpeed=poscript>
13. Жуковский, В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 223 с.
14. Рахматуллин, Р. Ю. Герменевтическая функция образа в процессе обучения // Вестник Карагандинского университета. 2012. № 4. с. 74–79.
15. Нойманн, Э. Глубинная психология и новая этика. М.: Академический проект, 2009. 206 с.
16. Рахматуллин, Р. Ю. Эрих Нойманн о роли «козла отпущения» в формировании конфликта // Молодой ученый. 2014. № 13. с. 235–237.

Символизм в контексте изобразительного искусства в концепциях Э. Кассирера и О. Шпенглера

Стоян Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент
Национальный авиационный университет (г. Киев, Украина)

В статье рассматриваются символические концепции Э. Кассирера и О. Шпенглера относительно функционирования символов в структуре изобразительного искусства как специфической символической формы культуры.

Ключевые слова: символ, символизм, культура, образ, искусство, художник.

Актуальность исследования. Общеввропейская атмосфера повышенного интереса к проблемам символа и символизма в пространстве культуры, которая становится основой оформления символизма в самостоятельное

художественное направление во второй половине XIX в., также способствует возникновению ряда философских исследований, направленных на переосмысление функционирования культурной сферы, а также всего челове-

ческого существования с позиций символизма. Подобный «всплеск» символических теорий является неслучайным, ведь романтическое увлечение этой проблематикой, попытки литературных обобщений, должны были, в конце концов, совершенно логично завершиться формированием более емких и систематизированных философских видений данной проблематики.

Одной из самых мощных концепций, которая дает нам представление о глобальной символической основе культуры, является теория Эрнста Кассирера, которую он излагает в работе «Философия символических форм», разворачивая указанную проблематику и в дальнейшем цикле работ, собранных под названием «Опыт о человеке». Взгляды Кассирера являются одной из основных методологических основ нашего исследования, ведь человеческая культура в целом для философа имеет глубоко символический характер и состоит из разнообразных символических форм, среди которых особое место занимает искусство. Культура не является чем-то заранее заданным, она творится человеком, постепенно отделяется от природного мира именно благодаря своей способности к постоянному продуцированию символических форм. Как отмечает Кассирер, «человеческая культура не является чем-то данным и само собой разумеющимся, но есть чудо, нуждающееся в толковании» [1, 9]. Как отмечает в своем исследовании «Проблема символа в философии» С. Г. Сычева, «Эрнст Кассирер использует понятие «символ», «символическая форма» и «символическая функция». Символы суть наполнения символических форм как результатов действия единой символической функции» [5, 5].

Пытаясь установить различия, благодаря которым мы можем говорить об уникальности мира человека и его особой специфике по отношению к животному миру, исследователь обращается к многочисленным теоретикам и практикам, в т. ч. и к экспериментам И. П. Павлова, чтобы четко определить причины и сущность этих черт. Кассирер утверждает, что главным различием между природным и человеческим миром является невозможность постижения и создания символической сферы животными, в жизнедеятельности которых функционирует только система знаков, сигналов, что и доказали опыты Павлова с собаками. Однако, «сигналы и символы принадлежат двум различным универсумам дискурсии: сигнал есть часть мира физического бытия; символ — часть человеческого мира значения. Сигналы — «операторы»; символы — «десигнаторы»» [2, 477]. Исследователь анализирует теории, в которых человек рассматривается как «недостаточное существо», ведь по отношению к животному миру с его мощной системой инстинктивного выживания, человек явно проигрывает. Кассирер приходит к выводу, что чем более разветвленной и многоуровневой становится система символических форм, созданных человеком, тем больше он отдаляется от природы, теряя непосредственную связь с ней. Человеческие адаптационные способности теперь связаны с совершенствованием символической системы, а не с естественной инстинктивной адаптацией к окружающему миру. «В чело-

веческом мире мы находим и новые особенности, которые составляют отличительную черту человеческой жизни. Функциональный круг человека гораздо шире, но дело здесь не только в количественных, но и в качественных изменениях. Человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и эффекторов есть еще третье звено, которое можно назвать символической системой» [2, 470]. Кассирер отмечает, что в отличие от животных, человек живет совсем в другой реальности, в другом символическом измерении, которое структурируется и усложняется по мере развития самого человека. Как отмечает Хенникс Элемер в своей работе «Страхи и символы. Введение в исследование западной цивилизации», Кассирер использует понятие «символическое животное», понимая под этим всех людей в целом, и акцентирует внимание на том, что «его характерной особенностью является способность создавать и использовать символические системы» [7, 54]. Агнес Петоц в своем исследовании особенностей символизма также акцентирует внимание на чрезвычайно важной роли кассириерского определения символической основы человеческой сущности, которая отделяет нас от животного мира, ведь «создание и использование символов занимает центральное место и является тем, что нас отличает в нашем поведении и умственной жизни» [8, 1].

Одной из первых, наиболее важных символических форм, которые создает человек, является миф, благодаря которому природный мир приобретает совсем иной, трансформированный вид и значение. «В мифе все природное бытие выражается языком человеческого, социального бытия, все социальное — языком природного бытия. Миф — трансформация языка природы» [3, 200]. Миф характеризуется синкретизмом, нераздельным единством всех слоев человеческого бытия. Наряду с мифом Кассирер выделяет такие символические формы как язык, искусство, науку, благодаря которым также продуцируются необходимые составляющие символической реальности человека. Именно мифу, языку и проблеме научного знания исследователь уделяет основное внимание в работе «Философия символических форм», бегло упоминая искусство в контексте рассмотрения специфики указанных символических сфер.

Миф является для него отправной точкой в дальнейшем разворачивании и усложнении символической реальности, которая продолжает развиваться в этом направлении благодаря возникновению языка, искусства и науки. Эти сферы не являются тождественными, они отражают различные аспекты символической реальности человека, мозаично выстраивая сложную систему пространства человеческого бытия. Существование мифа становится возможным благодаря его реализации через мир образов, «он не может выразиться и раскрыться иначе, нежели через этот мир — однако чем дальше он продвигается, тем больше само это проявление становится для него чем-то внешним, не полностью адекватным его собственной воле к выражению» [3, 246]. Именно в этот

момент, по нашему мнению, происходит формирование новой символической сферы — сферы искусства, которая, особенно на первых этапах развития человека, является чрезвычайно близкой к мифу, органично с ним переплетенной, но не полностью тождественной.

Кассирер отмечает, что «когда мы обозначаем язык, миф, искусство как «символические формы», то этим выражением, кажется, уже предполагается, что все они, как духовные образования, восходят к какому-то первичному, глубинному слою действительности, просвечивающему сквозь них, словно через некую чуждую ему самому среду-медиум. Действительность тогда улавливается нами не иначе, как через своеобразие этих форм; но из этого следует, что действительность столь же скрывается этими формами, как и открывается ими» [4, 11]. Мы можем провести определенные параллели между данным утверждением и мнением византийских теоретиков, которое, в отличие от Кассирера, касалось способности символа, с одной стороны, открывать, а с другой — скрывать божественную сущность, вместо которой у Кассирера возникает реальная действительность, что словно через стекло, человек может увидеть сквозь призму различных символических форм. То есть реальная действительность предстает в нашем сознании лишь как ее символический продукт, особенности которого будут зависеть от специфики той или иной символической формы, с помощью которой мы ее рассматриваем. Сам человек создает собственную символическую реальность, в которой содержатся как отпечатки самого объективного мира, так и особенности собственно человеческой, субъективной природы. Хенкисс Элемер отмечает, что в соответствии с кассиреровской концепцией «люди открывают новое измерение в реальности; они создают космос символов, который становится их собственным миром. Человек не может жить своей жизнью, не выражая жизни в символах» [7, 54].

И сам человек не является изначально заданным с определенным набором характеристик, он творит себя и мир, реализуясь в конкретной деятельности, благодаря которой мы и можем говорить о самом человеке и мире его культуры. Во втором томе «Философии символических форм» Кассирер отмечает, что «искусство было первой силой, которая, способствуя обретению человеком своего собственного образа, в некотором роде открыла и специфическую идею человека как таковую» [3, 203]. В осознании себя человек движется от магически-ритуальных изображений первобытности к синтезированным образам человеко-богов в египетской пластике и росписях, постепенно переходя к воплощению божественного в чисто человеческом облике в античном искусстве, а, впоследствии, и до полного отделения светского образа от любого связи с трансцендентным.

Искусство, в том числе и изобразительное, является сложным феноменом, благодаря которому человек создает представление о себе и мире в чувственных, наглядных образах, одновременно содержащих и информацию об окружающей действительности, и отображающих внутренний

мир художника. Кассирер критически относится к многочисленным теориям подражания, раскрывая их внутреннее противоречие и неполноту. Каждый художник не просто подражает, следует природе, даже с наличием привнесения в произведение своей собственной фантазии, он всегда рождает новое видение, новую реальность, которая творит иные измерения символического и преобразует мир. «Это запечатление «наивысших мгновений явления» не есть ни подражание физическим вещам, ни просто половодье сильных чувств: это интерпретация реальности, но не в понятиях, а посредством интуиции; не через посредство мыслей, а через посредство чувственных форм» [2, 613]. Философ приводит пример из воспоминаний художника Людвиг Рихтера, рассказывающего о том, как он вместе с тремя своими коллегами рисовал одинаковый пейзаж, стараясь максимально натуралистично воспроизвести все ее нюансы. В результате, несмотря на один и тот же оригинал, они получили совершенно разные по манере и внутренними особенностями картины.

«Ни один художник не может изображать природу, не выражая своего собственного Я посредством этого же изображения; и нет художественного выражения своего Я без появления перед нами предметности во всей ее объективности и пластике. Для того чтобы родилось великое художественное произведение, нужно, чтобы субъективное и объективное, чувство и четкий образ прониклись одно другим и слились полностью воедино. Отсюда вытекает объяснение того, что произведения искусства никогда не могут быть всего лишь отображением либо субъективного, либо объективного, либо мира души, либо предметного мира. Напротив, здесь совершается настоящее открытие и того, и другого — открытие, которое по своему общему характеру стоит на одном уровне со всяким теоретическим познанием» [1, 38]. Таким образом, по мнению Кассирера, художественное произведение выступает синтезированной символической формой, которая включает в себя как объективные характеристики мира, так и субъективные особенности художника, не уступая при этом в свои познавательных возможностях теоретической рефлексии. Но говоря об обязательной необходимости изображения художником объективной предметности, без которой, по мнению автора, нет художественного выражения, Кассирер не учитывает тех тенденций, которые уже зарождались в искусстве начала XX ст. и заключались в отказе от этой же предметности в пользу абстрактных форм. Но переход к подобным инновационным формам выражения только продолжает идею самого же Кассирера, но несколько в ином контексте, о том, что любое произведение искусства — это всегда рождения чего-то нового, необычного, даже в самых реалистичных изображениях. «Достаточно бросить взгляд на действительно великие произведения искусства всех времен, чтобы понять эту основную особенность. С каждым из этих произведений мы расстаемся, вынося ощущение, что встретились с чем-то новым, ранее не известным. То, с чем мы сталкиваемся, — не просто подражание или повторение; скорее всякий раз нам кажется, что мир откры-

вається новим образом и с новой точки зрения» [1, 39]. Именно в том, что искусство дает нам возможность в индивидуальном почувствовать объективное, а объективное окрасить собственными индивидуальными переживаниями, и заключается, по мнению Кассирера, важнейшая функция искусства. Каждое великое произведение искусства — это новое открытие, которое познает этот мир с помощью интуиции. Подобно ученому, осуществляющему открытие в естественной сфере, художник в чувственно-интуитивных формах открывает, а не просто механически копирует, природный мир.

Кроме этого, как отмечает Кассирер, благодаря искусству, так же как в языке, происходит процесс осознания этого мира, а также познания, где задействованы два противоположных процесса — анализ и синтез, объединение которых происходит именно в процессе творчества. Также искусство предстает как самокритика, самоанализ, для иллюстрации чего философ выбирает автопортреты Рембрандта различных периодов его жизни, которые дают нам визуальное подтверждение внутренних трансформаций автора, а также указывают на возможность и мастерство их переосмысления и отражения самим художником.

Также философ указывает на важную коммуникативную функцию искусства, роль которой чрезвычайно повышается в XX веке в контексте активного привлечения к процессу сотворчества зрителя. Кассирер отмечает, что «подобно процессу речи, художественный процесс диалогичен и диалектичен. Ни один зритель не играет здесь лишь пассивную роль. Мы не сможем понять произведение искусства, хотя бы до некоторой степени не повторив и не воссоздав творческий процесс, который вызвал к жизни это произведение» [2, 616]. Также искусство должно всегда стимулировать развитие, динамизм, а не просто способствовать рождению эмоций. Благодаря динамизму искусство должно трансформировать символический мир человека, всегда внося в него что-то новое, открывая его заново.

Но этот динамизм присущ и внутренней структуре символа, который не замирает в неподвижной статике, а склонен к постоянным трансформациям. «Символ не только универсален, но и чрезвычайно изменчив» [2, 482], и, конечно, это вызывает постоянную подвижность и динамичность всех символических форм, которые составляют основу культуры. «Подлинный человеческий символизм характеризуется не единообразием, а как раз своей изменчивостью: он не жесток и статичен, а подвижен» [2, 482].

Также одной из наиболее важных характеристик символизма в контексте искусства, что отличает концепцию Кассирера от прошлых символических концепций, особенно Средневековых, является то, что «искусство на самом деле символично, однако символизм искусства должен пониматься не в трансцендентном, а в имманентном смысле. Красота есть «бесконечное, выраженное в конечном», согласно Шеллингу. Подлинный предмет искусства — это, однако, не бесконечное Шеллинга и не абсолютное Ге-

геля. Предмет искусства — это фундаментальные структурные элементы самого нашего чувственного опыта — линии, очертания, архитектурные и музыкальные формы. Эти элементы, можно сказать, вездесущи. Лишенные какой-либо тайны, они явны и несокрыты — видимы, слышимы, осязаемы» [2, 626]. Таким образом Кассирер выносит «за скобки» своей символической концепции любой мистицизм, перенося проблему символа и символизма в имманентный мир человеческого существования.

Иное представление о символической основе культуры, определяющей трансформационные процессы в лоне изобразительного искусства, выстраивает в работе «Закат Европы» Освальд Шпенглер. Пытаясь осмыслить культуру в ее органическом единстве, как изменение различных органических соединений, что, подобно живому организму, рождаются, стареют и умирают, перерождаясь в каркас цивилизации, Шпенглер выводит несколько фундаментальных составляющих, которые влияют на характер самореализации разных культур. Рождение своеобразной души культуры происходит благодаря так называемому прафеномену, который «пульсирует в чувстве формы каждого человека, каждой общности, стадии, эпохи и диктует им стиль всей совокупности жизненных проявлений. Он кроется в форме государства, в религиозных мифах и культах, в идеалах этики, формах живописи, музыки и поэзии, в основных понятиях всякой науки, но не исчерпывается ими. Следовательно, его нельзя понятийно изложить и в словах, ибо язык и формы познания сами суть производные символы. Каждый отдельный символ гласит о нем, но обращаясь к внутреннему чувству, а не к рассудку» [6, 338]. Таким образом, прасимвол является основой развертывания символической реальности, той неограниченной потенциальной жизнеобразующей силы, что дает импульс и энергию для всего символического разнообразия мира, формирует душу культуры. Его сущность невозможно постичь только посредством разума — в этом просматривается родство с определением символа уже в XX в. С. Аверинцевым. Потенциальное наличие прасимвола в человеческой природе, в мировых кодах, роднит это понятие с юнговскими архетипами коллективного бессознательного, которые являются вместилищем исторической памяти человечества, а также источником, порождающим символы. В унисон Кассиреру, Шпенглер также считает действительность, макрокосм состоящими из многочисленного количества символов, среди которых — речь, все виды искусств, религия, научное познание, телесные проявления и т. п. «Все, что есть, есть также символ» [6, 325]. Но при этом, в отличие от Кассирера, который акцентирует внимание на изменчивости, постоянной подвижности символа, Шпенглер характеризует его как статическое, застывшее образование. «Символы, будучи чем-то осуществленным, относятся к сфере протяженного. Они суть ставшее, а не становящееся — даже если они и обозначают становление — и, значит, неподвижны и подчинены законам пространства. Есть *только* чувственно-пространственные символы» [6, 326]. Это утверждение вы-

зывает определенные возражения, ведь история развития культуры свидетельствует о постоянной трансформации и герменевтической многоплановости символа, что предполагает постоянную изменчивость и обретение им новых смыслов, а не просто умирание старого и рождение нового. Шпенглер же озвучивает свой фаталистический приговор о неизбежности смерти всего живого, что, однако, не может быть аргументом отсутствия трансформационных изменений в процессе самой жизни.

Выделяя три разновидности души разных культур — аполлоновскую, которую Шпенглер связывает с античностью; фаустовскую, основой которой выступает западная культура, зарождающаяся с появлением романского стиля и противостоящая античности; и магическую душу арабской, восточной культуры — философ указывает на стержневые прасимволы, которые лежат в основе их специфики. Шпенглер отмечает, что прасимволом античной души является «отдельное материальное тело, а прасимвол западной — (...) бесконечное пространство» [6, 338]. Восточная культура базируется ощущении мистического, неизведанного и божественного.

Согласно этой специфике философ строит свой анализ символических особенностей изобразительного искусства, при этом крайне критически относясь к существующей дифференциации искусств, причисляя к сфере изобразительного искусства также и музыку. «Если искусство имеет границы — границы собственной оформленной души, — то только исторические, а не технические или физиологические. Искусство — это организм, а не система» [6, 391].

Для иллюстрации предложенной позиции исследователь привлекает многочисленный искусствоведческий материал, пропущенный через призму обозначенных характеристик. Он подробно анализирует особенности античной архитектуры, пластики, специфику изобразительного искусства Возрождения и Нового времени, соотнося их между собой, выявляя таким образом существующие различия, которые сводятся к отсутствию чувства про-

странства в античном искусстве, его телесности, пространственности западного и мистичности восточного искусства. Шпенглер также отвергает представление о существовании самодостаточных больших стилей — романского, готического, стиля Ренессанс, барокко, рококо, считая их разными ступенями одного глобального стиля-организма, в пределах которого имеются подобные переходы.

Также, в отличие от Кассирера, который считает, что художник всегда рождает новое как из глубин собственной индивидуальности, так и вдохновляясь духом культуры, Шпенглер полностью подчиняет художника стилю считая, что «именно стиль и творит самый *тип* художника. (...) Оттого в общей исторической картине какой-либо культуры может наличествовать только один стиль — *стиль этой культуры*. Было бы ошибкой различать чистые фазы стиля, вроде романики, готики, барокко, рококо, ампира, в качестве самостоятельных стилей и приравнять их к единствам совершенно иного порядка, вроде египетского, китайского или даже «доисторического» стиля. Готика и барокко — это юность и старость одной и той же совокупности форм: зреющий и созревший стиль Запада» [6, 373].

Подобная точка зрения, по нашему мнению, не соответствует современной ситуации сложности и мультикультурности, царящей в пространстве европейского искусства начиная с конца XIX в. Говорить о подобной культурной замкнутости, как относительно прошлых периодов развития европейского изобразительного искусства, так и современных, не является в контексте нашего видения уместным. При этом необходимо отметить, что относительно обоснования символической основы культуры и проекции этого понимания на изобразительную сферу, позиция Шпенглера не теряет своей актуальности.

Выводы. Таким образом, концепции Э. Кассирера и О. Шпенглера представляют специфические варианты видения символических основ культуры и их проявления в различных сферах, в том числе и пространстве изобразительного искусства.

Литература:

1. Кассирер, Э. Логика наук о культуре/Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарики, 1998. — 784 с.
2. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры/Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарики, 1998. — 784 с.
3. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление/Э. Кассирер. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — 280 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания/Э. Кассирер — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — 398 с.
5. Сычова, С. Г. Проблема символа в философии/С. Г. Сычова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 197 с.
6. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность/О. Шпенглер. — М.: Мысль, 1998. — 663 с.
7. Hankiss Elemer. Fears and symbols. An Introduction to the Study of Western Civilization/Elemmer Hankiss. — Budapest: Central European University Press, 2001. — 317 p.
8. Petocz Agnes Freud, Psychoanalysis, and Symbolism/Agnes Petocz. — London: Cambridge University press, 1999. — 284 p.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (82) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4